

М. Бессаев

Как трудно орлу

Отсканировано
в сентябре 2015 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бэрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2015 азы сентябры
сæрмагондæй паблик «Бэрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.

<http://vk.com/barzafcag>

НОВИНКИ СОВРЕМЕНИКА

Тазрет Бесаев

Как трудно орлу

Повесть
и рассказы

Перевод
с осетинского

«Современник»
Москва
1977

Бесаев Т. У.

Б53 Как трудно орлу. Повесть и рассказы. Пер. с осет. М., «Современник», 1977.
302 с. (Новинки «Современника»).

Повесть старейшего писателя Северной Осетии Т. Бесаева «Как трудно орлу» рассказывает о жизни замечательного сына осетинского народа Хаджумара Гетоева — участника революции 1905 года на Кавказе, героя гражданской войны в Сибири, зверски замученного семеновцами, сподвижника Сергея Лазо.

Рассказы сборника объединенные в цикл «Поступь времени», создавались в разные годы; это лучшие рассказы писателя, тематически охватывающие жизнь Осетии от преддверия Октября до наших дней.

Б $\frac{70303-229}{M106(03)-77} 170-77$

C(K_{ab})

Как трудно
орлу

Повесть

Глава первая

Набат гремит над Осетией

До дома оставалось недалеко, и Михаил Гарданов зашагал размашисто и торопливо. Негромко поскрипывал под ногами уже по-весеннему хрустящий снег, в морозном воздухе едко пахло гарью, особым запахом еще непогасших пепелищ. Вечер подкрался воровски незаметно: в феврале темнота наступает рано; быстро сгущались сумерки, затягивая синеватой мглой заснеженные горы. Село Христиановское, несмотря на не-поздний час, казалось вымершим — улицы безлюдны, даже псы не подавали голоса. Михаил подошел к своему дому, торопливо открыл дверь, в темноте на полке нашарил свечу и зажег ее. Уродливые тени побежали по стене и потолку; жалобно мяукая, откуда-то появилась кошка и, узнав хозяина, не подошла к нему, а пугливо застыла в отдалении, диковато посверкивая огненными глазами. За те несколько дней, которые Михаил скрывался от карателей, в доме, казалось, поселился нежилой дух и чем-то чужим веяло от стен, — воздух пропитался пороховой гарью. Михаил принес дрова и вскоре в очаге заполыхал огонь. Устало привалившись к стене, Михаил смотрел на пляшущее пламя, и невольно в памяти оживали картины пережитого за последнюю неделю. Немного прия в себя, он рывком поднялся с места, с трудом сдвинул дубовый сундук в углу и достал из тайника толстую тетрадь в кожаном переплете, с лета он записывал в нее все, чему был свидетель, что видел своими глазами и слышал своими ушами. «Когда-нибудь потомкам мои записи, очевидно, помогут восстановить реальную картину событий этого грозного года», — думал Михаил, с пунктуальностью и

тщанием учителя ведя свой дневник. Прежде чем сделать новую запись, он бегло перелистал тетрадь, выхватывая наугад глазами неразборчивые записи, но постепенно чтение захватило его, он заново переживал ушедшие дни, искал в них ответ на то, как жить и бороться теперь, когда реакция нагло подняла голову. И где была допущена ими ошибка, если такой перелом стал возможен.

«5 июня 1905 года, — читал он, с улыбкой вспомнив и тот жаркий летний день, и запах подсыхающего сена, доносящийся с горных лугов, и половодье чувств своих односельцев.

Сегодня наша революционная группа возглавила выступление жителей Христиановского против царской администрации. Почти все селение поддержало призыв — изгнать старшину Бадманова. Всем давно известно, что старшина — царский сатрап. Меня очень обрадовало, что и старики заодно с нами. Батманов добровольно сдать власть отказался. Пришлось применить к нему силу. Член нашей организации Царай Кесаев сорвал с Бадманова старшинскую цепь. Народ собрался в сельское правление для выбора нового старшины. От имени старииков с речью выступил Царай Газдаров, от имени нашей революционной группы сказать речь доверили мне. Избранный революционный комитет решил на сельском сходе собрать всех жителей без различия пола, все взрослые будут иметь решающий голос. По-моему, впервые за всю историю Осетии женщина будет участвовать наравне с мужчиной в общественной жизни, и в этом я вижу благотворное влияние нашей революционной работы...

22 июня 1905 года.

Постановлением сельского схода старшиной избран учитель Заманкульской школы Амурхан Собиев, но власти вскоре арестовали его. Из Владикавказа приезжал следователь, чтобы выявить зачинщиков. Никто не выдал нашу группу, даже христиановские богатеи не посмели. Пример наш всколыхнул всю Осетию, и наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков вынужден был официально узаконить выборы кандидатов на должность старшины. Правда, это полумера, но важно то, что царские власти пошли на уступки...

8 августа 1905 года.

Получил письмо из Владикавказа. Сообщают, что сотня Осетинского дивизиона была направлена на станцию Минеральные воды для подавления забастовки железнодорожников. По дороге сотня была расстреляна революционерами и отказалась выполнять распоряжения своего начальства; тому ничего не оставалось, как вернуть сотню во Владикавказ, в казармы. Видимо, на солдат дивизиона подействовало также революционное выступление матросов на броненосце «Потемкин». Сейчас все об этом только и говорят. Правду о восстании я узнал из прокламации ЦК РСДРП, которую к нам в Христиановское привез Симон Такоев. Он сказал нам, что надо незаметно накапливать оружие и патроны, исподволь готовиться к вооруженной борьбе с царизмом, схватка с которым неизбежна и может вспыхнуть в самое ближайшее время, и надо быть готовым к этому...

20 сентября 1905 года.

Прорвался давно зревший нарыв.

Христиановцы начали самовольную вспашку алдарских¹ земель. Идет ожесточенный бой на экономической и социальной почве между местными богатеями и бедняками, которые считают своим вожаком Дзибирта Уллуева. Кулаки забрали в свои руки и землю, и должностные места, да и денежный капитал у них немалый, а потому они стали господами положения в селе, командуют и хозяйством, и рынком, душат односельчан, разоряют их высокой арендной платой. В этом году десятина земли под пахоту стала стоить 50 рублей в год. Если так будет продолжаться и дальше, немало бедняцких семей пойдут по миру.

12 сентября 1905 года.

Протест бедняков и середняков против притеснений богатеев и властей всегда начинается стихийно, и большого труда стоит нашей группе этот взрыв народного гнева направить в организованное русло. И пусть не сразу, но нам все-таки удается добиться этого. Молодежь села — первый наш помощник во всех начинаниях. Теперь я вижу, какое это благо, что несмотря на все

¹ Алдary и баделяты — местная феодальная знать.

препоны, чинимые властями, мы добились разрешения создать в селе общественную библиотеку. Сюда, к нам, тянутся все, кто стремится к лучшей доле, и для себя и для своих детей. Осетины почти поголовно неграмотны, и революционная группа, при нашей библиотеке, учит взрослых не только читать и писать, но и правильному пониманию происходящих событий, а уроки классовой борьбы не проходят бесследно.

На своей шкуре не раз испытал я презрительное отношение дворян-помещиков к интеллигенции, вышедшей из крестьянской среды. И вот это алдарское высокомерие и спесь по отношению к простому народу не в малой степени способствует тому, что революционные идеи прививаются, находят благодатную почву в сердцах вольнолюбивых дигорцев...

26 октября 1905 года.

Несколько дней был во Владикавказе. Наша группа поручила мне узнать отношение Терско-Дагестанского комитета РСДРП к царскому манифесту от 17 октября. В городе, как и в горах, страсти тоже накалены. Черносотенцы дубинками, а солдаты ружейными залпами разогнали 19 октября демонстрацию рабочих и учащихся. Об этой кровавой расправе мне рассказали друзья, на их глазах происходило побоище. На следующий день после своего приезда я попал на митинг, огромная толпа собралась около Пушкинского сквера, на кумаче лозунги: «Долой самодержавие!» и «Свобода, равенство, братство!». От страстных речей у меня, как, паверное, и у всех остальных, сладко щемило сердце, душа наполнялась жаждой немедленного действия. Особенно мне запомнилось выступление одного гимназиста. Потом мне назвали его имя — Чермен Баев. Каждая фраза его речи звучала, как набат. «Если мы будем едины — нас никто не одолеет, и восставший народ завоюет подлинную свободу!» — закончил он под громкие возгласы собравшихся. Когда я слушал его, мне вспомнился мой любимый ученик Хаджумар Гетоев. Оба они — Чермен и Хаджумар — схожи своей не-примиримостью к несправедливости. В тот же день меня познакомили с Черменом, и, к удивлению своему, я узнал, что он брат национал-монархиста Гаппо Баева, городского головы Владикавказа. Впервые в своей жизни я сталкиваюсь с таким обстоятельством.

27 октября 1905 года.

На стене гостиницы, в которой я остановился, висит небольшая прокламация, я не поленился и переписал ее:

«Граждане!!! Борьба развивается все шире и шире. Правительство, от страха потерявшее голову, все чаще применяет военную силу, чтобы раздавить революцию. Долг каждого сознательного гражданина помочь спаседливой борьбе народа с ненавистным царским правительством, в той или иной форме поддержать борющиеся революционные социалистические организации. Да здравствует учредительное народное собрание! Да здравствует свобода! Терско-Дагестанский комитет РСДРП».

1 декабря 1905 года.

В Терско-Дагестанском комитете я узнал, что для охраны митингов и манифестаций от черносотенцев-монархистов создается боевая дружина...

Я участвовал во многих демонстрациях и митингах. На всю жизнь останутся в моей памяти грандиозные шествия под красными знаменами, тысячеголосый хор, слаженно и торжественно поющий «Марсельезу»... И я могу благодарить судьбу, что мне посчастливилось видеть все это своими глазами. Такое не забудется никогда! И с каждым днем в душе моей крепнет убежденность, что разбуженный народ — это великая сила, справиться с ним царизму уже не удастся...

6 декабря 1905 года.

Всем селом вчера христиановцы вышли рубить лес, который прежде принадлежал горцам, но правительство отобрало его в пользу казны, а часть лесов отвело казачьим станицам. Стражники были изгнаны из своих сторожек, кто-то из них известил казаков. Атаман Сунженского отдела Кулеш с сотней набросился на порубщиков. На помощь христиановцам пришли все, кто мог ходить. Командование в свои руки взяли отставные солдаты Осетинского конного дивизиона, которые проживают в Христиановском, в схватке участвовали и молодые ребята из нашей группы. Атаман Кулеш со своими казаками был загнан в урочище Муртазата, и ему ничего не оставалось, как сложить оружие и сдаться христиановцам. В селе царит небывалое воодушевление, и стар, и млад на все лады рассказывают подробности о

пленении Кулеша и его сотни. Факт этот весьма примечателен. Стихийный порыв горцев был так силен и велик, что даже тугодумы казаки поняли, что лучше сдаться. Христиановцы ходят необычайно гордые: по всей Дигории они стали известны. За селом укрепилась слава «бунтующего»...

17 декабря 1905 года.

Сегодня мне привезли газету «Народная правда» за 15 декабря, из нее узнал подробности восстания в Осетинском конном дивизионе во Владикавказе. У нас тут в селе ходили самые противоречивые слухи об этом. Газета напечатала обращение — «От осетинского дивизиона»:

«Наши кровопийцы-начальники не довольствуются тем, что они нас обкрадывают, топчут ногами, заставляют идти против наших братьев — рабочих и крестьян. Наши начальники дают еще и полиции надругаться над нами. Сегодня ворвалась к нам полиция и хотела сделать обыск. Мы запротестовали. Пристав выхватил револьвер и ранил двух наших товарищей. Мы не могли больше терпеть. Мы убили пристава и городового. Товарищи! Довольно терпеть. Берите оружие и станем дружно на защиту наших человеческих прав и прав всего народа. Вся Россия встала на борьбу со своими грабителями. Мы подняли знамя восстания и примкнули к народу.

Мы требуем, чтобы мы заняты только восемь часов, а остальное время бы могли ходить куда угодно. Мы требуем: выдачи всем солдатам по три рубля в месяц, чтобы наши выборные заведовали кухней, выдавали срочные мундиры, освободили всех наших товарищей из Апшеронского полка, арестованных за то, что требовали улучшения положения. Не посыпайте нас против наших братьев — рабочих и крестьян! Мы требуем немедленного созыва всенародного Учредительного собрания, на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Весь русский народ и мы, солдаты, не можем больше терпеть этот гнет. Нужно примкнуть теперь к народу, чтобы показать этому кровожадному правительству, что мы поддерживать будем народ. Берите же винтовки и скорее с красным рабочим знаменем идите с нами. Напишем на рабочем знамени: «Да здравствует Учредительное собрание!»

Чувствуется по всему, что в дивизионе крепко поработали социал-демократы. Товарищ, привезший мне газету, рассказывал, что сотни вооруженных осетин на конях примчались во Владикавказ на помощь солдатам дивизиона. Военное начальство растерялось, не знал, что предпринять, и, чтобы погасить мятеж, пообещало солдатам дивизиона рассмотреть и удовлетворить их требования.

18 декабря 1905 года.

Царское правительство, наобещав гражданских свобод, на деле не прекращает своей прежней политики насилия и угнетения. Из Москвы и Петербурга пришел призыв к Всероссийской политической стачке. Владикавказская железная дорога, наверное, тоже будет бастовать. Начинается новая страница революционной борьбы.

20 декабря 1905 года.

Христиановцы по-прежнему бойкотируют распоряжения властей. Вчера начальник Владикавказского округа в сопровождении сотни казаков подъехал к селу и просил впустить его для переговоров. Христиановцы устроили настоящую баррикаду, отказались впустить начальника и вести с ним какие-либо переговоры. Так он и уехал ни с чем.

24 декабря 1905 года.

В село нарочным доставлено оповещение генерала Колюбакина о введении в Терской области военного положения. Власти развязали себе руки, чтобы всеми дозволенными и недозволенными способами вести борьбу с революционерами.

Думаю, что в Осетии должны произойти важные события. Революционеры в ответ на угрозы генерала Колюбакина ответят массовой вооруженной борьбой, наверное, события примут резкий, ожесточенный характер. А вот готов ли революционный народ к борьбе в изменившихся условиях? По совести говоря, я не могу утвердительно ответить на этот вопрос. Связь с Владикавказом у нашей группы не регулярна. Вчера оттуда был товарищ, он передал мне, что Терско-Дагестанский комитет поручил мне объехать селения и аулы Дигории, чтобы выяснить сложившуюся там на нынешний день обстановку. Завтра выезжаю выполнять поручение...

2 января 1906 года.

Больше недели не было меня в Христиановском. То, что мне пришлось видеть и слышать, подтверждает справедливость народной мудрости: «Вечные ледники и те сдвигаются». Аулы Дигорского ущелья, все, как один, поднялись на борьбу с царскими властями. В Махческе я встретился с Хаджумаром Гетоевым и его друзьями, и мне стало понятно, почему в каждом дигорском ауле висит на видном месте красный флаг. Группа Хаджумара ведет активную разъяснительную работу. В ауле Галиат, где Хаджумар учителяствует, мне самому довелось послушать его. Говорил он горячо, и собравшиеся с одобрением принимали каждое, будто докрасна раскаленное, его слово.

— Царские власти и алдary разоряют нас, они отняли наши поля, пастбища, леса и обрекают нас на голод и нищету. Вы видите, вся Осетия вышла из их повиновения. Вы теперь знаете, кто ваш враг. Это самодержавие, и наша цель — свергнуть ненавистный строй. Я призываю вас не платить никакой арендной платы за землю и пастбища! Они по праву принадлежат вам! Все земли, пастбища и леса должны быть распределены равномерно. Не платите подати, штрафы, которые наложены на вас старшинами! Долой царских старшин! Вы должны управлять по собственному усмотрению, выбрав для этого наиболее уважаемых людей. Горцы всегда были вольны душой. Сзади рабство — впереди свобода! Долой самодержавие! Да здравствует свобода!

— Хорошую речь сказал, — похвалил я Хаджумара. — А как ты представляешь себе дальнейшую борьбу? — поинтересовался я.

— Надо поднять людей и разгромить сельские правления, изгнать царских старшин, — не задумываясь ответил Хаджумар, — а дальше жизнь сама подскажет, как действовать. Впервые горцы видят, как царские чиновники и алдари трепещут перед силой народа! — вскинулся Хаджумар. — В Ардоне и Алагире горцы уже выступили с оружием в руках, настал и наш черед.

Наш разговор внимательно слушали друзья Хаджумара — Колиев Габи, Базиев Бидзига — тоже бывшие мои ученики. И я радовался, что на их долю выпало счастье добывать своему народу свободу. Значит, не

такой уж я плохой учитель, если мои питомцы избрали для себя трудную судьбу борцов за счастье народа...»

Михаил отложил тетрадь, долго сидел, вглядываясь в пляску огня. «Да, не такой уж и плохой я учитель», — повторил он про себя прочитанную фразу. Его ученики, его подросшие на глазах парнишки, приняли революцию в свои руки. Они стояли у ее горна, они раздували теплившийся в углях огонек, они раздули его до пожара. Хаджумар, Габи, Бидзига, Беслан... Он видел их сейчас и стройными юношами, мчавшимися от села к селу, от аула к аулу, неся в сердцах пламень речей, и застенчивыми, глазастыми несмышенышами, впервые представшими перед ним. Они были первыми его учениками, тогда еще только начинаящего учителя.

А учительствовать он начал в Махческе, неподалеку от аула Камат, откуда родом Хаджумар. Аул сторожили руины древних каменных башен, сложенных из огромных камней. Как удавалось людям поднимать на высоту глыбы в сотни пудов. Может, и в самом деле прежде жило богатырское племя, и наартовские сказания не вымыслы? Тем более что старый Кертиби, который знает их бесчисленное множество, рассказывает их так, будто все происходившее в них случилось не позже, чем вчера. Зимними вечерами Михаил жадно слушал его, порой вместе со своими учениками. А неугомонный Хаджумар без конца расспрашивал то его, то самого Кертиби — где теперь находится свирель наарта Ацамаза, послушать которую сбегались звери и прилетали птицы. Или — правда ли, что наарт Сослан встает из гроба, когда опасность угрожает стране, а победив врага, снова ложится в гроб.

Михаил хорошо помнил тот солнечный осенний день, когда в двери его дома постучался Елбыздук Гетоев.

— Пришел просить тебя, дорогой учитель, — сказал Елбыздук, — прими еще одного ученика, моего сына. Трудом одного человека не прокормить семью у нас в горах, поэтому сын мой, Хаджумар, работал летом вместе со мной и не мог записаться в школу. Он — моя надежда, единственный помощник. Прошу тебя, разреши ему учиться, он смышленый парень, нагонит других твоих учеников.

— А где же твой сын?

— Он ждет на улице, — ответил Елбыздук.

Они вышли на улицу, неподалеку от дома стоял кренастый, светловолосый мальчик, большие серые глаза смотрели внимательно и печально, ранняя взросłość проглядывала в детском лице. Одет он был в шубу из овчины, которую перетягивал войлочный пояс, ноговицы из домотканого сукна, чувяки на толстой подошве, на голове папаха.

— Почему ты так тепло одет, лаппу?¹ — спросил Михаил удивленно.

— У нас в Камате мало солнца, — ответил тот, улыбнувшись, — и мама боится, что я простужусь...

Больше десяти лет прошло с того дня. Хаджумар стал его лучшим и любимым учеником, и не только любознательным и упорным, как принято говорить у учителей, — была у него какая-то неутомимая жадность к знаниям. В старшем классе он уже мог подменить учителя и вести уроки с новичками. Через год после окончания Махчесской школы Хаджумар поступил в Ардонскую семинарию, и когда Гарданов встречался с ним на каникулах, он с увлечением рассказывал о жизни в семинарии, о тайком прочитанных Чернышевском и Плеханове, приносил марксистские брошюры. Незадолго до окончания семинарии, летом 1904 года, Хаджумар установил связь с владикавказскими подпольщиками. Окольными путями Гарданову стало известно, что Хаджумар не раз помогал расклеивать прокламации и в самом Ардоне, и на улицах Владикавказа,

Однажды, когда зашел у них разговор о жизненном призвании, о счастье человека, он сказал:

— Самое заветное мое желание — облегчить жизнь простых горцев. Я знаю, на это, может быть, понадобится вся моя жизнь, но я клянусь тебе, мой учитель, что никогда не изменю этому желанию. Все свои силы отдам тому, чтобы оно сбылось. И если это случится — буду считать себя счастливым! Другого счастья мне не надо»... — вспомнил Михаил слова Хаджумара.

И наконец наступило это долгожданное время. С красным флагом в руках, ездил Хаджумар по селениям и аулам, призывая земляков к борьбе. Ведь правду нельзя завоевать без борьбы с царем, с алдаробаделятами и богачами.

¹ Лаппу — мальчик, парень.

В конце декабря несколько сот вооруженных жителей селений Кадгарон, Ногкау, Салугардан и Христиновского прибыли в Алагир. Огромная толпа, присоединившаяся к всадникам, разгромила канцелярию полковника Марданова, камеру мирового судьи и другие казенные учреждения. Чиновники в панике бежали из Алагира. На следующий день восставшие направились в Садон и Мизур, где находились рудники и обогатительные фабрики бельгийского горно-промышленного общества «Алагир». Были разгромлены и подожжены постройки Садонской, Мизурской и Фаснальской фабрик.

Да, эти дни мелькали в памяти Михаила Гарданова, как пестрая карусель. Недаром в народных сказаниях часто встречается образ орла со связанными крыльями. В нем осетины видели символ собственной судьбы, и вот настало время, когда орел порвал вековые путы, взмахнул крыльями и пустился в свободный полет. Никогда прежде ни одному поколению горцев не приходилось видеть такого размаха народного восстания. Стихия народного гнева разрушила все преграды и вырвалась на простор.

Несколько дней спустя товарищ из Владикавказа привез горькие вести. Вооруженное восстание в Москве подавлено. Осетинский конный дивизион, не получив помошь из Нальчика, был окружен верными правительством войсками. Пала и «Пятигорская республика». В последние дни почти повсеместно восстание носило хаотический характер, эти вспышки не поддавались какому-то объединению. Подлую роль сыграли и сельские богатеи. Товарищ передал Гарданову письмо осетин-стариков, которое они направили сотне Осетинского дивизиона, стоявшей в Нальчике. Михаила трясло от гнева и негодования, когда он читал это лицемерное послание.

«Дорогие наши дети и защитники Осетинского конного дивизиона! — писали эти мироеды. — Мы, ваши отцы и деды, сегодня были в представительном сбое в селении Эльхотовском, из всех селений Осетии, и просим вас, оставайтесь пока на своих местах в слободе Нальчик, просим убедительно, уважьте нам, старикам, отцам и дедам вашим, не выступайте самовольно из Нальчика до тех пор, пока мы не сообщим вам обо

всем. Мы все выборные, по поводу вашего дела едем во Владикавказ, лично разберем все дела ваших товарищих во Владикавказе и постараемся удовлетворить их обиду, если таковая имеется, обо всем сообщить вам.

Повторяем вам, послушайте нас, стариков, не горячитесь, будьте терпеливы и благоразумны, чем вы успокойте нас, ваших отцов, матерей и все семейство. Не изменяйте вашу присягу так, как и мы не изменили и сохраним с верой пред Государем и Начальством, за что и получаем всевозможные награды и заслуги и чины, помните, что мы всегда были верными Царю и Отечеству, что и вам завещаем, никогда и нигде не изменять присяге, будьте тверды, не поддавайтесь лести и обману, ибо это повлечет наивеликое бедствие и лишит нас заслуженных нами почестей, заслуг и чинов. Помните, что все, что только происходит вокруг нас, это суть лишь один призрак, ложь и обман, ибо они хотят добиться хороших прав лишь для себя, мы же впоследствии останемся осмеянными, представьте себе, что ни одна нация не пошла настолько быстро вперед, как культурно, так и заслугами, как осетинская, остается только благодарить Всевышнего Аллаха, Его Великого пророка Магомета и Иисуса Христа, они только все дадут нам, что будем просить, поэтому не изменяйте присяге и идите тем путем, которым вы шли и идете, остается только радоваться природе и жить спокойно.

Итак прощайте, оставайтесь на своих местах в Нальчике в ожидании от нас письма.

Сбор нас, представителей, последовал по распоряжению Вашего Начальства, которое дорожит вами и гордится.

Подписали: из селения Зильги — Даба Хаджи, Тебо Дзгоев, из Шанаева — Коки Бекузаров, из Дарг-Коха Курчоко Габистов и др.».

Но несмотря на это послание, сотня прискакала во Владикавказ.

Революция задыхалась и теряла силы. Реакция все туже стягивала петлю на ее шее.

Сейчас, когда самые жаркие дни позади, можно хладнокровно взвесить, где были допущены ошибки. И, видно, одна из них в том, что не смогли революционеры ограничить влияние старейшин на молодежь, отговаривавших ее от противоправительственных выступлений.

лений. Не раз случалось, что по воле стариков властям выдавали «ослушников».

«Да, это сложный нравственный и политический вопрос, он неразрывно связан с нашими традициями уважения к старшим. Но вот есть и обратная сторона его, и с этим тоже нужно считаться», — подумал Михаил.

И опять мысли его перекинулись к дню сегодняшнему. А главное сегодня — это сохранить от разгрома революционную группу. Из Владикавказа сообщили, что два дня назад начальник Владикавказского округа распорядился арестовать учителей: Михаила Гарданова, Хаджумара Гетоева, Габи Колиева, Беслана Отарова и Бидзига Базиева «по политическим причинам и заключить их под стражу во Владикавказскую областную тюрьму, привлечь указанных лиц к судебному дознанию».

Михаил придинул свечу поближе и стал карандашом торопливо писать на чистой странице.

«18 февраля 1906 года.

Времени у меня в обрез, а потому пишу кратко. Тот вечер был самым черным для селения Христиановского. Отряд полковника Ляхова уже в сумерках подошел к селу и занял позицию на Белой речке, в полутора верстах от села. Над домом Абисала Казбекова развевался красный флаг, в ярости полковник приказал обстрелять село из орудий.

Старики, женщины, дети, впервые слышавшие раскаты пушечных выстрелов, потеряли от страха голову и в беспамятстве метались вокруг церкви. Молодежь несколько раз пыталась вступить в схватку с карателями, но старики удерживали ее. К Ляхову отправились парламентеры, вернувшись, они сообщили, что Ляхов потребовал контрибуцию в тридцать тысяч рублей, изъятия всего оружия и выдачи главарей бунта. Село собрало тридцать тысяч рублей и несколько винтовок. Вновь загремели пушки, горели разрушенные дома и постройки, мычали и блеяли раненые животные.

Уже ночью отряд Ляхова с песнями вступил в Христиановское. Наутро начались аресты: чья-то предательская рука передала карателю список людей, которые обезоруживали сотню Кулеша. По приказанию Ляхова дома этих людей были разрушены из пушек. Нашу группу пока не тронули, но чтобы не искушать

судьбу, мы решили поодиночке покинуть село и скрыться в горах.

Сегодня Ляхов убрался из села и отправился в Дигорию, оставив после себя пепелища и слезы. Но придет час, и царский опричник ответит за свои злодеяния.

Когда я сегодня возвращался домой, сорвал с плетня «Воззвание к сельским обществам осетинского населения Владикавказского округа». Генерал Колюбакин пишет:

«Обращаюсь за содействием ко всему благомыслящему осетинскому населению, прошу принять с его стороны все зависящие меры к удержанию хулиганствующей молодежи во избежание принятия над населением репрессивных мер.

Всякие беспорядки будут подавляться войсками, а руководители беспорядков властью генерал-губернатора в административном порядке подвергаются аресту или штрафу».

Все вобрало это воззвание — и лицемерие, и ложь, и обман царских властей. Революцию они называют хулиганством, расправу над невинными людьми, бессознательный грабеж карателями осетинского народа — репрессивными мерами. Будь проклято это правительство, погрязшее в расстрелях, экзекуциях и грабежах! Как жаль, что народу не хватило организованности и сил, чтобы свергнуть ненавистное самодержавие».

Михаил захлопнул тетрадь, любовно погладил ее переплет и, горько вздохнув, спрятал в тайник. Придвинул сундук на свое место. Вряд ли можно обнаружить тайник даже при самом тщательном обыске. Эта мысль заставила его улыбнуться, ему хотелось верить, что он скоро вернется в Христиановское и снова будет учить ребятишек грамоте, вести неторопливые беседы со стариками и молодежью. И вера эта не давала Михаилу права на малодушие и бездействие.

Ночь подходила к концу. Он быстро переоделся, взглянув в зеркало, убедился, что стал почти неузнаваемым: праздничная черкеска молодила его, будто он сбросил десяток лет. Удовлетворенно хмыкнув, Михаил присел, обвел прощальным взглядом комнату и, накинув темную бурку, решительно шагнул за порог.

Глава вторая

*Не заезжай, всадник,
в аул Камат!*

Далеко за полночь одиноко светилось оконце в сакле учителя Хаджумара. Давно затих общий тревожной тишиной аул Галиат, лишь изредка где-то взбрехи-вали псы. Потрескивал фитиль керосиновой лампы, неровное пламя отбрасывало огромные расплывчатые тени на стены и потолок. Студеный зимний ветер бился в дверь, постанывал в трубе. Хаджумару казалось, что принес он горькую весть, и вот, как лихой посланец, топ-чется у порога, не решаясь войти в дом. Да и не от кого ждать сейчас добрых вестей. Десятки людей уже арестованы, не сегодня-завтра и его ждет та же участь.

Хаджумар не знал, что предпринять, он не был готов к такому повороту событий, к тому, что так скоро жар схваток пойдет на спад. Он не сомневался, что революция, как снежная лавина, с каждым часом будет наби-рать разрушительную мощь и никакая сила не устоит перед ней. Все так и было сначала — один за другим взвивались красные флаги над селами и аулами, волнова-лось людское море на бурных, многочасовых митингах. Народ сам вершил свою судьбу! Алдары и баделяты и все их прихвостни в смертельном страхе забились в свои норы. И вряд ли кто предполагал тогда, что революция достигла своего зенита и скоро пойдет на убыль. Сердце Хаджумара никак не могло смириться с поражением. Что делать дальше — он попросту не знал, хотя много и долго размышлял над будущим. А теперь оно виделось ему словно в туманной дымке, неясным и зыбким. Ехать во Владикавказ и попытаться там связаться с подполь-щиками? Но он не знает, кто из них уцелел и можно ли подобраться к ним. У него нет надежных документов, чтобы без опаски жить в городе, и вряд ли сейчас там найдешь надежное убежище. Остается одно — скрыться в родных горах, здесь друзья помогут пережить лихое время. С каждым часом крепло в душе Хаджумара это ре-шение, две последние ночи он готовился в дорогу, пря-чась днем в надежном месте. Сегодня уже можно дви-гаться в путь... Сначала проститься с родителями и друзьями, а там добрые люди найдут ему укрытие.

День тянулся удивительно долго, и когда наконец солнце скользнуло за гору, и опустились ранние сумерки, Хаджумар отправился в путь. До аула Камат было около десяти верст — в темноте он незамеченным приберется к дому. В морозной тишине глухо стучали копыта коня, прихотливо петляла хорошо знакомая дорога, пушистый снег укрыл горы и леса, голубые в полутьме скалы утеряли свою угрюмость и величавость. Их горделивое молчание и красота догорающего дня незаметно успокоило Хаджумара, и жизнь уже не казалась ему полной бэзысходности. И хотя грустные думы совсем не покинули Хаджумара, устало сгорбившегося в седле, в них уже не было горечи и безнадежности.

Неожиданно тишину разорвал раскат пушечных выстрелов. Конь пугливо заржал и рванулся в сторону, натянув поводья, Хаджумар придержал его и прислушался. Выстрелы доносились со стороны селения Чикола и, приглушенные расстоянием, сливались в непрерывный гул. «Каратели обстреливают Чиколу», — догадался Хаджумар. От бессилия и обиды перехватило дыхание. Вот, оказывается, почему обычно пустынная зимой дорога изрыта следами коней, повозок и скота. Значит, люди, объятые страхом, бегут от родных очагов, надеясь спрятаться подальше в горах. Охваченный ненавистью к карателям, Хаджумар готов был повернуть коня и ринуться в Чиколу... Но что может сделать один, даже очень храбрый человек против отряда регулярных войск?!

А пушечная пальба все гремела, и каждый выстрел отдавался болью в сердце юноши, наполняя его полынной горечью. Неожиданно вдали Хаджумар заметил повозку, запряженную парой быков. Горец ехал от аула Камат, а потому может рассказать, что там сейчас происходит. Хаджумар стегнул плетью коня, и тот прибавил ходу. Горец остановился, а потом стал торопливо разворачивать свою повозку. Это удивило Хаджумара, он пустил коня вскачь и вскоре нагнал повозку, в которой лежала куча пустых мешков из сыромятных козлиных шкур, а на тех шкурах сидел его дальний родственник, охотник Албег. Лицо охотника было белей бумаги.

— Что случилось, Албег? Почему ты от меня убегал, как от ангела смерти? — встревоженно спросил Хаджумар.

Албег, словно не веря глазам, долго смотрел на всадника и наконец, затравленно оглянувшись, негромко произнес:

— Слава богу, Хаджумар, что это ты! Испугался я, подумал, что абрек. Сам-то я давно мог бы спрятаться в кустарник, а вот их куда денешь, — и он показал на быков и повозку. — И хорошо, что я повстречал тебя на дороге. Нельзя тебе появляться в Камат. Приехал какой-то начальник из города, допрашивает аульчан, баделяты тоже наведывались, с угрозами требовали выдать тебя. Беда может случиться, если ты покажешься в ауле, арестуют тебя обязательно...

— Ну нет, Албег, — перебил Хаджумар, — не за тем пробираюсь я в Камат, чтобы угодить им в руки... А не ехать не могу — мне обязательно надо встретиться с друзьями.

— Я не сказал тебе, Хаджумар, — добавил Албег, — Михаил Гарданов спрашивал о тебе, он в Камате...

— Вот видишь, — обрадовался Хаджумар, — погоняй своих быков, а я поеду следом, если в ауле безопасно, дашь мне знать.

Албег нехотя повиновался. В душе он корил себя за то, что не сумел отговорить Хаджумара, и теперь, чтобы не случилось беды, надо надеяться лишь на сметку и находчивость. Почуяв, что путь лежит к дому, быки ускорили шаг, подпрыгивая на камнях, повозка скрылась за поворотом.

Сумерки незаметно уступили темноте, сползшей со скал и тихонько прокравшись к аулу. Над саклями круто поднимался дым — женщины готовили ужин. В безветренном воздухе медленно кружились снежинки.

Чиновник из Владикавказа в Камат приехал не один, в Махческе дали ему помощников: сельского старшину Калаева, старика Джамбулата Оразова из аула Фаснал и церковного старосту Махческого прихода. Чиновник медленно, с пояснениями, зачитал им возвзвание временного генерал-губернатора Терской области Колябакина:

— «Имея в виду, что длительность железнодорожной забастовки, остановившей все отрасли промышленности, чрезвычайно вредно отзывается на благосостоянии населения Терской области... — взглянув из-за оч-

ков на внимательно слушающих и кивающих в такт его словам стариков, он с чувством удовлетворения продолжил: — В интересах вверенных моему попечению граждан и как сын, искренне любящий свое отечество и болеющий душой за его судьбу, признаю необходимым теперь же принять, по представленной мне власти, все меры к вдоворению должного в Терской области порядка. Единственно в этих целях и, главным образом, ради исключительного воздействия на железнодорожных революционеров... — чиновник опять внимательно посмотрел и зычно нараспив закончил: — Объявляю всю Терскую область на военном положении».

Старики с облегчением согласно кивнули и задвигались.

— Как видите, господа, это очень важный документ, — подчеркнул чиновник. — Нам рекомендовано в каждом селении образовать комитет из почетных стариков, сельского духовенства, как православного, так и магометанского, а также членов сельского самоуправления. Этот комитет обязан немедленно обезоружить всех неблагонадежных односельчан и взять их под надзор, а чтобы они не могли скрыться, лишить этих лиц права отлучки из аула или села. Кроме того, — повысил голос чиновник, — на комитет возложен сбор самых верных и обстоятельных сведений об участниках погромов, произведенных в декабре тысяча девятьсот пятого года, а также о вожаках и агитаторах-подстрекателях. Списки этих лиц необходимо представить в кратчайший срок, а я их передам окружному начальнику для привлечения этих людей к ответственности по закону. Чтобы вы знали, какое наказание ждет погромщиков и подстрекателей, сообщаю вам: властью генерал-губернатора в административном порядке они будут подвергнуты аресту до трех месяцев или штрафу до трех тысяч рублей...

Старики переглянулись и теперь уже закивали удовлетворенно. Они были согласны с генералом: если бунтовщикам не дать сейчас острастки, тогда сладу с ними не будет.

Сельский старшина Калаев протянул чиновнику несколько рукописных и отпечатанных на гектографе прокламаций, было видно, что все они довольно походили по рукам. Чиновник бегло просмотрел их. Точно такие он видел в жандармском управлении во Владикавказе,

значит, агитаторы из аулов связаны с городом; надо установить, кто привез и распространял их, и сделать внезапный обыск, тогда уж трехмесячным арестом, голубчики, не отдохнут. За пропаганду, призывающую к свержению существующего государственного строя, отправляют на каторгу. Смутьянов этих надо разыскать во что бы то ни стало.

— Откуда у вас эти листки? — строго спросил чиновник старшину Калаева.

— Верные люди принесли мне, — охотно пояснил старшина. — Их раздавал горцам галиатский учитель Гетоев Хаджумар.

— Гетоева надо разыскать и задержать, — нетерпеливо перебил его чиновник.

— Я уверен, здесь он скрывается, в Камате, — продолжал старшина, — сейчас, правда, дома лишь его мать, Гаир, я сам говорил с ней. И хотя она и уверяет, что сын уехал куда-то по школьным делам, это обычная уловка...

— Сколько лет Гетоеву? Давно работает учителем? С кем он дружит? — Вопросы чиновник задавал резко и требовательно.

Старшина чуточку оробел, но вида не показал, покашляв в кулак, собравшись с мыслями, отвечал негромко и обстоятельно. Чиновник слушал, подавшись вперед, и не сводил с Калаева напряженного взгляда.

— Хаджумару лет двадцать с небольшим, отец его Елбыздук живет небогато, но сына отдал в Ардонскую семинарию, учительствует он первый год...

— Так Гетоев бывший семинарист?.. — протянул чиновник. — Теперь мне все понятно. Я наслышан о нравах семинарии, и меня не удивляет, что Гетоев смутьян и бунтовщик.

Старшина Калаев почтительно слушал чиновника и кивал, когда тот замолк, сказал все так же негромко:

— Я вызвал сюда Батмурзу Худатова, он бедняк и очень смиренный человек, я думаю, он нам все расскажет, что знает.

Вошел немолодой горец, в короткой порыжелой черкеске и прохудившихся чубяках, нерешительно взглянул на присутствующих.

— Нам известно, что ты громил фабрику в Фаснале, — сказал чиновник с угрозой, — за участие в бун-

те тебя отдадут под суд, а все имущество обратят в пользу казны, и семья твоя станет нищей. Но, — чиновник значительно промолчал, — но если ты скажешь без утайки всю правду, я постараюсь облегчить твою участь. Кто подстрекал к разгрому фабрики?

— Да там тьма народу-то было, и я пошел вместе со всеми, — бесхитростно сказал горец.

— Но ведь кто-то возглавил толпу погромщиков? — не скрывая раздражения, спросил следователь. — Может, Гетсев Хаджумар направил тебя на это дело?

— Учитель Хаджумар там был, — подтвердил Худатов. — Он — учитель, человек грамотный, справедливый.

— Что он вам говорил?

— Что говорил-то? Да что царь, алдары и чиновники объедают трудовой народ, грабят его. Терпение у народа лопнуло, вот он и сделал революцию, чтобы все люди жили дружно, не знали нужды, чтобы все сообща владели землей, фабриками и заводами...

— И тебе захотелось владеть фабрикой? — не удержался, ввязался в разговор старшина Калаев. — Ты с парой быков едва управляешься, а захотел владеть фабрикой!

От нанесенной обиды Худатов напрягся как струна, глаза его потемнели, но чиновник не дал ему ответить старшине.

— Скажи, Худатов, кто это пристроил флаг на горе Ахсинти-хох? — голос следователя прозвучал резко и повелительно.

— А это Хаджумар, — с явным удовольствием ответил тот.

— Вот что, Худатов, если ты снимешь этот флаг, то тебе не будет никакого наказания, — пообещал следователь.

— Нет, я не сумею, — наотрез отказался Худатов.

— Ты что же, разучился лазать по скалам? — чиновник удивленно пощокал языком.

— По тому склону Ахсинти-хох я не взберусь, да и другой не всякий сможет.

— А где сейчас Хаджумар? — как бы невзначай спросил следователь.

— А кто его знает, я давно его не видел.

— Твои уловки тебе не помогут, — предупредил сле-

дователь Худатова, — лучше говори правду, иначе я арестую тебя и отправлю в город. Где прячется Хаджумар?

— Да если бы я знал, неужто бы не сказал вам, — стал уверять следователя Худатов.

И следователь уже окончательно понял, что горец дурчит его, прикидывается недотепой. Но ничего не мог поделать и вынужден был отпустить Худатова.

— Сейчас приведут сюда Гадаева, он дружит с Гетоевым, может, от него что узнаем... — уже как-то неуверенно проговорил старшина.

Через некоторое время в комнату вошел молодой парень, гибкий и легкий в движениях. Блестящие на выкате голубые глаза смотрели твердо и независимо. Одет он был в понощенную черкеску из тонкого сукна, на ногах арчита¹, но ноговицы шевровые. Папаха из пышной черной овчины надвинута на глаза. На тонком ремне книжал старинной работы в богато украшенных ножнах.

Старшина как бы предостерегающе поднял руку и со скрытой угрозой сказал:

— Гадаев, старшим своим ты должен говорить только правду, иначе навредишь себе и своей семье...

— Не пугай, лучше спрашивай, что тебе нужно от меня, — вскинул голову Гадаев и положил обе руки на кинжал.

— Ты участвовал в захвате земель рода Бадилаевых? Кто тебя заставлял это делать? Как ты, убогий сын Гадаевых, осмелился на такое? — воскликнул в неподдельном гневе Калаев.

— А разве бедняк не имеет права на участок хорошей земли? — спросил Гадаев и обвел всех вопросительно. — Почему бедняку уготована вечная нищета, смерть детей от голода? Меня и таких, как я, никто не толкал захватывать землю богачей, мы сами решились на это!

— Ты, наверное, и семена для посева уже приготовил? — с издевкой спросил Калаев и, обратившись к чиновнику, сказал: — Этот Гадаев входил в революционную группу «Набат», созданную Гетоевым.

— Чем занималась ваша группа? — спросил чиновник, уже теряя интерес к разговору, так как заранее знал, что нужного ответа не получит.

¹ Арчита — обувь из сырой матней кожи.

— Об этом спросите у самого Гетоева, — с ухмылкой посоветовал Гадаев.

— Можешь убираться прочь, — равнодушно распорядился чиновник. — Предупреждаю, тебе запрещено покидать аул без моего разрешения! Ты мне еще понадобишься...

Допрос Гадаева не дал никаких результатов, очевидно, и от других жителей Камата немногое добьешься. Аульчане стоят друг за друга горой, видимо, надо искать какие-то другие средства, чтобы пробить брешь в их круговой поруке. Подкуп? Посулы? «Да, надо хорошенько подумать. А то ведь и ни с чем уедешь», — озабоченно нахмурился чиновник.

И старшина Калаев, словно прочитав его мысли, наклонился и тихо сказал:

— Надо пригласить сюда старика Кертиби, пусть будет членом нашего комитета, он самый уважаемый в ауле...

Солнце коснулось вершины горы Уаза, вот-вот оно скроется за хребтом и тогда аул Камат окажется во власти зимних мглистых сумерек, а потом и густой не-проницаемой темноты. Тревога поселилась в саклях каматцев, прилепившихся к скале как гнезда, одна над другой. «Чужаки на нихас¹ вызывали женщины, нарушая все обычай, заставляли при чужих мужчинах говорить», — эта весть облетела аул в один миг. А старый Кертиби узнал обо всем от посыльного, пришедшего за ним с нихаса. Кертиби собирался уже идти туда, как вдруг порог переступил дорогой гость, Гарданов Михаил. Старик искренне обрадовался. Несколько лет работал Михаил в ауле учителем, за это время они успели крепко сдружиться, и хотя уехал Михаил из аула, до сих пор в сердце он у старого Кертиби.

— Дорогой учитель, я счастлив видеть тебя в моем доме! Заходи! Нет большей радости, чем свидание с другом, — воскликнул старик.

Крепко обнял Кертиби гостя, радушно приветствуя его. В темной сакле Гарданов ослеп на мгновение: свет проникал только через узкий дымоход в крыше. Но гла-

¹ Нихас — место, где проводят досуг и собрания мужчины аула.

за постепенно привыкли, и он увидел жену Кертиби. Поздоровался с хозяйкой. Кертиби и его жена, еще раз поприветствовав гостя, усадили на почетное место.

— Афсин¹, наш дорогой гость прибыл издалека. Правду говорят: гость — готов, а хозяина застал врасплох. Принеси нам чего-нибудь, чем бог одарил...

Когда Гарданов учительствовал в ауле Камат, он неутомимо записывал народные сказания, предания, легенды, песни. А Кертиби знал их бесчисленное множество. Учитель приходил к нему почти каждый вечер. Тогда он и подружился с Кертиби, большая разница в возрасте не стала помехой, глубокое взаимное доверие и уважения связывало их. Старик никогда не обращался к Гарданову по имени, всегда называл его учителем: Гарданов был первым народным учителем в их ауле, он первым приобщил детей ранее неграмотных горцев к знаниям и тем самым оставил глубокий след не только в молодых умах, но и в сердцах их отцов и дедов.

Кертиби в душе гордился тем, что учитель так ревностно записывает его предания и песни, хотя и не понимал, зачем это, он-то их без записи все помнит, и отец его помнил, и дед... И однажды не утерпев, все-таки спросил:

— Ты старательно записываешь сказки и песни, потому что боишься, что забудешь их? Или есть какая-то другая цель у тебя. Ты, учитель, первый человек, который так интересуется давно ушедшей стариной. Зачем тебе она?

— Ты прав,уважаемый Кертиби, если сказания и песни не записать, их можно и забыть, а потом утерять безвозвратно. Народ слагает песни, легенды, в них заключена его мудрость, думы и чаяния, в них характер народа, по нем мы узнаем, как он жил в седой древности, видим, как и чем он живет сейчас, о чем мечтает в будущем. Вот ты пел мне «О сыновьях Бата», «О прекрасной Дзандзирак», «Афхардты Хасана», и передо мной прошли картины жизни моих и твоих предков, их героическая борьба против многочисленных врагов, против своих угнетателей, жестоких и кровожадных алдаров. Как на крыльях, сказания и песни пролетают из века в век, от одного поколения к другому, и чем больше и

¹ Афсин — хозяйка.

дольше мы помним их, тем мудрее и богаче становимся, лучше понимаем жизнь, меньше ошибаемся в ней. В сказаниях и песнях нам слышен призыв к борьбе, слышны смелые голоса всех поколений, стремившихся, как и мы, к лучшей жизни, боровшихся за нее...

После тех слов еще дороже стал ему учитель. Вот и сейчас, в память их прежних бесед, Кертиби поинтересовался дружески:

— Скажи, дорогой, легенды ты по-прежнему записываешь? А то в нашем ауле гостит один сказитель с равнинны, может, сходишь, послушаешь его песни...

— Наверное, в этот раз не удастся, уважаемый Кертиби, — посетовал учитель, и в голосе его прозвучало не только сожаление, но и глубоко скрытая печаль.

Кертиби уловил затаенную тревогу гостя. Он видел, что учитель нуждается в дружеской помощи, только как ему помочь? Законы гостеприимства не позволяли задавать прямой вопрос, поэтому стариk ждал, когда гость сам скажет об этом.

— Как ты думаешь, зачем меня позвал чиновник? — спросил Кертиби, рассказав о новостях в ауле. — Вины за мной нет никакой, из аула на равнину я давно не выезжал, зачем я понадобился?

— Зачем? — Гарданов на минуту задумался. — Царские чиновники знают, как уважают горцы своих старших, как почитают их, вот и хотят, видимо, воспользоваться этим, — ответил он на вопрос старика. — Главная цель чиновников и прислуживающих им старшин — натравить горцев друг на друга, заставить их выдать тех, кто возглавил борьбу народа за землю и свободу. Поэтому, я думаю, тебе нужно пойти на нихас. Чтобы узнать намерения властей. Тогда мы сможем выручить хороших людей. Я приехал сюда, чтобы помочь Хаджумару Гетоеву и его товарищам скрыться от ареста. Их сейчас ищут по всей округе, и кто-то не по злому умыслу, а сказав что-то лишнее, может выдать их. А чтобы этого не произошло, ты, дорогой Кертиби, пообещай чиновнику, что постараешься узнать, где скрывается Хаджумар. Только попроси для этого несколько дней, а лучше неделю сроку. За это время мы ребят спрячем.

Кертиби нахмурился, ему не понравилось, что учитель втолковывает ему то, что и младенцу понятно. Стариk сердито засопел и сдержанно произнес:

— В народе говорят: хорошо подумаешь о деле — промаху не дашь...

Гарданов уловил в словах Кертиби оттенок обиды и поспешил загладить свою вину:

— Прости меня, я не смею поучать старшего...

В это время хозяйка внесла фынг¹ и поставила перед ними. Сыр, ячменный чурек, большая деревянная чаша пенистого пива были на столе.

— Пусть оберегает нас бог от позора и несчастий, пусть пошлет нам лучшую долю, — коротко помолился старик и протянул чашу гостю, тот пригубил, потом долил в нее из длинногорлого глиняного кувшина, стоявшего на полу рядом с фынгом, и передал хозяину.

Беседа потекла неторопливо, словно равнинная река, вобравшая притоки бурных горных сестер. Гарданов рассказал старику о расправе Ляхова над жителями села Христиановского. И глаза Кертиби загорелись состраданием и ненавистью, когда он услышал, как по приказу полковника солдаты, невзирая на возраст, выгнали всех людей под открытое небо. И те могли бы сразу возвратиться в свои дома, если бы только выдали вожаков-революционеров и сдали все свое оружие. Но люди весь деньостояли на зимней стуже, а приказ карателя не выполнили. Ничего не добившись, Ляхов арестовал наугад несколько десятков жителей, а непокорное село обстрелял из пушек...

— Бессильны мы защитить свой дом, — сокрушенno вздохнул Кертиби, дослушав рассказ, не удержался и посетовал. — Горе, слезы сирот надолго поселились в наших саклях, и когда они уйдут, один бог знает. Стоят ли, учитель, страдания тысяч и тысяч людей нескольких дней свободы? Не слишком ли дорогая цена...

— Ты не прав, Кертиби, — хотя и уважительно, но твердо возразил Гарданов. — Дороже свободы нет ничего на свете, для людей свобода всегда была высшим благом, и ради нее они жертвовали и кровью, и жизнью своей. И вот сейчас Хаджумара и других ребят ждет горькая судьба за то, что они шли впереди своего народа. По закону бунт против власти наказывается каторгой. Если Хаджумара арестуют, как зacinщика, его обязательно сошлют в Сибирь.

¹ Фынг — низкий стол на трех ножках.

Старик молчал, склонив голову. Теперь ему становилось понятно, почему появился именно у него в доме Михаил Гарданов.

— Мне тоже их жаль,— сказал наконец Кертиби,— и мне они не чужие. Но не то они делали, не так надо было поступать! Зачем громить фабрику в Фаснале, если мы ее своими же руками строили? Или рудники... — Он замолчал, вопросительно глядя на Гарданова.

— Ты прав, Кертиби,— согласно кивнул Гарданов.— Хаджумар и его товарищи поступали неосмотрительно, ребята горячие и неопытные, они допустили немало ошибок, и мы обязаны сказать им об этом прямо, в глаза... Сегодня или завтра они тайком соберутся в Камат, приедет из Владикавказа Георгий Цаголов, друг Коста, ты, наверное, тоже слышал о нем...

— Соберетесь здесь? — взволнованно переспросил Кертиби. — Вас что, бог разума лишил?! Сами лезете в ловушку!

— Опасность большая, ты прав, — подтвердил Гарданов. — Но где сейчас, скажи мне, менее опасно, чем в ауле Камат. Надо выручить ребят из беды, сообща мы придумаем что-нибудь дельное...

Кертиби кивнул одобрительно и легко поднялся с места.

— Ты, учитель, останешься на ночлег у меня. У меня и соберетесь, более надежного дома в ауле не найти. А сейчас я пойду к чиновнику, послушаю, что он мне скажет, никто никогда не пострадал от того, что был предусмотрительным. Вернусь от него, тогда и решим, что делать дальше. Чего бы нам ни стоило, мы должны спасти ребят, — с этими словами Кертиби покинул свой дом.

— А вот и наш почтенный Кертиби,— сказал старшина Калаев, представив таким образом пришедшего чиновнику.

Следователь окинул старика придирчивым, оценивающим взглядом. Он понимал, что от разговора с Кертиби зависит конечный результат его поездки в аул.

— Проходите, садитесь, почтеннейший,— пригласил он как можно мягче, решив, что проявленные им знаки внимания привлекут старика на его сторону.

Но Кертиби тоже исподволь наблюдал за чиновником. И по тому, как тот держался, быстро сообразил, что на должность эту попал он недавно и любой ценой хочет доказать своему начальству, что оно не ошиблось, поручив ему столь важное дело.

Следователь интересовался здоровьем Кертиби, долго говорил о скоте и о покосах, о разных пустяках, не относящихся к делу. «Змея узорчатая снаружи, но жало у нее ядовитое», — усмехнулся про себя старик, вполуха слушая разговор. Наконец, как бы мимоходом, следователь сказал:

— Уважаемый Кертиби, мы пригласили тебя сюда, потому что надеемся на твою помощь. Умудренный жизнью, ты знаешь цену справедливости. Я приехал в ваш аул затем, чтобы на основании законности допросить всех лиц, участвовавших в беспорядках. Большинство из них действовало по чужой указке. И я не хочу, чтобы пострадали невинные люди, а вожаки, которые где-то прячутся, остались в стороне...

— А как я могу помочь тебе в этих делах? — спросил чиновника Кертиби.

Видимо, вопрос Кертиби того обрадовал и обнадежил.

— Так вот, уважаемый Кертиби, — сказал он строго. — Уроженец вашего аула Хаджумар Гетоев подозревается, я подчеркиваю, не обвиняется, а подозревается зачинщиком беспорядков. Может быть, его напрасно оговаривают, я должен выслушать самого Гетоева, и если объяснения его будут убедительными, я не стану его задерживать, составлю протокол и отпущу. Гетоева нет ни дома, ни в ауле Галиат, и где он скрывается, пока неизвестно. Я уверен, что только ты сможешь найти Хаджумара и уговорить его явиться ко мне. В противном случае я ничем не смогу ему помочь, и с ним поступят, как с государственным преступником...

— Я постараюсь найти Хаджумара, — пообещал Кертиби после недолгого размышления. — Но хочу сразу предупредить тебя, что розыск займет дней шесть-семь. Я уже стар и не могу угнаться за молодыми.

— Конечно, конечно, — быстро согласился следователь и, хитро прищурившись, добавил: — «Слова улетают, написанное остается», — говорит пословица. Поэтому я хочу твое обещание, дорогой Кертиби, скрепить твоей подписью на бумаге, которую я сейчас составлю...

Нацарапав крест вместо подписи и с явным безразличием взяв какую-то бумажку из рук следователя, Кертиби с достоинством удалился. Но только свернул он на свою улицу, как почувствовал, что очень устал. И медленно пошел к дому. Темнота, непроницаемая и студеная, уже окутала маленький аул, приглушила все звуки, не было слышно ни человеческих голосов, ни лая собак. В высоком звездном небе матово светился Млечный Путь и четким был рисунок других созвездий...

Глава третья

Цепью железной нам тело сковали

Михаил Гарданов нетерпеливо ждал возвращения Кертиби. Уже совсем стемнело, пришли трое парней — молодые учителя — Габи Колиев, Бидзига Базиев, Беслан Отаров, друзья и сподвижники Хаджумара. Вслед за ними явился и Цаголов. Он молчаливо сидел чуть в стороне, отдыхал, закрыв глаза и устало вытянув ноги. А Кертиби все не было, и когда послышались его усталые, шаркающие шаги, все шумно встали, приветствуя хозяина. Он радушно пригласил гостей рассаживаться, поманил к себе Гарданова:

— Скажи, дорогой учитель, кто этот худой мужчина в русской одежде?

— Извини, уважаемый Кертиби, — спохватился Гарданов. — Я допустил оплошность и не познакомил тебя. Это Георгий, сын Цагола, из Христиановского он родом, я уже говорил сегодня тебе о нем.

— Рад видеть тебя в моем доме, Георгий! — Старик крепко пожал гостю руку. — Я не вижу здесь Хаджумара, — негромко сказал он Гарданову. — Ты узнал что-нибудь о нем?

— Недавно заходил Албег, сообщил, что Хаджумар где-то поблизости. Албег передаст ему, чтобы шел прямо сюда.

— Подождем его, — решил хозяин и велел жене накрыть два фынга. Неслышно ступая, она внесла блюдо с отварным мясом, пироги, кувшин с пивом. Один фынг она поставила рядом с хозяином, другой — около гостей и молча вышла в другую комнату. Меньше чем

через полчаса на пороге сакли появился Хаджумар, и Михаил Гарданов облегченно вздохнул: «Слава богу, в аул проник беспрепятственно, а уйти незамеченным мы поможем». Друзья обступили Хаджумара, переговариваясь и радостно похлопывая его по плечу, они словно забыли на миг, что свел их печальный случай.

— Рассаживайтесь, друзья, — распорядился Кертиби, он был старшим, и все охотно подчинялись ему. Хозяин произнес несколько тостов, но сам только изредка притрагивался к еде. Он собирался с мыслями, чтобы рассказать своим младшим о разговоре со следователем. Знал он — этого ждут с нетерпением, хотя внешне никаких признаков нетерпения не увидишь. «Сдержанность украшает мужчину», — гласит народная мудрость.

Кертиби обвел взглядом своих гостей. Вот перед ним крепко сбитый, что твой наорт, Хаджумар, лицо мужественное, волевое. Этот парень одолеет любые преграды. Рядом с ним худощавый и гибкий, как лоза, Габи Колиев. Улыбка не сходит с его красивого лица, сразу видно, парень веселый и находчивый. Бидзига Базиев — весь в отца, Савлоха, известного своим крутым характером и храбростью. Унаследовал Бидзига от отца и глубокий ум, и острый на словцо язык. Третьим старшим за столом, по левую руку от Кертиби, — Беслан Отаров... Тот любитель краснобаистовать. Писарем прежде работал, наверное, это и сказывается. Внешне Беслан похож на Хаджумара, да и немудрено, ведь они родственники. За его красноречие Беслана иногда избирают младшим на примирение кровников, на раздел имущества между братьями. И грустно стало Кертиби от мысли, что этих славных юношей ждет безрадостная судьба, скитания в чужих краях.

— Следователь, который разыскивает вас, — начал он, еще раз обведя взглядом их лица, — поступает по пословице: «Алдар может все — бедный стерпит все». Хитростью и обманом пытается он разобщить нас, заставить предавать своих сыновей. Мы с учителем решили — я пообещаю следователю разыскать Хаджумара, чтобы отвести беду от других. На поиски попросил неделю сроку, думаю, вам этого времени хватит, чтобы уйти далеко. Изгнание тяжело, но сейчас другого выхода нет. Если вы останетесь здесь, вас рано или поздно

поодиночке поймают. А кто, кроме вас, молодых, сможет дальше бороться с алдарами? Силу побеждает мужество, и для вас, и для всех нас, важнее всего сохранить теперь силу духа. Сейчас мы побеждены, и начальство требует от нас выдать тех, кто сжег документы в Махческой конторе, кто, как они говорят, мutilил народ. Следователь сказал мне, что Хаджумар не пострадает, если явится к нему для допроса. Но и глупцу понятно — не сдержат своего слова царские чиновники. Они арестуют и его, и всех других равно накажут.

— Ты прав, Кертиби, и мы так думаем, — сказал за всех Гарданов. — В других селениях, где вожаки взяли на себя вину, народ все равно пострадал, и потому жертва их была напрасной.

Кертиби вспомнил о бумажке, которую дал ему следователь, достал ее из кармана и протянул Гарданову:

— Посмотри, дорогой учитель, что написано в этом листке. Следователь сказал, что от меня нужна какая-то расписка, чтобы мое слово было верным... Я поставил крест, и он после этого дал мне вот это.

Гарданов развернул листок, прочитал написанное и, не удержавшись, гневно воскликнул:

— Проклятые лакеи! Пользуются неграмотностью людей и нагло обманывают их. Вы только послушайте! — Гарданов громко прочел расписку:

«1906 года февраля 18 дня. Аул Камат. Я, нижеподписавшийся, житель Владикавказского округа Махческого общества Кертиби Мсоев даю настоящую подпиську чиновнику Кубатиеву в том, что я обязуюсь представить ныне находящегося в бегах Хаджумара Гетоева в распоряжение местной администрации к двадцать пятому февраля сего года. В случае неисполнения мною настоящего обязательства в срок, плачу я без всякого судебного решения штраф в доход казны, каковой будет установлен после истечения назначенного срока, в чем и подписываюсь: Кертиби Мсоев, а за него неграмотного расписался старшина Калаев. При даче настоящей подписки присутствовал Джамбулат Оразов.»

— Ни о каком штрафе и речи не было! — возмущенно воскликнул Кертиби. — И как у него рука не отсохла, когда писал такое, — сокрушенно качал он головой.

— Да разве у них отсохнет рука?! — вскочил с места Хаджумар. — Они ни перед чем не останавливаются —

ни перед подлогом, ни перед обманом. С побежденными все средства хороши — так рассуждают они, все крепче затягивая на шее народа удавку. Мы были слишком благодушны, когда не давали восставшим расправиться с чиновниками по справедливости. Если бы отправили наиболее ненавистных из них в царство мертвых, то сейчас меньше страданий выпало бы на нашу долю. Дорого нам будет стоить наша нерешительность. Мне не приходилось слышать, чтобы в прежние времена сажали в тюрьму женщину-горянку, и лишь за то, что ее сын или муж выступали против властей. А в наши дни такое случается сплошь и рядом...

— Да, ты прав, сынок, — подтвердил Кертиби. — За всю свою долгую жизнь я не помню случая, чтобы наших женщин вызывали на нихас, чтобы заставляли говорить перед чужим мужчиной, угрожали, сажали в тюрьму. Я сегодня чуть не умер от позора, когда узнал об этом!

— Я с тобой согласен, Кертиби, это — страшный поозор, — сказал Гарданов. — Но что гораздо страшнее — это разорение осетинского крестьянина теми огромными штрафами и контрибуциями, которые налагаются властями. Осетинскому крестьянству грозит нищета еще из-за того, что многие арестованы, их хозяйства остались без рабочих рук. А волна арестов с каждым днем все усиливается. По сути дела, царские власти под прикрытием штыков занимаются разбоем. Мне на днях пришлось своими глазами видеть документ, в котором усмирение революционной Осетии расценивается как «урок, который должен надолго остьаться в памяти осетинского населения...».

— Урок мы запомним, придет время — за все расчитаемся сполна, — сказал, угрюмо наступившись, Бидзига. — А теперь нам всем надо уходить в горы, там продолжим борьбу с царизмом. За этот год все мы действительно поумнели. Правильно говорил Хаджумар о нашей мягкости, сейчас мы видим, что враги с нами так мягко не поступают. Нашему поколению первому пришлось участвовать в открытой борьбе с царизмом, и, конечно, мы невольно были опьянены и размахом, и силой народного восстания. Теперь немного постыли, и ясно становится, что стихийность захлестнула многих. Организованным движением мы добились бы больше-

го. Но на ошибках, как говорится, учатся, не будем исключением и мы. Я хочу напомнить вам мудрую пословицу: «Кто вырвался из ярма — назад не полезет». Почему я ее вспомнил? Потому что уверен — пройдет немного времени, и революция вспыхнет с новой, невиданной силой. Нам надо к этому готовиться.

Михаил Гарданов одобрительно похлопал Бидзигу по плечу, он слушал его и радовался, как зрело и серьезно размышляет этот молодой учитель, его бывший ученик, крестьянский сын Бидзига Базиев.

— Сердце мое подсказывает, что все обойдется благополучно, — сказал, торжественно поднимаясь, Кертиби. — Люди вас, революционеров, поддерживают и готовы, рискуя собственной жизнью, помочь во всем, у них вы найдете и надежное убежище, и кров, и пищу. Пусть Уастырджи¹ будет вашим заступником и благословляет все ваши дела и начинания.

— Оммен², — согласно проговорили все. Но Кертиби не собирался садиться, еще выше поднял он свою чашу.

— За нашим столом, — продолжил Кертиби, — мы почтили имя всевышнего, если кого из ангелов не вспомнили, пусть нас простят и не лишают своего покровительства, пусть не лишают они нас также радости гостеприимства, ведь неожиданный добрый гость — дар бога бедному горцу. И я обращаюсь со словами благодарности к гостю нашему, Георгию, сыну Цагола, посетившему мой дом впервые. Михаил сказал мне, что Георгий писатель. Пусть пишет правду о нашей жизни, о нуждах народа, о его борьбе за лучшую долю. Он ваш друг — значит, и мой друг. Передаю ему бокал, а с ним и право тоста.

Цаголов поднялся, взял наполненную чашу, обвел всех сидящих взглядом, на секунду-другую задержавшись на каждом.

— Нашей гордостью, честью нашего народа стало имя Коста Хетагурова. Несколько лет назад мне посчастливилось близко познакомиться с ним, и с тех пор он для меня как старший брат. И сердце мне подска-

¹ Уастырджи — святой Георгий, у осетин покровитель мужчин и путников.

² Оммен — аминь.

зывает, что не только для меня, но и для многих, очень многих осетин — мужчин и юношей, женщин и девушек. Сейчас Коста лежит тяжело больной в селении Лаба, завтра я еду к нему проведать. Я хочу провозгласить тост за то, чтобы Коста выздоровел и был бы вместе с нами! Выпьем за его здоровье и вспомним славное имя Коста! Только просим уважаемого старшего выпить первым.

— Имя Коста — защитника бедняков, его стихи дороги всем нам. Пусть здравствует Коста, пусть сбудутся пожелания тех, кто любит его искренне и глубоко, — с этими словами Кертиби осушил чашу. И только после него выпили все.

— Дети мои, — сказал Кертиби, усаживаясь, — из слов учителя я понял, что вы пришли в мой дом не только за тем, чтобы встретиться и обменяться новостями. Вам предстоит долгий и трудный путь за народным счастьем. Дайте же клятву верности ему. Будьте достойны этой чести навеки. — Кертиби поднял руку. — Вы видите, она сильна, пока все пальцы целы, если поранишь один — болит вся рука. Вот и вы, будьте неразлучны, как пальцы руки... Помните — единство горы рушит.

— Оммен, — проговорил Михаил Гарданов, и все разноголосо повторили.

— Дело, за которое вы боретесь, — продолжал Кертиби, — роднит ваши души, ум и сердце. Пусть оберегает вас бог на вашем трудном пути! Помните: своей цели вы достигнете только тогда, когда сердцем станете братьями и никто из вас не изменит вашей клятве. Человек славен не только своими делами, но и верным словом своим. Проживите свою жизнь с честью, никогда не позволяйте себе недостойного. Пусть добрая слава о вашем братстве будет вечна!

— Оммен! — стройно прозвучало в сакле.

Кертиби достал из ножен маленький сверкающий позолотой кинжалчик и окунул его в чашу, потом вынул его и показал собравшимся:

— Пусть ваше братство будет таким же верным, дорогим и красивым, как этот кинжал!

— Клянемся!

— Пусть каждый из вас жизни своей не пожалеет ради друга и брата...

— Клянемся.

— Пусть солнце не взойдет над вашей головой, пусть позором покроются ваши имена, если братство свое смените на вражду! — воскликнул взволнованный Кертиби и передал чашу Хаджумару.

— Мы, уважаемый Кертиби, не сможем сказать так, как сказал ты, прости нас за это. Но с разрешения старшего мне хочется сказать вот о чем, — Хаджумар на секунду запнулся и продолжал, заметно волнуясь: — У каждого из нас есть близкие люди, есть родители, но мы пошли не к ним, а в твой дом, Кертиби, здесь мы дали клятву братства. И сделали это потому, что любим тебя и глубоко уважаем, знаем, что направишь по хорошему пути. Спасибо тебе, Кертиби. Пусть твое доброе напутствие будет нашей путеводной звездой, чтобы никогда не сожалел ты о своем гостеприимстве. Пусть бог даст тебе здоровья на долгие годы! — Хаджумар благодарно склонился перед Кертиби на минуту, но, резко выпрямившись и взглянув на радостно улыбающегося Георгия, порывисто сказал:

— Здесь вспоминали Коста, я хочу напомнить всем его слова, которые стали клятвой для сынов Иристона¹:

Я готов свободу,
Которой привык, как счастьем, дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить.

Неожиданно, словно его что-то подхлестнуло, поднялся молчавший до сих пор Беслан Отаров, глаза его взвужденно горели, по смуглому загорелому лицу перекатывались желваки. Он обвел всех пристальным взглядом и сказал хриплым ломким баском:

— Я очень взволнован и беседой, и клятвой, которая отныне связала нас навеки. Наверное, на свете нет страшнее греха, чем клятвопреступление. И совершивший это виновен не только перед своей совестью, но и перед всем народом, который взрастил его. Я говорю об этом потому, что нас ждут тяжкие испытания. И мы избежим всех опасностей, если будем едины, как братья, если ежечасно будем помнить о нашей клятве. Хаджумар прочел прекрасные стихи, и я тоже хочу напомнить

¹ Иристон — Осетия.

всем вам уместные слушаю слова Коста — светоча на-
шего народа:

О, юноши Ира!
Как родные братья,
Подадим сегодня
Мы друг другу руки!
И, поднявши знамя
С именем народа,
Поспешим мы к свету
Сомкнуто и бодро!
И любовью к правде
Озарим весь путь свой!
Только сгинь, трусливый,
И вперед, отважный!

Одобрительными возгласами встретили последние слова Беслана его друзья. Он, довольный, улыбался и, как показалось Гарданову, с тщательно скрываемым вызовом глядел в упор на Хаджумара. «Неужели между ними идет соперничество, — подумал Гарданов, — хотя Хаджумар замкнутый по натуре и немногословный, я не верю, что он способен на зависть. Беслан однажды был писарем в сельском правлении, ему всегда льстило внимание людей, которые в чем-то зависели от него. Может, с тех пор и появилась червоточинка в его душе? Всю осень Хаджумара наперебой приглашали на митинги в аулы, чтобы он выступал перед собравшимися. На митингах первенствовал Хаджумар. Это бесспорно, а Беслан был на втором плане. Парень он честолюбивый, и мне надо найти удобный случай, поговорить с ним, чтобы это соперничество не зашло далеко и не стало причиной размолвки друзей».

Хаджумар пригубил клятвенную чашу и пустил по кругу. Юноши по очереди подходили к Кертиби и благодарили его, он отечески обнимал каждого, предлагал остаться на ночлег.

— Через час-два наступит рассвет, а мы должны затемно добраться до ущелья, чтобы оттуда отправиться каждый по своей дороге, — ответил за товарищей Хаджумар.

«Да поможет вам Уастырджи», — мысленно пожелал им Кертиби. Вслух не принято что-либо говорить путнику, после того как он перешагнул порог.

На улице шел густой снег, и цепочка следов исчезла на глазах. Давно растворились в темноте фигуры Хад-

жумара и его друзей, а Кертиби все стоял на пороге: «Лишь бы соглядатаи алдаров их не выследили», — подумал Кертиби, прислушиваясь к предрассветной тишине. Ничто не нарушало ее, и, облегченно вздохнув, Кертиби вошел в саклю.

...Утомленный трудной дорогой, Хаджумар заснул быстро и не слышал, как за стенкой сакли бесилась февральская метель, как стонал ветер. Иногда через дымоход он врывался в комнату, обдавая спящего холодом, но под стеганым одеялом и овчинной шубой тот не чувствовал стужи. Ему снились друзья, он спорил с ними, доказывая, что надо спешить к перевалу, иначе будет поздно. Друзья смеялись в ответ, подшучивали над его нетерпением.

— Вставай, джигит! — кто-то грубо тряхнул его за плечо.

Хаджумар рывком сбросил одеяло, пружинисто вскочил, осмотрелся и с глухим стоном прикусил губу до крови. Троє набросились на него, быстро обыскали одежду, под подушкой нашли револьвер. «Проспал, джигит, все на белом свете», — хохотнул один.

Хаджумар оделся под нацеленными на него винтовками, ему крепко связали руки за спиной и подтолкнули к порогу.

— Иди вперед, вздумаешь бежать — пуля догонит.

Всю дорогу до Махческа Хаджумар казнил себя за оплошность, но никак не мог понять, где и в чем он совершил ошибку. Как случилось, что его арестовали среди ночи? Почему хозяева не предупредили его? Почему не сделали этого? Как могли его выследить и захватить сонного врасплох? Одного его взяли или и других тоже? Полбеды, если одного. Сомнения и горечь наполняли душу Хаджумара, мешали сосредоточиться и холодно взвесить положение.

В Махческе его втолкнули в темную низкую клетушку, в которой, как он понял, уже кто-то находился. Хаджумар негромко окликнул, и в ответ услышал голоса своих друзей, своих названных братьев.

Хаджумар почувствовал, что, увидев его арестованным, они приуныли. Видно, надеялись, что он вызволит их. А теперь эта надежда рухнула, и что их ждет, неизвестно.

Но люди живут не только сегодняшним днем. «Ненастная погода долго не держится», — говорят в народе.

Друзья рассказали Хаджумару, что их арестом занимался поручик Карабугаев, один из баделятских алдаров, его отряд чинит расправу в Дигорском ущелье.

Новости эти Хаджумар выслушал почти равнодушно. Терзала одна неотвязная мысль: их арест — дело случая или результат предательства. Может, кто сболтнул по глупости, что видел Хаджумара вблизи Камата, слух этот дошел до Карабугаева, и он приказал выследить его. А почему арестовали остальных, ведь они разошлись в разные стороны, а оказались в одной темнице?

Хаджумар не поддерживал общего разговора, он замкнулся в себе, это, по-видимому, обидело друзей, и они оставили его в покое. Хаджумар понимал, что многое в их дальнейшей судьбе будет зависеть от того, как он и его друзья станут держаться на допросе. С него, конечно, особый спрос: царские чиновники считают его засинщиком беспорядков, вожаком крестьян-дигорцев...

За дверью послышался шум, кто-то горячо и громко спорил со стражей. Наверное, родственники или друзья пришли, чтобы увидеться с арестованными. «Хаджумар, мы всегда с тобой, помни это!» — послышался звонкий мальчишеский голос, и следом крепкая брань. Через некоторое время все стихло. «Наверное, кто-то из моих учеников», — подумал Хаджумар, и волна горячей любви и признательности подкатила к самому горлу. Он сглотнул этот щемящий душу ком, успокоился.

Комната была с глухими, промерзшими стенами, узники сидели скрючившись, дрожа от холода, разговоры затухли, каждый предавался своим невеселым мыслям. Неизвестность незаметно подтачивала волю, рождала безразличие к себе и окружающим. И все заметно оживились, когда около двери раздался топот, она распахнулась — и чей-то простуженный хриплый бас приказал выходить. Белизна свежевыпавшего снега слепила, ясный февральский день, оказалось, только начинался, редкие, как кружево, снежинки вихрились в порывах ветра, дувшего с вершин.

Узникам развязали руки и, построив по двое, погнали по дороге на Владикавказ. Стражники на лоша-

дях ехали сзади, арестованным приходилось протаптывать тропу в глубоком снегу. Вскоре промокшая и замерзшая одежда на них гремела, как жестяная, арчита и сапоги стучали, как копыта. Остановки для отдыха были короткими и нечастыми, арестованные от усталости еле держались на ногах. А стражники, словно не замечая, без конца понукали и подгнняли их, грозили нагайками, когда те останавливались передохнуть.

Хаджумар, привычный к большим пешим переходам, шел первым и был заметно свежее остальных. С детства он вместе с отцом одолел не одну охотничью тропу, забираясь в такие места, которые считались недоступными человеку. Эти охотничьи тропы и сделали его сильным и выносливым. Скоро должна была появиться гора Ахсинти-хох, и Хаджумар, подбадривая еле бредущих товарищей, невольно ускорил шаг. И вот сквозь легкую зимнюю дымку полыхнул язычок пламени, заставляя сильнее биться сердца, вливая в них новые силы. Вот оно, красное знамя! Полотнище его трепетало в поднебесье, в стремительном порыве летело вперед, увлекало за собой.

— До лета никто не осмелится взобраться на гору, — сказал Хаджумар, подмигнув друзьям. — И оно еще долго будет, разеваясь, напоминать о нас.

И ребята словно испили живой воды — заблестели глаза, твердым и упругим стал шаг. Несмотря на окрики стражников, Хаджумар запел песню братства Коста:

Дети Осетии,
Будем как братья!
Встретим друг друга мы
Рукопожатьем.

С нами великое
Знамя народа.
К свету, с победною
Песней похода!

К правде сверкающей
Смело шагайте!
Трусы, бездельники,
Прочь! Не мешайте!

Сгущались сумерки, когда вдали показались дома селения Чикола. На окраине их встретил сам поручик Карабугаев с несколькими всадниками. Поручик восседал на великолепном коне, весь его торжествующий вид

говорил: все идет как задумано. Объехав арестованных, Карабугаев сам возглавил процессию, ему очень хотелось, чтобы жители Чиколы видели, что ждет непокорных.

— Празднует победу, сволочь, — шепотом выругался Хаджумар. Его ненавидящий взгляд скрестился с презрительным взглядом поручика, и тот, рванув поводья, вздыбил коня и с размаху хлестнул пагайкой Хаджумара по плечу. Отпрянув от неожиданности, Хаджумар тут же бросился к коню, но он не успел вцепиться в Карабугаева: стражники повисли на нем, больно вывернули руки назад. Взбешенный поручик пустил коня вскачь и скрылся в селе. Схватка эта заняла считанные секунды, друзья растерялись и не пришли на помощь Хаджумару. В тягостном молчании вошли они в Чиколу, стражники, озираясь по сторонам, держали узников на прицеле. Наверное, боялись, что арестованных могут отбить...

Глава четвертая

Дорога черных дней

Селение Чикола, подвергнутое полковником Ляховым артиллерийскому обстрелу, словно затаилось, люди без нужды из домов не показывались, и потому процессия проследовала по пустым улицам. Для ночлега поручик Карабугаев выбрал дом Бекира Будтуева, зажиточного и хлебосольного горца. Узнав, что в его доме будут ночевать под стражей арестованные, Бекир от стыда не находил себе места. Даже врагу не пожелал бы он такого: Хаджумар был другом Муху, племянника Бекира, что теперь он скажет, какими глазами посмотрит на Муху, когда тот узнает об этом. И как бы то ни было Бекир решил, чем возможно, помочь арестантам.

— Я не знал, господин поручик, что с вами в мой дом прибудут ахаста¹. Но я должен, какими бы врагами вы их не считали, угостить их, как положено.

— Для них кипяток и кусок чурека — слишком богатое угощение, — отрезал Карабугаев.

¹ Ахаста — арестанты.

— Этот дом, мой уважаемый гость, всегда считался истинным осетинским домом. Я осетин, и ты тоже осетин, тебе известно, что наши предки высоко чтили законы гостеприимства, считали их священными. И даже когда кровник заходил в дом на ночлег, его встречали, принимали и провожали, как гостя, со всеми почестями. Даже взглядом не оскорбляли его. Не дать голодным и усталым путникам горячей еды, где и когда это было видано в Осетии? Я напомню еще об одном неписаном законе: гость да подчинится хозяину.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — скрепя сердце согласился поручик. — Дай этим бунтовщикам немного горячей пищи, чтобы завтра они могли идти дальше. Стражник отнесет им.

Во дворе у Бекира отдельно стоял недавно построенный домик, хозяин хотел его приспособить под лавку, в нём и поместили арестованных. Когда за ними щелкнул замок, Хаджумар обошел комнату, окна в ней были изнутри закрыты ставнями. Чтобы согреться, друзья, как ягнята, сбились в углу, плотно прижались друг к другу.

Первым голос подал Габи Колиев:

— Слушай, Хаджумар, нехорошо к беде прибавлять горе. Если будем играть в молчанку, ничего путного из этого не получится. Я чувствую, что ты сердишься на нас, скажи прямо — за что.

— Я ссржусь на самого себя, — признался Хаджумар. — Меня неотвязно преследует одна мысль, как заноза засела, — почему мы оказались арестованными?

— И нас это беспокоит не меньше, — подтвердил Бидзига Базиев. — Не знаю, что скажут другие, но я склонен верить пословице: «Башню разрушают камнем», хотя доказательств предательства у меня нет никаких...

— А почему обязательно должно быть предательство? — спросил Беслан Отаров. — Нас могли выследить и арестовать, сейчас всюду, по всей Дигории, идут аресты. Все знают, что люди шли за Хаджумаром, мы были рядом с ним. Вот и начали с нас...

— Но только свой знал, какой дорогой я пошел, — воскликнул Хаджумар. — Вот это-то и наталкивает на мысль о предательстве...

— Отаров, господин поручик разрешил тебе ночевать в большом доме, перед сном мы тебя переведем, — крикнул стражник.

— Я не хочу отдельно,— сдавленным голосом ответил Отаров и замолк, почувствовал отчуждение товарищей.

— Хотят разъединить нас, натравить друг на друга,— сказал Хаджумар. Он подошел к окну, приоткрыл ставню. На улице было уже темно, ничего не разглядеть, кроме белых сугробов. Незаметно приблизившись к Бидзига Базиеву, шепнул ему на ухо:

— Я решил бежать, пойдешь со мной?

— У меня нет сил, — ответил не сразу Бидзига.

— Тогда дай мне свои чuvяки, — попросил Хаджумар и тихонько снял с себя сапоги, — возьми.

Бежать никто не согласился, все признались, что измотаны до предела, а потому уйти далеко не сумеют, значит — погоня быстро обнаружит их. Хаджумар не наставлял. Ему удалось бесшумно выдавить стекло — когда же огибал угол дома, часовой бросился на него. Но Хаджумар, как клещами, сдавил ему горло, сбил с ног и с силой ударил головой о мерзлую землю. Стражник обмяк и затих. Пригибаясь, Хаджумар бежал к Ирафу. Через мост ему дороги не было — погоня сразу кинется туда. Он пошел вдоль берега, поросшего кустарником и занесенного снегом, в надежде перейти реку по льду. В одном месте поперек реки лежало бревно. Издали казалось, что оно касается противоположного берега, но когда шагнул, бревно закачалось, Хаджумар потерял равновесие и свалился. Приглушенный крик невольно вырвался из его груди, ледяная вода ожгла, и дыхание перехватило. В полной тьме, наугад брел Хаджумар, вытянув руки, наконец нашупав ветки кустов, ухватился за них, но они ломались — и берег все ускользал и ускользал из-под ног. Собрав последние силы, он наконец выбрался. «Если остановлюсь хоть на минуту, сразу же превращусь в сосульку, — подумал Хаджумар. — Чтобы мороз не доконал, надо бежать и бежать, пока есть силы». И он, отжав одежду, припустился по дороге в Диинагскую долину, там его спасение... там кошара знакомых пастухов.

Побег обнаружили вскоре. Старший стражник нес арестантам еду и наткнулся на часового, безжизненно лежавшего навзничь, бросился к нему, начал трясти.

— Сбежал... сбежал, — простонал часовой.

— Кто из них? Когда? Почему не поднял тревогу? —

рычал разъяренный стражник. — Господин поручик снимет с тебя голову! Понимаешь ты это, чурбан!

— Кто сбежал, не знаю, в темноте бросился на меня, чем-то ударили по голове, — проговорил пришедший в себя часовой.

Трясущимися руками старший стражник открыл на конец замок. Арестантов было трое. Установив, что бежал Хаджумар, стражник бросился к поручику с докладом.

— В погоню! — вне себя от ярости закричал Карабугаев. — Устроить засаду на дорогах! С рассветом осмотреть следы! Скорее всего преступник прячется у кого-то из чиколинцев.

Хаджумар углубился в лес, все сильнее болела ушибленная нога. Там, в реке, сгоряча он не обратил внимания на боль, сейчас же она становилась невыносимой, душа готова выскочить вон. Ираф уже остался в стороне, теперь бы дойти до оврага, по нему — дорога к Дицинагской долине. А там охотничья тропа приведет его к кошу пастухов. По оврагу вился ручей, с берегов он замерз, но середина открыта, перепрыгнуть его Хаджумар не мог и поэтому карабкался вверх, пока наконец не набрел на тропу, по которой пастухи гоняют скот на водопой. По ней он и пошел.

Дицинагская долина лесистая. Весной и летом она похожа на бархатное зеленое покрывало, а осенью на шкуру огромного рыжего зверя. Шумят горные речушки, раздается многоголосый птичий гомон, в голубое поднебесье устремляются вершины, покрытые ледниками. Долина недаром названа Дицинаг — цветок, она действительно прекрасна, как цветок. Сейчас же она лежала, укрытая глубоким снегом. Тихо и безлюдно здесь. Только днем вдруг раздастся стук топора, а ночью лай овчарок.

Глухими зимними ночами дицинагские пастухи не спят долго, устраиваются на охапках сена поближе к огню и коротают время, рассказывая предания и легенды, чутко прислушиваясь к каждому шороху в кошаре.

Сегодня у них заночевал охотник Албег, и весь вечер слушали пастухи его рассказ о вчерашнем аресте молодых учителей, узнавая все новые подробности.

Вдруг собаки громко и остервенело взляли, лай не удалялся, а все более усиливался. «Значит, поблизости не зверь, а человек», — подумал Албег и вышел наружу, держа ружье наготове. В двух шагах от шалаша что-то темнело. Албег подошел ближе, нагнулся и, не веря своим глазам, отшатнулся. Ко всему он был готов, только не к тому, что увидит полузамерзшего Хаджумара. Албег схватил его за плечи и поволок в кош. Хаджумар был не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой. С него сорвали обледеневшую одежду, растерли снегом, укутали в овчинную шубу, напоили теплой аракой¹ с перцем. Согревшись, Хаджумар моментально заснул.

Албег сидел у очага и думал о Хаджумаре. В тот раз он не послушался его и попал в беду, а сейчас, видно, бежал из-под стражи. Значит, утром сюда может прийти погоня. Здесь Хаджумару оставаться нельзя. Надо готовиться к дальней дороге. Он приготовил еду, положил ее в хордзен², проверил ружье. Пастухи оседлали ему двух коней, и Албег с тяжелым сердцем стал будить Хаджумара:

— Поднимайся, лаппу, пора в путь. Скоро могут сюда пожаловать те, от кого ты бежал. Я думаю, тебе с ними опять не захочется встретиться.

Хаджумар проснулся и почувствовал, что тело повинуется ему, он легко поднялся и с радостью отметил, что ушибленная нога лишь чуть-чуть болела. Взглянул на молчаливого и озабоченного Албега, сердечно пожал ему руку:

— Спасибо тебе. И вам тоже, друзья, — поблагодарил он пастухов.

Застоявшиеся кони резво взяли с места.

— Пуржит, не отставай от меня, — оглянувшись, крикнул Албег Хаджумару и направил коня в темное узкое ущелье.

Хаджумар не сразу догадался, куда держит путь Албег, и лишь когда показались белые известняковые горы, понял, что поблизости аулы Верхний и Нижний Задалесск. Хаджумар хорошо знал эти места.

Албег оказался прав: чем выше они поднимались, тем сильней становился ветер, завихрилась поземка, сугробы

¹ Арака — самогон.

² Хордзен — перегненная сумка.

снега перемели дорогу. Недалеко от аула была просторная сухая пещера, в ней-то Албег и решил на время спрятать Хаджумара, а сам тем временем хорошенъко разузнать обстановку, чтобы решить, как действовать дальше.

— Лучшего места не найдешь. Чужой сюда не сунется, поживешь тут несколько дней, не выходи, пока я не вернусь. Помни: умный в трудном деле не торопится, — предупредил Албег, внес в пещеру хордзены с едой и исчез, словно провалился сквозь землю.

Хаджумар достал кремень и трут, высек искру, зажег лучину, осмотрелся. Посреди пещеры был большой очаг, в углу сложены дрова, рядом охапка соломы. Обрадованный, Хаджумар разжег костер и перекусил. Он смотрел на пляшущие языки пламени и думал о том, что судьба милостива к нему, наградив его верными друзьями. «Прошло несколько дней, но какой след оставили они в моей душе», — размышлял Хаджумар о пережитом. Конечно, часто он поступал необдуманно. Он жил сердцем, чувствами, но не разумом, потому и ошибался. И ему было горько от того, что за его промахи расплачиваются друзья. Есть и его вина в том, что они не на свободе. Ведь если бы они сразу поехали, минуя Камат, к перевалам, наверное, все бы избежали ареста, в том числе и он сам. Албег помог бы им перейти в Грузию, они бы спрятались в надежных местах, и Карабугаев вернулся бы во Владикавказ ни с чем... Но недаром в народе говорят: «Чтоб ума набраться — надо много пережить...»

Проснулся Хаджумар, когда голубоватый свет начавшегося дня медленно вползал в пещеру. Он подошел к входу, осторожно выглянул — снег, как златотканая парча, радужно переливался, слепил глаза. Девственно чистое снежное покрывало еще никто не успел испятнать следами; ни зверь, ни птица, ни человек. Только сейчас Хаджумар вспомнил, что пещера эта считается священной. Здесь справляют жители ближайших селений общие кувды¹. Каждую осень старейшины горных аулов Дигории собираются здесь и бросают жребий. Аул, которому жребий выпал, ставит бычка на откорм. Следующей весной к пещере приходят парни и девушки

¹ Кувд — пир.

в яркой, праздничной одежде и устраивают состязания в силе и ловкости, выбирают лучшего певца и танцора. Из пещеры видна древняя сторожевая башня. Она стоит на выступе отвесной скалы, прикрывая подход к аулу, раскинувшемуся неподалеку.

Хаджумар нетерпеливо подгонял время, ему казалось, что Албег уже давно должен возвратиться. Тихо и безжизненно вокруг, даже мыши не шуршали в остатках соломы. И Хаджумар злился, что невольно стал бездельником. Но часы сменялись часами, а о Хаджумаре словно забыли. Он жил весь день в напряженном ожидании, но когда под вечер у входа в пещеру появилась и быстро исчезла человеческая фигура, Хаджумар вздрогнул, тихонько отполз к стене, куда не доставал свет костра, и затаился, пристально всматриваясь, не померещилось ли. Через минуту-другую в пещере раздался голос:

— Хаджумар, где ты? — И пламя костра осветило Савлоха Базиева, отца его друга Бидзига. — Выходи, джигит, я за тобой пришел. Хватит тебе тут отсиживаться.

— Здесь я, Савлох, — обрадованно откликнулся Хаджумар. — А где же Албег? — не удержался он от вопроса.

— Албег уехал по твоим делам, — сообщил Савлох и добавил: — Туши костер, идем в аул, в моем доме ты будешь в безопасности.

Потушив костер, Хаджумар двинулся следом за Савлохом, тот оказался легким на ногу, шел быстро и уверенно, словно чутьем угадывал невидимую в темноте тропу. Всю дорогу они не проронили ни слова.

Дом Савлоха славился гостеприимством. Вот и сейчас хозяин провел Хаджумара к очагу, ведь он не гость, он свой. В хадзаре¹ было многолюдно.

— Все свои! — сказал Савлох Хаджумару, увидев, что Хаджумар окинул гостей недоверчивым взглядом. — Пришли разделить мое горе — арест Бидзига.

На кованой цепи над очагом висел большой чугунный котел, в нем варились баранина. Хозяин подвинул пузатый кувшин с аракой ближе к огню, время от времени поворачивал его.

¹ Хадзар — комната в осетинском доме, где расположены очаг.

— Араку следует пить теплой и только когда промерзнешь,— улыбаясь, посоветовал Савлох,— в других случаях она не полезна, а вредна. Или не так я говорю? Чего приуныли? — обратился он к гостям. — Не за воровство же арестовали моего сына. Расскажи, Хаджумар, как тебе удалось вырваться из когтей этих алдарских прислужников? — спросил хозяин, когда позволил обычай гостеприимства.

— Арестовали меня и других ребят неожиданно, — начал смущенно Хаджумар. — Мы пошли разными дорогами, а Карабугаеву стало известно. Как это получилось, не знаю. Под стражей довели нас до Чиколы, там остановились на ночлег в доме Бекира Будтуева, вы его знаете. Ночью я через окно вылез на улицу, сбил с ног часового и убежал, не знаю, откуда силы взялись. До Дидинацкой долины добежал, к пастухам. Я-то привычный к таким переходам. А ребята очень устали, поэтому не могли бежать со мной. Пешком мы долго шли. Они остались, и сейчас их, наверное, уже переправили в тюрьму, во Владикавказ, — Хаджумар замолчал, было видно, что рассказывать ему об этом тяжело. — Я сделаю все, чтобы вызволить их из тюрьмы, — клятвенно заверил он.

Хаджумару казалось, что родственники Савлоха смотрят на него с осуждением: ты, мол, вот на свободе, а они в тюрьме. Почему же не захотел разделить с ними судьбу, если до этого делили все беды и радости поровну? И не находил Хаджумар слов в свое оправдание.

И как бы прочитав его мысли, старый Савлох сказал:

— Никогда не забывай своих товарищей, Хаджумар, знай: тысячи друзей для человека — мало, а одного врага — много. Пусть будет у тебя с каждым днем все больше верных друзей! Я не отговаривал своего сына, когда он вместе с тобой встал под красное знамя, потому, что борьба за свободу досталась нам от наших предков. Навеки останется в песнях имя Чермена¹, его отвага и самотверженность. Он — пример для нас и наших детей и внуков. Не сворачивай с этого пути и ты, лаппу.

Много дней прожил Хаджумар в доме Савлоха, ожидая удобного случая, чтобы уйти в Грузию. Но случая такого все не представлялось, и он изнывал от тоски и

¹ Легендарный герой осетинского народа.

безделия. А когда до Задалесска долетела печальная весть о кончине Коста Хетагурова, Хаджумар решил, как бы ни опасно это было для него, пробраться во Владикавказ, проститься с певцом свободы. И, может быть, связаться с кем-нибудь из подпольщиков.

Старый Савлох не одобрил его намерения, но отговаривать не стал, лишь посоветовал:

— Тебе нужно идти через Дицинскую долину в Кабарду, из Нальчика поездом доберешься до Владикавказа. Другие пути для тебя заказаны. В Балкарии у меня есть родственники. Постучись к ним и от моего имени передай им салам. Не бойся, гости они не выдадут. Коня оставиши у них, — Савлох замолчал, словно не решаясь что-то сказать. — Об одном прошу тебя, Хаджумар, узнай, что с моим лапппу, будут ли его судить и когда...

— Я сделаю все, чтобы освободить друзей, Савлох.

— Пусть помогают тебе ангелы Дигории и Нана Задалесская, — растроганно произнес Савлох и обнял Хаджумара.

Хаджумар отправился в путь, когда утренняя заря занималась над горами. С каждой минутой светлели синие в утренних сумерках леса. И вот незаметно, робко выглянуло солнце, яркое, весеннее, лучи его вселяли в сердце радость, и таяли сомнения и печали, как тает снег на горных вершинах. Бурные потоки сбегали с гор и щедро поили луга, леса, поля. Земля, как невеста, оделась в лучшие свои наряды. Красота родной земли врачевала душу одинокого путника, спешившего навстречу своей судьбе.

Ранним утром дорога была пустынна. Углубившись в свои думы, Хаджумар не слышал ни ритмичного стука невидимого дятла, ни того, как молодая серна молнией пересекла дорогу, не слышал он, как трескались на ветвях набухшие почки и юный лист проклевывался к жизни. Большие поляны были покрыты молодой травой, над ними в чистом веселом небе играли ласточки, то взмывая в синеву, то почти касаясь крылом земли... Мысли его были о Косте, о его безвременно оборвавшейся жизни, и о своей жизни, которую он готов был отдать борьбе за свободу народа, и о своем будущем, неведомом ему.

Наверное, молитва матери оберегала Хаджумара в пути от Задалесска до Владикавказа, куда он благополучно добрался в тот день, когда в город доставили цин-

ковый гроб с телом Коста. Апрельское солнце ослепительно сияло, и нескончаемо тек к вокзалу людской поток в траурном молчании. Вот из вагона на высоко поднятых руках вынесли гроб, и он медленно поплыл над толпой. Похоронная процессия тронулась с привокзальной площади по Московской улице. Хаджумар попытался протиснуться поближе к гробу, но ему не удалось. Яблоку было негде упасть, не то что сделать шаг вперед или в сторону. Хаджумар шел, скорбно опустив голову, но время от времени окидывал толпу взглядом, никого из знакомых не было. И вдруг из боковой улочки втиснулись и встали рядом с ним сестры Лавровы, Валя и Евгения. Он едва удержался от радостного вскрика и с трудом заставил себя не оглядываться на сестер.

«Может, и Юлия Закусилло здесь? — подумал он. — Ведь Юлия родственница и близкая подруга сестер Лавровых, они должны знать о ее судьбе». Очень хотелось верить, что Юлия на свободе. Не раз приходилось Хаджумару выполнять задания подпольщиков в паре с Юлией, и он считал ее опытной и выдержанной революционеркой, хотя девушка только что закончила Ольгинскую женскую гимназию.

Улучив момент, Хаджумар взглянул на сестер Лавровых, те едва заметно кивнули. «Надо полагать, Юлия тоже здесь, в толпе, но подойти ко мне не имеет права», — решил Хаджумар.

Юлию Хаджумар увидел среди тех, кто нес венки. Ее заплаканное лицо было белым, как мел. Шла она неестественно выпрямившись. Коста был другом ее семьи, и ей горе было тяжелей вдвойне.

Дед Юлии, литовец по национальности, был сослан царским правительством на Кавказ за участие в польском восстании 1863 года. Наверное, от деда достался и внучке бунтарский характер.

Никогда прежде не приходилось Хаджумару видеть такого скопления людей на улицах, в каждом окне — скорбные лица. Горе осетинского народа пришли разделить русские рабочие и интеллигенты и казаки из ближайших станиц, и грузины, и армяне, и люди других национальностей, проживающие во Владикавказе. Старики и школьники, мастеровые и торговцы, чиновники и наборщики, священники и муллы, джигиты и женщины — все они были охвачены неподдельным горем.

«Никогда не мог предположить, что смерть может так объединить людей, — подумал Хаджумар. — Они сейчас почувствовали локоть друг друга, значит, в их сердцах зажглось что-то такое, что заставило их забыть на время то, что разъединяет их. Это чувство невозвратимой утраты сделало людей, пусть на время, едиными в своем горе. А ведь всю свою жизнь поэт неустанно призывал к единству, в нем он видел залог победы трудового люда. И, наверное, все мы сейчас еще не до конца понимаем, что мы потеряли со смертью Коста».

Несколько часов скорбная процессия двигалась к Осетинской церкви, где должны были отпевать Хетагурова. Хаджумара оттеснили от сестер Лавровых, и он затерялся в толпе. Неожиданно он увидел Георгия Цаголова, шагавшего рядом с гробом. Застал ли он в живых Коста, ведь вместе с Гардановым собирался поехать к умиравшему поэту? Цаголов был одет в поношенное легкое пальто, на голове шляпа. Его лицо, полное печали и страдания, потрясло Хаджумара. «Смерть Коста — горе народа, — подумал Хаджумар. — И такие искренние натуры, как Георгий Цаголов, переживают особенно глубоко».

После торжественной панихиды со словами прощания выступил Георгий Цаголов. Хаджумар весь обратился в слух, он понимал, что из уст Георгия, единомышленника Коста, люди услышат завет, обращенный к народу, к потомкам.

Белый, как полотно, Цаголов внимательно оглядел собравшихся и громко и внятно стал читать по-русски стихи, размахивая в такт крепко сжатым кулаком:

Вокруг редеет мгла Руси порабощенной,
Зарю счастливых дней грядущее сулит...
И близится рассвет, и трепет затаенный
Уж в крике птицочных заметнее звучит...

На повороте мы... могучею волною
Нас скоро вынесет к заветным берегам —
Туда, где нет цепей, где подлою пятою
Палач не осквернит свободы дивный храм...

Увы, не встретишь ты тот день победный,
Ты не увидишь то, что ты так страстно ждал.
И весть не долетит к тебе в приют последний,
Святая весть о том, что здесь рассвет настал.

А как ты ждал его! Какой любовью жгучей,
Какой надеждою пылал твой стих стальной,
Как ждал свободы ты в гармонии созвучий,
Как ей молился ты, певец земли родной...

Ты посвятил ей жизнь, всю жизнь святую;
Ты был в рядах борцов, поэт и гражданин,
И бился смело ты под песню боевую,
И часто на посту стоял лишь сам один...

Как страстно ты хотел, чтоб солнце возрожденья
Взошло в краю родном, чтоб мрак исчез скорей.
Чтоб было сломано ярмо порабощенья
И пылью сметена вся накипь черных дней.

И чем сильней был мрак, чем жизнь была тоскливой,
Тем ярче ты горел и шел смелей вперед.
И звал с собой туда, на путь счастливый,
Ты «бедный свой аул и бедный свой народ»...

Прощай, наш старший брат! У дорогой могилы
Клянемся мы тебе любить родной наш край,
Работать для него, покуда будут силы,
Вести вперед его... Прощай, Коста, прощай!

Взволнованный голос Цаголова, мужество, с которым он читал свои стихи на глазах у шпиков, а уж их было наверняка предостаточно в толпе, поразили Хаджумара. «Цаголова могут арестовать за эти стихи, — думал Хаджумар. — Но он не побоялся, всем нам показал, как надо уметь презирать опасность, быть до конца смелым, отстаивать свои идеалы».

Бросив горсть земли в могилу, Хаджумар отошел не сразу. Опустив голову, он глубоко задумался. Очнулся он от легкого толчка, незнакомый парень, не глядя на него, проговорил:

— Идите через сад, за забором вас будет ждать Георгий...

Это было так неожиданно, что Хаджумар переспросил: «Какой Георгий?» Сконфуженно осекся и быстро зашагал к забору. Преодолев его, он оказался на безлюдной узенькой, арба вряд ли пройдет по ней, улочке.

— Как ты увидел меня в толпе, Георгий, — воскликнул обрадованный Хаджумар.

— Глаз у меня орлиный, — грустно усмехнувшись, ответил Цаголов. — Пойдем отсюда, по дороге расскажу тебе новости. Меня очень опечалила весть, что всех вас, названных братьев, и Михаила Гарданова арестовали,

потом я узнал, что ты сумел бежать и будто бы ушел в Грузию. Мне случайно удалось увернуться от ареста, я на время скрылся в дальнем ауле, потом поехал, как и собирался, к Коста...

— За сегодняшнее выступление тебе грозит тюрьма!

— Я знаю, — коротко ответил Цаголов. — В тюрьме я буду рядом со своими друзьями. Они находятся там, — он показал на противоположный берег Терека. — Мои стихи — это не только долг перед памятью Коста, но и обращение к тем, кто сейчас находится в темнице.

— Может быть, у тебя есть копия стихов, — с надеждой спросил Хаджумар. — Мне они очень нужны, я тоже постараюсь передать их в тюрьму.

Цаголов молча достал из кармана пальто листок и протянул его Хаджумару.

— Откровенно тебе скажу, Георгий, — признался Хаджумар, — ехал я во Владикавказ не только за тем, чтобы проститься с великим Коста, но и чтобы помочь друзьям бежать из тюрьмы. А твои стихи очень будут там нужны. — И, смутившись, добавил: — И всей молодежи, которая борется против царизма. Я видел, с каким восторгом слушали тебя!

— Имя Коста достойно лучших слов, нежели мои, — сказал Цаголов. — Придет время и появятся сильные и яркие стихи о Коста. Я же выразил то, что было у меня на сердце, спасибо тебе за добрые слова... — Георгий обнял Хаджумара за плечи. — Я вот смотрю на буйный Терек, и мне кажется, что прошлый декабрь был похож на него. Сметая все преграды, народ вырвался на простор борьбы, трудной и кровавой. Но царизму удалось подавить ее. Верю, что ненадолго. Надо готовиться к новой схватке. Только не повторяйте прошлых ошибок, не будьте такими опрометчивыми...

— У нас не было опыта, — всеми силами скрывая обиду, сказал Хаджумар. — А потому и делали многое не так. Тебе, Георгий, хорошо известно, что мастером ученик становится постепенно. Мы шли на ощупь. И дорогой ценой достался нам наш опыт...

— И я ведь об этом говорю, Хаджумар. Чтобы вести людей за собой, надо многое знать.

— Согласен, но зачастую жизнь диктует свое, не дает времени обдумывать, осмыслить как следует происходя-

щее. Она толкает нас в самую гущу событий. И из тех, кто не боится действовать, вырастают настоящие джигиты, — Хаджумар задумался и, уже успокоившись, сказал озабоченно: — Сейчас для меня главное — если удастся, организовать побег своим друзьям. Правда, я пока не представляю, с какого конца приступить к этому. У меня нет ни денег, ни квартиры, ни документов.

— Постараюсь помочь тебе, — пообещал Цаголов. — На время ты поселишься в Осетинской слободке. По Владикавказу сейчас рыщут десятки полицейских и их агентов. Не забывай об этом, Хаджумар, мне кажется, что успех твоего предприятия не в малой степени зависит от осторожности. Надо делать все осмотрительно, надежно, без мальчишеской горячности.

Недалеко от чугунного моста через Терек они, когротко попрощавшись, разошлись в разные стороны.

Весенний, в молодой зелени Владикавказ, как и подобало столице Терской области, был красочен и наряжен, и разноплеменность Кавказа отражалась в нем ярко и непосредственно. К тому же город был переполнен отставными офицерами и казачьими чинами, осевшими тут на жительство. Центр города украшал широкий бульвар, засаженный липами, каштанами, пирамидальными тополями. По бульвару гуляла нарядная публика, вдоль бульвара гарцевали всадники, выставляя на всеобщее обозрение своих породистых скакунов, дорогую оправу оружия; белоснежные черкески с серебряными газырями. Чтобы не встретиться с жандармскими ищёйками, Хаджумар стороной обошел бульвар и направился по адресу, указанному Цаголовым. Глядя издали на пестрый бульвар, где веселилось владикавказское благородное общество, Хаджумар, усмехнувшись, подумал: «Темная ночь кончается светлым днем, не так ли, господа?»

Глава пятая

*Язык без костей,
но ломает кости*

Так уж устроена жизнь, что двух одинаковых людей нет на свете, как нет двух одинаковых листьев на дереве. Всегда, пусть в малом, но отличаются они друг от друга. Казалось бы и Хаджумар, и Бидзига, и Габи, и

Беслан — все они родились в одном ущелье, вместе росли, вместе проказничали и учились, потом все четверо стали сами учителями. Одни и те же мечты и стремления породнили их души, одна клятва связала их навеки. А выпало сурьое испытание — и сразу же выявило суть натуры каждого. Хаджумар сумел бежать из-под стражи. Трое его друзей томятся в тюрьме. Их рассадили по разным камерам, по дороге в тюрьму Бидзига и Габи сильно простудились, врачебной помощи им никакой не оказывали, и ребятам с каждым днем становилось все хуже, но они держались мужественно. «Эй, Хазби, тот путник, который в дороге песню о тебе не споет, доброго пути не найдет!» — часто слышится песня из камеры Бидзига. И каждый раз надзиратель надсадно орет:

— Эй, ты, замолчи! Если не заткнешь глотку, в карцер отправлю!

Но Бидзига не боится надзирателя и его угроз. Не боится он и следователя, который всеми способами пытается доказать его виновность.

Бидзига наотрез отрицал свою вину, очевидных доказательств у следователя не было, и Бидзига продолжали держать в тюрьме.

Габи вел себя иначе. На все вопросы следователя он отвечал презрительным молчанием, что выводило того из себя, он срывался на крик и стучал кулаком по столу. А Габи все так же презрительно усмехался, глядя в глаза следователю, побелевшему от гнева.

Про таких говорят: «Из него слова клещами не вытянешь». И никто не догадывался, как трудно ему. Мечтательный по натуре, силы он черпал в воспоминаниях. Вот во дворе Махчесской школы собралась тысячная толпа, перед ней выступает Хаджумар... После его пла-менных речей люди рвались к схватке, сердца их загорались. И как жаль, что эти радостные дни оказались кратковременными. Вновь и вновь переживал Габи эти счастливые дни. Он старался не обращать внимания на тюремную обстановку, но чувствовал, как подтачивает его исподволь тоска по дому, по ребятишкам-ученикам. Никогда прежде он не думал, что учительский труд так притягателен. И еще... Габи не хотел бы призываться в том даже себе, но он уже не надеялся выйти из тюрьмы, увидеть родные горы. Об этом его настроении никто не

смог бы догадаться, больших усилий стоила ему выдержка.

Но хуже всех было третьему из клятвенных братьев — Беслану Отарову, хотя следователи на него не кричали, угроз он не слышал, пиши его не лишали, а надзиратели к нему были предупредительны. И несмотря на все это, он вздрагивал при любом звуке, судорожно оглядывался, когда его вели по коридору на допрос. Ему казалось, что все арестанты каким-то образом уже знают, какие показания он дает следователю, и что ему не сдобрить. Страх перед расплатой наполнял все его существо. Он сильно похудел, хотя регулярно получал передачи с воли. Бессонные ночи вконец измотали его, порой руки и ноги отказывались ему повиноваться. Мысль о том, что следователь обманул его, пообещав освободить, если он расскажет все, что знает о группе «Набат», парализовала волю Отарова. «Если меня не отпустят домой — бог не простит им такого обмана», — думал этими светлыми весенними ночами Отаров. Может, следователь считает его глупцом, нет, он не таков, он сразу понял, что незачем рисковать своей головой за грехи других. Хаджумар устроил беспорядки, пусть он и отвечает, пусть с него и спрашивают по закону. На допросах Отаров, выгораживая себя, оговаривал и Габи, и Бидзига, и Хаджумара. Он понимал, что каждое его слово будет использовано следователем против них, но остановиться уже не мог. Любой ценой он решил получить свободу: не за тем он родился на белый свет, чтобы гнить в тюремной камере. Ночью ему грезились жуткие сны. Однажды привидилось, что заблудился он в горах, потерял спасительную тропку и окружают его бездонные пропасти, в одну из них и толкают его порывы ветра. Вдруг он оказался почему-то на дне. А потом увидел себя на нихасе в Камате. Все мужчины аула тесно окружили его и, как по команде, обнажили кинжалы, с диким криком бросился он бежать, но каматцы не отставали, вот-вот их кинжалы настигнут его.

Отаров верил в пророческие сны и потому совсем пал духом...

Почти две недели прожил Хаджумар в Осетинской слободке. С помощью Цаголова он надеялся установить связь с подпольщиками. Окольными путями Цаголов вы-

яснил, что сестры Лавровы арестованы вскоре после похорон Коста, Юлия скрывается у родственников где-то на Кубани.

Безделье тяготило Хаджумара, и потихоньку отчаяние овладевало им, но он крепился, помня, что безвыходных положений нет, что и в безнадежности есть надежда. И как бы в подтверждение справедливости этой мысли однажды вечером пришел Цаголов и увел Хаджумара на берег Терека. Они отыскали безлюдное место и устроились на больших камнях. В волнах реки дробилась майская луна, свет ее заливал все вокруг. Талые воды из-под ледников еще не напоили Терек, не дали ему неукротимую силу. Вода несла с собой еле слышный запах сосны, свежести Дарьялского ущелья.

— Я часто вспоминаю вечер, проведенный в сакле Кертиби, — признался Цаголов. — Моя душа радовалась, глядя на вас, молодых, полных жизненных сил, готовых на все ради свободы народа. И когда вы давали клятву, мне хотелось быть с вами. Но я слаб физически, а попросту говоря сильно болен, и неспособен к тайной работе, поэтому из меня плохой вам помощник.

— Ты слишком строг к себе, Георгий, — сказал Хаджумар. — Я уже убедился, что помощник ты — верный и надежный.

— Спасибо на добром слове, — приложил руку к сердцу Цаголов. — Ты, наверное, удивляешься моим словам и думаешь, зачем это поэт привел меня сюда, — похлопал он дружески Хаджумара по плечу. — Так вот, могу тебя порадовать: сегодня я познакомлю тебя с теми, к кому ты рвешься всем своим сердцем.

Хаджумар молчал, не мог даже сразу поверить — неужто после стольких тоскливых дней бог наградил его удачей, теперь он не один, теперь с ним товарищи, а значит, снова борьба, а не отсиживание в тесной, темной комнатушке.

— Когда они придут? — нетерпеливо задал вопрос Хаджумар.

— Они сами тебе об этом скажут, если найдут нужным, — охладил его пыл Цаголов.

Чуть в стороне послышался шорох скатившихся камней, на берегу показались две темные фигуры. Хаджумар встал, пристально всматриваясь в подходивших людей. Нет, он совершенно не знал их, видел впервые.

— Я свою миссию выполнил, — сказал Цаголов, — и имею право уйти.

— Сердечное вам спасибо, Георгий Михайлович, — поблагодарил один из пришедших.

После ухода Цаголова пришедшие по очереди протянули руку и назвали себя:

— Ной, правда ковчега у меня нет, — пошутил первый.

— Степко, — представился второй, лицо его было серьезным и строгим.

— Харитон, — назвал себя Хаджумар. Это имя он получил при крещении.

Ной не спеша оглядел безлюдный берег Терека, прислушался, потом присел на камень.

— Мне о тебе, Харитон, много рассказывали, — перешел к делу Ной. — Нам нужны решительные, находчивые, смелые ребята. И прежде чем встретиться с тобой, не скрою, мы к тебе долго присматривались. Сейчас много провалов, полиция засыпает к подпольщикам провокаторов, и мы не имеем права ставить под удар своих товарищей, а поэтому проверяем всех новичков, которые хотят работать в нашей организации. И чтобы у тебя была полная ясность, скажу словами одного большого революционера, с которыми он обращался к своим единомышленникам: «Я не обещаю вам ни легкой жизни, ни сытного хлеба. Вы будете под огнем, в тюрьмах и на каторге, но совесть ваша перед народом, перед Родиной будет чиста». За принадлежность к нашей подпольной организации грозит каторга или ссылка в Сибирь, ты должен знать это, Харитон...

И только через много лет, в ссылке, от Сурена Спандаряна Хаджумар узнает, что кличку «Ной» носил видный партийный организатор, смелый и неуловимый подпольщик Самуил Баучидзе, а «Степко» был его друг Нико Кикнадзе.

Ной дотошно расспросил о подробностях ареста и побега Хаджумара, о его товарищах, находящихся в тюрьме.

И когда он замолк, Ной сказал:

— Послезавтра увидимся в Осетинской слободке, в доме Джутуева, придешь туда поздним вечером, часам к одиннадцати.

Хаджумар появился точно в назначенное время. В

чистенькой комнатке они были вдвоем. Заметив, что гость беспокойно оглядывается, Ной сказал:

— Мешать нам никто не будет, а разговор у нас серьезный и долгий. Тебе в нашей работе в нынешних условиях кое-что будет в новинку, и моя обязанность дать тебе уроки конспирации, иначе ты совершишь ошибки, которые неизбежно приведут к аресту твоих товарищей. А чтобы этого не произошло, ты должен назубок знать основные правила конспирации.

Хаджумар слушал внимательно, боясь пропустить слово.

— Так вот, Харитон, — продолжил Ной. — Жандармы, чтобы обнаружить подпольщиков, используют сведения своих тайных осведомителей, мы их называем провокаторами, и слежку шпиков. Значит, в первую очередь нужна наблюдательность, умение быстро и верно оценивать окружающую обстановку, чтобы не привести за собой «хвост» на явку. Запоминай расположение улиц, проходные дворы, людные перекрестки, это поможет тебе уйти от преследующего шпика.

— А как я могу узнать провокатора, — спросил Хаджумар и весь подался к Ною, ожидая, что ответ его положит конец его мучительным раздумьям и сомнениям об их внезапном аресте.

— Выявление провокатора — самое трудное в нашей работе, — признался Ной. — Жандармы вербуют нестойких духом людей, запугивают, подкупают деньгами, обещанием освободить от тюрьмы. Распознать провокатора сложно. По внешним поступкам он твой товарищ, выдает себя за единомышленника, участвует вместе с тобой в борьбе, а сам исподтишка творит подлое черное дело, предает людей, доверившихся ему. О каждом их шаге, сказанном слове он доносит жандармам. И делает это по трусости или из-за корысти.

— Ты очень правильно говоришь, Ной, — вскочил с места Хаджумар. — Ты словно прочел мои мысли, я думаю, сердце мне подсказывает, что к моему аресту тоже приложил руку предатель, он был рядом. Но кто он?

— Я советую тебе не встречаться с людьми, которые знают тебя здесь, во Владикавказе. В этом случае осторожность не повредит.

— И с Георгием Цаголовым не встречаться? — спросил озадаченно Хаджумар.

— Цаголов проверенный человек, — голос Ноя потепел. — Продолжим наш разговор. Каждый подпольщик имеет дело с нелегальной литературой — листовками, брошюрами. Случается, что ему приходится хранить их на своей квартире. Как ты должен поступить, если полиция делает у тебя обыск? Если у тебя в квартире обнаружили нелегальщину, то говори, что нашел на улице, что там написано — не читал, а взял листки на растопку или завернуть в них что-нибудь. Если нелегальщику или оружие нашли вне квартиры — в уборной, на чердаке, на террасе, — то отказывайся наотрез, говори, что не знаешь, как они туда попали, может, кто специально подложил. Когда составляется протокол, старайся, чтобы в нем было отмечено, что ты к обнаруженному не касался и никому ничего не передавал.

— А если я скажу, что неграмотный. — Хаджумар, прищурив глаз, испытующе посмотрел на Ноя.

— Это тебе поможет только в том случае, если при обыске не найдут бумаг, написанных твоей рукой. Обычно полиция производит гравиологическую экспертизу и устанавливает, кем написана, допустим, листовка, тобой или другим лицом. И еще запомни, Харитон, — Ной внимательно посмотрел на него. — Для подпольщика очень важно быть точным, без опозданий приходить на явку, на встречу с товарищем. Помни, твое опоздание может быть причиной провала. Ты не пришел вовремя, твой товарищ, ожидая тебя, нервничает и невольно может попасть под наблюдение полиции. А она умеет распутывать ниточки. Наконец, несколько слов как вести себя при аресте. Главное здесь — выдержка, умение владеть собой. Судьба каждого из нас зависит друг от друга, и если идешь на риск, то всегда помни об осторожности, зачастую она обеспечивает успех дела. Лично я придерживаюсь еще одного неписаного правила: «Не говори другому ничего, что он не должен знать».

— А как быть с друзьями, — спросил озадаченно Хаджумар. — Я всегда был откровенен с ними и не представляю свою жизнь иначе. Выходит, теперь я должен таиться от друзей, скрывать свои мысли. Как я чувствую неискренность другого, так и он чувствует мою. Тогда нельзя надеяться на поддержку друзей, а без нее любой из нас пустое место.

— Ты, Харитон, путаешь дружескую искренность и тайну подпольщика. Твоя искренность не должна нарушать эту тайну. И одно другому не помеха, это я тебе говорю по своему опыту. Могу сослаться на народную мудрость: «Ради друзей жизни не жалей, но врагов отличай от друзей». Как видишь, здесь целая жизненная программа... А сейчас я тебя порадую, Харитон. Наши товарищи установили связь с одним надзирателем из тюрьмы. Завтра ты встретишься с ним, и он тебе расскажет о твоих друзьях.

Хаджумар посмотрел на Ноя, как на чародея, на доброго волшебника, и вдруг—пустился к пляс. Ной хотел от души, глядя на него, и хлопал в такт, а Хаджумар, как заправский танцор, выделявал замысловатые коленца и птицей носился по комнате. Жарко и задорно засверкали его глаза. «Ой какой ты молодец, Ной! — выкрикивал он. — Асса! Асса!» С трудом Ной успокоил Хаджумара.

Было далеко за полночь, когда они расстались. Звездная бархатная ночь царила над городом, окутав его не-проницаемой темнотой. Рокотал мутный и быстрый Тerek, и шум его уже не раздражал Хаджумара, он как мальчишка засунул пальцы в рот и по-разбойничьи свистнул. Невдалеке захлопала крыльями птица, сонно крикнув, затихла. Хаджумар так и не сомкнул глаз до рассвета, и когда показалось солнце, он был уже на ногах, нетерпеливо отсчитывая часы.

Павел, как назвал себя надзиратель Владикавказской тюрьмы, работал в ней уже несколько месяцев, устроил его туда влиятельный родственник. В Саратове, где он прежде жил, Павел выполнял отдельные поручения подпольщиков, и товарищи Ноя сначала тщательно проверили его, не жандармская ли он «подсадка» и, лишь установив, что Павел «чист», вызвали его на явку с Хаджумаром.

Хаджумар встретил Павла сдержанно, по правде говоря, ему не очень верилось, что надзиратель согласится организовать побег его друзей из тюрьмы, в случае неудачи за такое пособничество ему грозят арестантские каторжные роты. Вряд ли он рискнет. Уже за то, что Хаджумар услышал весть о друзьях, он готов был его благодарить. Хотя вести Павел принес и печальные. Бидзига и Габи до сих пор нездоровы и здорово сдали. Не-

воля подкосила парней, они стали молчаливы, замкнулись в себе. Для побега едва ли хватит у них сил.

— В день похорон Коста в тюрьме было волнение,— словно уходя от разговора, стал рассказывать Павел. — Арестанты в один голос потребовали, чтобы священник в тюремной церкви отслужил панихиду. Начальник тюрьмы вынужден был на это пойти. После панихиды вся тюрьма запела: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Начальник вызвал полицейских и солдат, и те загнали арестантов в камеры...

— Почему ты ничего не рассказываешь о третьем моем друге, Отарове Беслане? — перебил его Хаджумар.

— Я не знаю, что тебе сказать о нем, — замялся Павел. — Отарова нет в тюрьме.

— Он сумел бежать! — обрадованно воскликнул Хаджумар. — Настоящий джигит мой клятвенный брат.

— Не бежал он, выпустили его, и сейчас он, видно, где-то скрывается.

Новость эта, как громом, поразила Хаджумара. Он бессмысленно повторял: «Выпустили его, выпустили его».

— Почему его выпустили? — Хаджумар схватил Павла за лацканы пиджака и притянул к себе. — Почему другие остались в тюрьме? Ты можешь мне сказать?

— Чтобы получить свободу, Отаров предал тебя и твоих товарищей, — коротко пояснил Павел, — подробностей пока не знаю. И отпусти ты, пожалуйста, меня.

— Я задушу его собственными руками! — едва не задохнулся Хаджумар от ярости, глаза его вспыхнули огнем мщения, он был готов сию же минуту броситься на розыск предателя.

— Жандармы, наверное, и надеются, что ты клюнешь на эту приманку и окажешься за решеткой, — охладил его пыл Павел. — И тогда ты уже ничем не сможешь помочь своим друзьям, а помочь так необходима им сейчас. Лучше ты хорошенько обдумай, как вселить в них надежду, иначе они могут окончательно сломиться. Ведь тюрьма и существует для того, чтобы уродовать человека, его душу и тело.

На маленьких клочках бумаги Хаджумар написал теплые слова привета, Павел обещал сегодня же передать... Расставаясь, Хаджумар попросил:

— Павел, ничего не говори ребятам об Отарове, им сейчас это знать незачем.

Хаджумар шел вдоль берега Терека, время от времени швыряя в воду плоские камешки, и мучительно размышлял. Выходит, сердце его не обмануло, арест был вызван предательством человека, которого знал с пеленок, считал другом своим и никогда не сомневался в нем. Правду говорят, что душа изменника темнее ночи. Получается, что он был слеп, не разглядел Беслана, а вернее, и не пытался. Только теперь, да и то с чужой помощью, открылись глаза. Не имеет права клятвопреступник ходить по земле!

Встретившись с Ноем, Хаджумар рассказал о разговоре с Павлом.

— Во имя справедливости я обязан покарать предателя и сделаю это, чего бы мне ни стоило, — поклялся он.

— Права на самосуд тебе никто не давал, — строго одернул его Ной. — И потом, прежде нужно докопаться до обстоятельств, толкнувших парня на предательство.

— А что изменится в судьбе моих товарищей, если мы даже узнаем, что Отаров выдал их, чтобы спасти собственную шкуру, — вышел из себя Хаджумар. Он не заметил, как повысил голос. Но Ной не обращал внимания на его крик, сидел спокойный, только глаза его стали строгими и холодными.

— Подпольщик должен уметь владеть своими чувствами, уметь подчинять чувства разуму, — сказал он непререкаемым тоном. — Наша сила — в дисциплине. И мы не имеем права отвлекаться на какие-то побочные дела. Случай с Отаровым — это эпизод, не имеющий отношения к основному. Ребятам в тюрьме обязательно поможем, и вот помочь эта уже не эпизод для нас, она тесно связана со всей нашей борьбой, с нашим пониманием святого товарищества. Надеюсь, я тебя убедил, Харитон? — спросил Ной.

Хаджумар сидел сурово потупившись и не отвечал. Сделав короткую паузу, Ной продолжил:

— Сейчас нам в первую очередь нужно поставить подпольную типографию. Это очень важно. Ты понимаешь меня, Харитон? — обратился Ной. — Месяц назад полиция напала на след нашей типографии и сумела арестовать ее. Народ ждет правдивого и пламенного слова, разъясняющего происходящие события. Нужда в прокламациях необычайно велика. А мы пока лишены

возможности обращаться к народу. И главная наша задача на сегодняшний момент — найти литеры, бумагу, печатающую машину и помещение, подходящее для этого. Вот этим ты и будешь заниматься вместе с нами.

— Я согласен, — горячо воскликнул Харитон. — У меня давно руки чешутся, чтобы насолить проклятым жандармам, чтобы они ходили по земле и дрожали от страха!

Ной чуть заметно улыбнулся, ему нравилась пылкая непосредственность нового товарища.

С этой ночи началась у Хаджумара жизнь подпольщика — короткие встречи на явочных квартирах, расположенных на городских окраинах или, наоборот, в людных местах, в гуще уличной толпы, на базаре.

Однако время шло, а поставить типографию никак не удавалось, и тогда подпольщики приняли решение захватить явочным порядком какую-нибудь городскую типографию, чтобы отпечатать в ней недавно полученный из Петербурга «Манифест ко всем русским крестьянам». Выбор свой остановили на типографии газеты «Терек».

Ной детально продумал операцию, тщательно проинструктировал всех участников, каждый из них получил свое задание, чтобы не было помех и сутолоки. Жарким августовским днем, когда солнце достигло зенита, в типографию, помещавшуюся на оживленной Московской улице, недалеко от жандармского управления, вошли несколько вооруженных людей. Они сноровито обыскали служащих и закрыли в одной из комнат. Всех, кто входил в типографию, выпускали, но обратно никто не выходил. Рабочие быстро набрали и отпечатали прокламации, связали их в увесистые пачки по несколько сот в каждой, и подпольщики благополучно покинули типографию, предварительно заперев все двери на замок.

В ту же ночь листовки забелели на заборах, воротах, на стенах домов, их находили в почтовых ящиках, под дверями квартир.

Весь Владикавказ только и говорил о дерзком и смелом налете на типографию господина Казарова. И хотя начальник Терского областного жандармского управления полковник Бабушкин поручил расследование весьма энергичному офицеру, результатов тот так и не сумел добиться. Рабочие типографии давали противоречивые, зачастую вымышленные приметы, свидетели, слу-

чайно оказавшиеся при налете, сильно преувеличивали число подпольщиков, говорили, что они были в масках и вооружены до зубов.

Успех окрылил подпольщиков, и они решили провести сходку в сосновой роще, в нескольких километрах от Владикавказа. В яркий солнечный день по тифлисской дороге с гитарами и гармошками неторопливо двигались группы людей, у некоторых в руках — корзины для ягод, на дне которых были припрятаны револьверы. Этим «ягодникам» во главе с Хаджумаром и было поручено охранять митинг. Они перекрыли все удобные для прохода тропинки, чтобы никто из посторонних или полиции не смогли незамеченными проникнуть на митинг.

Зеленые, цветущие поляны радовали глаз, чистый воздух впитал в себя влажное дыхание Терека и аромат горных лугов. А Казбек отсюда казался совсем близким, и рисунок его четок и рельефен. Но любоваться красотой Хаджумара долго не пришлось.

Услышав условный сигнал, он встревоженно выглянулся из-за дерева. По дороге вразвалку шли два городовых, они о чем-то переговаривались, оглядываясь по сторонам.

«О митинге пронюхали и послали на разведку», — сделал вывод Хаджумар, соображая, как поступить с городовыми. Он выждал некоторое время, чтобы выяснить, не идет ли следом подкрепление. Никто больше не показывался, и Хаджумар решил действовать. Взяв с собой еще двух ребят из охраны, он направился наперевес.

— Вот что, господа, — объявил Хаджумар слегка опешившим городовым. — Во избежание недоразумений и нежелательных осложнений, посидите, пожалуйста, вот на той полянке, полюбуйтесь природой. Лицом садитесь сюда, чтобы не было вам скучно, почитайте книжечки. Не вздумайте бежать, это может плохо кончиться для вас.

По горькому опыту городовые знали, что ребята с оттопырившимися карманами брюк — это боевики и стреляют без промаха, поэтому сочли за разумное выполнить приказ, сидели притихшие и смотрели, правда, не видя ни строк, ни букв, данные им брошюры под названием «Революционное движение в России»...

О митинге скоро стало известно властям. Во Влади-

кавказе прокатилась волна обысков и арестов. Подпольщики не знали, что в это время полиция и жандармы перестроили свою работу применительно к сложившимся условиям. Ставка была сделана на массовое внедрение агентуры в революционные организации. Агентура эта должна была «информировать о настроении населения, выявлять попытки революционной пропаганды и агитации на заводах и фабриках, в деревнях и, в особенности, в войсках».

Ной вскоре попал под наблюдение полицейских ищек, но сумел вместе со Степко покинуть Владикавказ. Хаджумару передали, что арестовали поэта Цаголова. «Значит, если не завтра, так через неделю доберутся и до меня, — думал удрученный печальной вестью Хаджумар. — Надо уходить из Владикавказа. Только куда?» Угнетало Хаджумара и чувство вины перед Бидзига и Габи: побег организовать не удалось, а сейчас в обстановке повальных арестов это совсем исключалось. Чтобы напрасно не рисковать. Павел перестал ходить на явочную квартиру.

Неделю Хаджумар провел в полном одиночестве. Домик, в котором он жил, стоял на берегу Терека, из окон виднелись слегка порыжевшие горы, облака медленно, по-осеннему, проплывали над ними. Целыми днями Хаджумар бесцельно расхаживал по комнате и думал, думал до боли в висках. Он вновь и вновь возвращался к последнему разговору с Ноем, тогда они чуть не поссорились. И виной всему была его, Хаджумара, горячность, с которой он отстаивал выношенную им мысль о необходимости новых методов борьбы. «Листовками царизм не одолеешь, — говорил он, — если он прибегает к оружию, надо использовать в борьбе не прокламации, а бомбы и револьверы, надо раздобыть оружие, снова организовать боевые дружины». Ною и здесь не отказала выдержка, он спокойно, методично разбил все аргументы, высказанные Хаджумаром.

— Ты заблуждаешься, Харитон, потому, что не учи-тываешь изменившихся условий, — медленно втолковы-вал он ему. — Когда революция шла на подъем, мы вооружали рабочих и крестьян, чтобы вооруженной рукой свергнуть царизм. Сейчас же призыв к оружию звучит по меньшей мере нелепо, он приведет только к напрас-ным жертвам. Революция идет на убыль, но и теперь,

в условиях полицейского террора мы должны говорить народу правду. И здесь листовка незаменима. Ты сам не раз убеждался, как горячее слово поднимало народ, вело его в бой. Твой порыв мне понятен, но ты словно в шорах, плохо видишь, что делается рядом. Наши товарищи один за другим арестовываются, организация, по сути дела, разгромлена. А ты ратуешь за боевые дружинки?

— В горах много храбрых людей, готовых хоть сейчас к схваткам, — не уступал Хаджумар.

— И снова Ляхов с артиллерией пройдет по аулам. Нам надо привлечь солдат на свою сторону, до тех пор, пока армия будет на стороне правительства, мы не можем рассчитывать на серьезный успех. Ход революции неопровержимо доказал это. А мы с солдатами работали слабо, не сумели повести их за собой...

Они долго и сердито молчали.

— Я тебе не говорил, — сказал наконец озабоченно Ной. — Владикавказский окружной суд заочно приговорил тебя к наказанию. Значит, на тебя составлена розыскная ведомость, и теперь полиция по всей России наводит о тебе справки. Я советую тебе попытаться поступить в какой-нибудь университет, например в Дерпте или Казани. Учебу можно совмещать с революционной работой. И вот еще что я хотел тебе сказать, — Ной обнял Хаджумара и грустно покачал головой. — Твои товарищи в тюрьме сильно больны, у них открылась чахотка, и сейчас они в тюремном лазарете, без посторонней помощи они не могут двигаться. Так что побег откладывается на неопределенное время, пока они не выздоровеют. Это займет в лучшем случае три-четыре месяца, столько ты здесь не продержишься. Послушайся моего совета...

Хаджумар сидел словно оглушенный, колокольным звоном отдавались в голове слова: «Не могут двигаться, не могут двигаться, не могут...» Он проводил Ноя и долго стоял на берегу Терека, но не чувствовал речной свежести, мысли были обрывисты и хаотичны.

С того вечера Хаджумара охватила странная нерешительность, он никак не мог заставить себя сделать выбор — уйти в горы, скрыться в Грузии, где его не знают, или действительно уехать учиться. На душе было тревожно, и удерживало его в городе лишь чувство вины

перед Бидзига и Габи, он еще надеялся помочь ребятам. Собственное бессилие лишило Хаджумара душевного равновесия, он не находил выхода. Как зверь в клетке, метался он по комнате, не зная, что предпринять. Пойти на квартиру Павла — рискованно, можно самому попасть в лапы полиции и товарища провалить. Какое-то подсознательное чувство, интуиция, что ли, подсказывало Хаджумару, что ему пока не грозит арест, и он решил по окраинным улочкам пройти в город.

Говорят, что сердце — вещун, но сейчас оно билось ровно в его груди и даже не намекало, что беда рядом.

Он шел вдоль забора, когда невдалеке хлопнул, как ему показалось, выстрел: «Сдают твои нервы, джигит», — сказал он себе. Но увидев, что хозяева домов закрывают ставни, понял, что не ослышался, он убавил шаг и оглянулся. Уличка была пустынна, даже псы прятались. После короткого раздумья Хаджумар повернулся к дому и удивился, когда встретил свою хозяйку. Она взволнованно прошептала: «Человек какой-то приходил к тебе, очень расстроился, что не застал».

— Он что-нибудь передал? — спросил Хаджумар, перебирая в памяти своих знакомых, кто знал его квартиру. А может, это шпион? И когда хозяйка описала внешность незнакомца, Хаджумару стало ясно, что это был Павел. Ни слова не говоря хозяйке, он бросился к Тереку: Павел чаще всего ходил берегом. Он уже отчаялся догнать его, когда различил вдали знакомую фигуру. Поравнявшись с Павлом, легонько толкнул его плечом. Павел от неожиданности вскрикнул.

— И у тебя нервы ни к черту! — посочувствовал Хаджумар. — Вот как запугали нас жандармы. — Удивила лишь Хаджумара необычная молчаливость всегда словоохотливого Павла. Застывшее лицо, как маска, глаза почему-то прячет, уставился в землю.

— Думаешь найти золотой червонец? — пошутил Хаджумар и засмеялся через силу. — Нет, друг, напрасно стараешься.

Павел почувствовал озноб, никогда не было ему так отвратительно, язык словно примерз. Как он скажет Харитону, что его друзей нет в живых. Первым ушел Габи, а через день — веселый Бидзига. Собравшись с духом, запинаясь и повторяясь, Павел наконец обо всем сказал.

— О, горе мне! — простонал Хаджумар. — Нет мне прощения! Что я скажу их родителям, как посмотрю им в глаза! Да и как жить теперь с собственной совестью! Если бы я уговорил их тогда бежать, они бы могли остаться живы. А я не был настойчив до конца. Как появлюсь я в горах с такой вестью?..

— Я отправил родителям умерших письма о постигшем их горе, — тихо проговорил Павел. — Это в нарушение всех инструкций, но я помнил, как трудно будет тебе говорить с их родителями. Сейчас они уже оповещены, и, когда ты приедешь, скажи им, что хотя и сгорели лаппу от чахотки, но до конца не склонили головы, умерли достойно, как подобает мужчине.

— Спасибо тебе, Павел, за слова утешения, — поблагодарил Хаджумар. — Рано утром я уйду в горы. Мне ненавистен этот город, отнявший у меня друзей. Если бы ты знал, как тяжело у меня на сердце. Я ведь так надеялся и их обнадеживал, что скоро будут они на свободе. А вместо свободы — могила...

Несколько дней добирался Хаджумар до Дигорского ущелья, в Задалесск он пришел поздним вечером, постучался в дом Савлоха Бадзиева. Услышав стук, старик набросил на плечи бешмет и нерешительно подошел к двери. Ему вдруг подумалось, что это Бидзига возвратился домой, что письмо из тюрьмы — досадная ошибка.

— Кто там? — окликнул он осевшим от волнения голосом.

— Это я, Хаджумар, — отзвались за дверью.

На пороге они обнялись, Хаджумар беззвучно плакал на груди Савлоха, он не стыдился своих слез. Обычай осетин не позволяет отцу проявлять слабость. И он сдержался, скрыл душевную боль от младшего. Радушно пригласил его в саклю.

— Слезами мы не вернем Бидзига. У каждого своя судьба. Господь наделил людей счастьем не поровну. Вот Отаров вернулся из тюрьмы живым, здоровым. По виду и не скажешь, что он пережил какие-либо горести. Все поздравляют его с благополучным возвращением. Никто его не трогает, и он никого не боится. И мой сын, и Габи были не хуже его, а вот они остались там.

Хаджумар не мог ранить сердце Савлоха рассказом

об Отарове, о том, какой ценой купил он свободу. Савлох может не сдержаться, отомстит и попадет в беду. Старики безжалостны, как и осетинские нравы, потому Хаджумар перевел поскорей разговор.

— Как ушел от тебя весной, так ничего не слышал о своих родных. Как они живут? Не пострадали за меня?

— Отца твоего несколько раз требовали на допрос в Махческ. А сейчас, говорят, посадили. Сестер твоих недавно видел, живут, бедные, трудно. Ведь в доме без мужчин у нас, в горах, совсем худо, — Савлох сокрушенno покачал головой, тяжело вздохнул. — От Кертиби и отца твоего требовали указать, где ты скрываешься. Грозили, что отнимут имущество. А какой отец согласится выдать сына, лучше сам погибнет. Эх, если бы я мог жизнью своей спасти мальчика моего, не задумываясь сделал бы это. — Голос старика задрожал и прервался, стараясь скрыть это, он закашлял, пряча от Хаджумара слезы.

Всю ночь Савлох так и не сомкнул глаз. Уложив гостя, он сидел на пороге сакли и думал о сыне, о том, что мальчик его поконится где-то в чужом месте, вдали от родных. Кто сможет ему помочь захоронить сына на родной земле? Только Хаджумар. Хотя и сам он на пороге тюрьмы. Но как сказать ему о своей просьбе? Савлох до конца дней своих будет помнить о его доброте.

Утром, выбрав подходящую минуту, Савлох, потупившись, сказал:

— Я знаю, сынок, что не имею права просить тебя об этом, но никто другой мне не сможет помочь. Прошу тебя, облегчи мое горе. Скоро мне идти в вечный мир! И как меня примет земля, если прах моего мальчика будет покониться вдали от близких...

Хаджумар не сразу понял старика и лишь потом догадался, о какой просьбе ведет речь Савлох.

— Ты извини меня, Хаджумар, — продолжал Савлох, что я втягиваю тебя в это трудное дело. Прах мальчика должен быть привезен в родную саклю. Жизнь неразлучна со смертью, всем нам суждено отправиться в страну мертвых. Никто не минует этого, разница только во времени. Одним раньше приходит срок, другим позже. Пусть избавит нас бог от бесчестья, от позорной смерти...

Хаджумар сидел и думал над словами старика, и просьба его уже не казалась ему странной. Но не слыхал никогда прежде Хаджумар, чтобы из тюрьмы разрешали увозить покойников. Как выполнить святую просьбу отца? Не мог сказать Хаджумар короткое «нет». Да, он должен немедленно ехать во Владикавказ. А там на месте будет видно, с какого конца начинать.

Поздним вечером выехал он из Задалесска. Отдохнувший конь шел ходко, и когда взошла на небе поздняя осенняя луна, Хаджумар подъезжал уже к мосту через Ираф.

Освещенные только что взошедшей луной, неприступные скалы вокруг стали словно старей и угрюмей — теми резкими морщинами изрезали склоны. В мрачном молчании стояли горы, как стоят на похоронах осетины. Внизу в ущелье рокотал Ираф, его воды бились о гранитные валуны, не в силах сдвинуть их с места, и с ревом неслись дальше навстречу старшему брату — могу-чему Тереку. На южных скатах гор пустые сенокосы и пашни матово серебрились под луной. Высоко вверху приютился аул Мастиноха, ниже его — Калнахта, потом — Казахта и Фараската, с ними граничат сенокосы и пашни аула, в котором сейчас живет Отаров. «А что, если заглянуть к нему? Пусть этот негодяй задрожит от страха», — мелькнула внезапная мысль у Хаджумара, но он тут же отогнал ее — Беслан Отаров может выдать его полиции. Чтобы не искушать себя, Хаджумар стал смотреть в другую сторону. На северных склонах гор чернеют Вакац и Махческ. Оттуда часто приходил Хаджумар в аул Отаровых к родственникам матери, когда учился в Махческе у Михаила Гарданова. А мимо Махческа вьется «царская» дорога, она круто поднимается вверх по ущелью и приводит в аул Галиат. После приказа об аресте Хаджумара, власти закрыли школу в Галиате...

Вот к этому склону бегал он вместе с Габи, Бидзига и Бесланом. Здесь играли они, веселились, дурачились. Детские проказы и шалости не были обидными ни для кого, смеялись над каждой удачной шуткой и озорной выходкой. Они были разными, но детская дружба их, крепкая и искренняя, переросла в братство. Они взрослели, нелегко доставались им знания, но не было у друзей ни секретов друг от друга, ни тайн. Так что же это

за причины, побудившие Беслана Отарова купить себе свободу такой дорогой ценой? Почему он решился расстоптать их святую дружбу, растоптать все дорогое, что согревало их сердца? Наверное, на душе было бы легче, если бы знать об этих причинах. Ведь все они оказались в одинаковых условиях, им грозила одна и та же участь, и власти обвиняли их в одних и тех же преступлениях. Почему же именно Беслан дрогнул душой и пошел на предательство? Как удалось поручику Карабугаеву найти трещину в его душе? Ни к Габи, ни к Бидзига Карабугаев не обратился бы со своим гнусным предложением. И в то же время, положа руку на сердце, Хаджумар не мог бы назвать хотя бы один пример трусости Беслана. Нет, этого за ним не водилось. Когда начались народные восстания в Дигории, Беслан все время был рядом с друзьями, не увиливал от опасных поручений. Так в чем же причина его предательства?

От раздумий и вопросов пухла голова, но ответа не находилось, его мог дать только сам Беслан. И с каждым шагом крепло в душе Хаджумара решение встретиться с Отаровым и услышать от него признание. Мысль о собственной опасности уже не терзала его.

Хаджумар повернул коня и стал торопливо подниматься по узкой улочке к дому Отаровых. Он знал, где обычно спал Беслан, и сразу направился к низенькой пристройке. Левой рукой стукнул в окно, а правой сжал револьвер.

За окном отозвались сразу, будто ждали Хаджумара. Голос был Бесланов, но совсем не сонный, и это удивило Хаджумара. «Видно, совесть грызет, лишает сна,— подумал Хаджумар и тут же зло усмехнулся. — Нет, Отаров свою совесть съел, а честь проглотил. Страх терзает его, жалкий трус, он боится уже собственной тени». Наконец дверь распахнулась, и Беслан появился на пороге, бросился к Хаджумару с распростертыми объятиями. Хаджумар сдержанно уклонился от него, сказал холодно и резко:

— У меня времени в обрез, а нужно поговорить серьезно, без чужих глаз и ушей. Давай пойдем за аул.

— Поговорить и в самом деле нужно, — без особой охоты согласился Отаров. — И ты, и Бидзига, и Габи смотрите на меня, как на кровника, заклятого врага своего.

Они молча вышли за аул и остановились около огромного валуна, отполированного ветрами и дождями.

— Рассказывай, почему тебя одного выпустили из тюрьмы? — потребовал Хаджумар и встал так, чтобы лунный свет падал Отарову на лицо.

— В ту ночь, когда ты бежал, — срывающимся голосом начал тот, — стражу усилили, а нас рассадили по разным комнатам. И в тюрьме нас разъединили, сидели мы в разных камерах. Почти за полгода я ни разу не видел ни Габи, ни Бидзига. На прогулку нас выводили порознь. Из окна камеры они что-то кричали, но я разобрать не мог, высоко, да и голоса у них стали слабыми, а потом они больше не кричали. Я думал, их тоже выпустили. Когда вернулся домой, то узнал, что тебя еще разыскивают, а Габи и Бидзига все еще в тюрьме...

— Как же ты вырвался из тюрьмы? — нетерпеливо спросил Хаджумар срывающимся голосом. — Ты сумел, а они нет?

— Ты же тогда сбежал, а мы не смогли, — язвительно ответил Отаров. — И сейчас ты ездишь по горам, а не помогаешь товарищам вырваться на свободу.

— Я за себя отвечу, но пусть и каждый отвечает за себя, — сдерживая гнев, проговорил Хаджумар. — А тебе, Беслан, я хочу напомнить слова, которые ты говорил, когда мы давали клятву братства: «Самый тяжкий грех — нарушить эту клятву», — сказал он, не сводя глаз с Отарова.

— Мало ли красивых слов говорят люди, — зло отрезал тот. — А поступают вопреки своим словам. Когда жизнь загонит в угол и небо покажется с овчинку, тогда забываются самые красивые слова. И не зря народ сложил пословицу: «Каждый под своей лепешкой огонь разводит».

— Ты сам себя загнал в угол, когда в Махческе беседовал наедине с поручиком Карабугаевым, — сказал наугад Хаджумар. — Именно тогда совершилось твое предательство.

— Я не предавал, — визгливо вскрикнул Отаров. — Я сказал поручику лишь то, что он и без меня уже знал.

— Что же ты ему сказал? — спросил Хаджумар.

— Наши имена и аулы, в которых мы выступали на митингах, — ответил Отаров. — Поручик грозил, что сошлет меня в Сибирь, если я не отвечу на его вопросы.

— Как ты думаешь, почему Карабугаев не стал допрашивать ни Габи, ни Бидзига?

Отаров отвел взгляд в сторону и, помолчав, словно решаясь на что-то, ответил независимо и зло:

— А вот этого я не знаю, об этом его нужно спросить. У меня с ним был разговор недолгий. Когда я молчал, он мне говорил: «Думай о сегодняшнем дне, что будет завтра и сам великий мудрец Сем Санаты не знает». И в этом поручик был прав?

— Значит, ты заботился о своем сегодняшнем дне? — с едва сдерживаемым гневом спросил Хаджумар. — Я тебе скажу, почему поручик не допрашивал нас. Ему в этом не было нужды. Ты своими показаниями выдал всех нас. И сделал ты это дважды. Сначала поручику в Махческе, а затем следователю жандармского управления во Владикавказской тюрьме. Ты не бежал из тюрьмы, тебя выпустили, и заплатил ты за свою свободу тем, что предал своих друзей! — дрожа от негодования выкрикнул Хаджумар.

— Зачем ты мараешь меня грязью? У тебя нет никаких доказательств!

— Что ты стал клятвопреступником и виновником смерти Бидзига и Габи, доказывает простой факт: когда они умерли, тебя сразу выпустили из тюрьмы, ты свою шкуру спас ценой их жизней. А сейчас, — Хаджумар сгреб в кулак бешмет на груди Отарова, — мы поедем с тобой во Владикавказ, и ты будешь помогать мне, мы должны исполнить последний долг перед товарищами.

— Лучше убей меня, но в город я не поеду! — наотрез отказался Отаров. — От меня не будет никакой пользы. Я догадываюсь, что ты собираешься сделать, и я не могу тебе в этом помочь. И вообще нет у тебя права заставлять меня, — Отаров огрызаясь, как затравленный волк, глаза его сверкали по-звериному хищно.

— Чем подлее человек, тем больше он за шкуру свою трясеется, — с брезгливостью сказал Хаджумар. Он уже ругал себя, что затеял этот ненужный разго-

вор. «Идеалист — думал, что Беслан Отаров раскаивается. Да он боится лишь за свою жизнь и никаких мук совести он не испытывает!»

Хаджумар вскинул револьвер, сухо щелкнул предохранитель. Глаза Отарова, как завороженные, влились в руку Хаджумара, сжимавшую наган. Какие-то скорбные тени пробежали по лицу предателя, наверное, прощался с жизнью. Его запекшиеся губы почернели, и сам он стал будто меньше ростом, в животном страхе втянув голову в плечи. Помертвевшее лицо, весь обреченный вид предателя до омерзения стали противны Хаджумару и напоминали ему раздавленного навозного червя. Хаджумара передернуло, он отвернулся и глухо сказал:

— Уходи с моих глаз, и быстро. Я не могу за себя ручаться — пристрелю, как собаку. Никогда не попадайся мне на глаза! А уж если случится — знай, это будет твоя последняя минута...

Отаров стал медленно пятиться, боясь повернуться спиной. И вдруг, как заяц, метнулся в сторону и спрятался за камни. Хаджумар даже плюнул от отвращения...

Далек и труден путь из горной Дигории до Владикавказа. Хаджумар не знал, что ждет его на этом пути и придется ли ему возвратиться в Дигорию. «Одиночество... Одиночество», — словно выговаривали копыта коня. Да, он одинок, хотя и есть у него семья, родные, но нет тех, с кем прошли его детство и юность, к кому сердце прикипело навеки и с кем смог бы он пройти всю долгую жизнь. Одни покинули этот свет, другого он сам изгнал из своего сердца. Одиночество может подточить силу духа у самого кремневого человека. И не удивительно, что путь до Владикавказа Хаджумар прошел с таким чувством, будто вели его на казнь, а он хотел всячески оттянуть последнюю минуту. На успех задуманного дела он мало надеялся, и лишь слово, данное Савлоху, поддерживало в нем решимость, нарушить его было для Хаджумара хуже смерти.

Во Владикавказ Хаджумар проник под покровом темноты, на старую свою квартиру ехать не решился, переночевал на улице, благо, что ночи были еще теплые.

лье. Ему удалось перехватить Павла, когда тот шел на службу. Услышав просьбу Хаджумара, он с сомнением покачал головой.

— Не знаю, как и подступиться, Харитон, хотя и очень хочу тебе помочь.

— Павел, я не тороплю тебя, подумай, может, что и придет в голову, — попросил Хаджумар. — Вечером увидимся, глядишь, и я кое-что разузнаю.

Встретились они, когда город уже спал, редкие-редкие огоньки едва пробивались через туман теплой осенней ночи.

— Я нашел выход, — обрадовал Хаджумара Павел. — Утром ты пойдешь на кладбище и познакомишься там с одним могильщиком. Поговори с ним, предложи ему денег, он знает, где хоронят людей, умерших в тюрьме.

— Мудрый Савлох, отец Бидзига, недаром говорит, что добрый человек несет людям радость. Обрадовал ты меня, Павел.

Хаджумара охватило нетерпение, и он еле дождался рассвета.

Могильщика он отыскал быстро, осторожно, полуна-меками изложил свою просьбу.

— Я знаю, где их похоронили, — сказал тот. — Молодые совсем, от чахотки умерли — смерть не различает, кого ей брать. Приходи сегодня после полуночи.

Согласился он без долгих разговоров, наотрез отказавшись от денег.

Обратный путь на быках занял несколько дней, но Хаджумар не удивился, когда у входа в ущелье, близ горы Ахсинти-хоч, его встретили Савлох, охотник Албек и люди рода Базиевых. Старый Савлох медленно, словно к ногам у него были привязаны гири, подошел к телеге, накрытой черными бурками, провел бережно осторожной рукой по буркам, поднял лицо к небу и тихо прочел молитву.

— Спасибо тебе, Хаджумар, успокоил сердце старика, — сказал он одиноко стоявшему Хаджумару. — А теперь ступай, сынок. В ауле тебе показываться нельзя. И чтобы не испытывать вновь судьбу, продолжи свой путь, который ты начертал в своем сердце до моей просьбы. Пожелаем, люди, ему счастливого пути! — обратился он к собравшимся.

Кто-то из младших достал из хордзена два пирога¹ и бутыль с аракой, и каждый разделил трапезу за упокой душ умерших.

— Албег, пойдешь с Хаджумаром, — распорядился Савлох, когда все приготовились в дорогу, — проводишь его через Карагомский перевал в Грузию. Ты за его жизнь будешь перед всеми нами в ответе. Пусть Уастырджи оберегает вас в пути!

Хаджумар и Албег поклонились старшему, в последний раз приложили руки к покойникам, склонив головы, встали в стороне. И быки медленно потащили телегу в гору по узкой дороге к Задалесску...

Хаджумар долго смотрел вслед удалявшейся печальной процессии, и слезы накипали у него на глазах, но это были не облегчающие душу слезы, после них душа саднила от боли и тоска разрывала грудь.

Они ехали с Албегом молча, словно оберегая печаль друг друга. Дорога неутомимо карабкалась вверх, туда, где в подоблачной выси затерялся аул Дзинага. От аула шла тропа к перевалу, а за перевалом была Грузия. Но что делать ему там, одному, без друзей? В последние дни Хаджумар все чаще и чаще вспоминал их разговор с Ноем. Может быть, ему действительно поступить учиться? Но где взять на это деньги? Где взять документы, если охранка разыскивает его по стране? «Будет все благополучно, устроюсь — и напишу отцу, — решил Хаджумар, — если сможет меня поддержать, поступлю учиться. Ведь он всегда мечтал, чтобы сын стал образованным человеком...»

Албег тронул Хаджумара за плечо, тот вздрогнул и вопросительно посмотрел.

— Прости, Хаджумар, что перебил твои мысли, — сказал Албег. — Но так получилось... Я раньше хотел тебе признаться, — Албег нерешительно замялся. — Я слышал ваш разговор с Бесланом Отаровым тогда ночью, за аулом. Почему, скажи, ты оставил в живых этого клятвопреступника? — с гневом воскликнул он. — Ведь знаешь наш обычай — если сорняк не вырвать с корнем, от него не избавишься.

Слова Албега были тяжелы, как камни, но Хаджумар понимал, что не жестокость руководит Албегом, а

¹ Два пирога у осетин — поминальные, три — праздничные.

горское чувство справедливости. И не находил слов, которые бы убедили Албега, что не захотел он, Хаджумар, подчиниться слепому мщению, чтобы не замарать свои руки в крови.

— Я хочу, чтобы ты меня понял, Албег, — сказал Хаджумар после короткого молчания. — Революционер должен быть чист и в помыслах, и в деле. Ты знаешь все обо мне и об Отарове, и потому судишь по совести. Многие же мое убийство Отарова истолковали бы превратно, и в первую очередь алдары и их прислужники. Они стали бы клеветать на нас, революционеров, кричать на всех углах, что мы кровожадные убийцы. Возмездие еще придет к Отарову, где бы он ни спрятался. Лучше быть в могиле зарытым, чем жить, позором покрытым.

— Да услышит твои слова всевышний! — воскликнул Албег. — Наверное, ты, Хаджумар, правильно поступил. А я буду присматривать за этим Отаровым, чтобы он снова не принес людям горя.

И опять они надолго замолчали. Албег изредка посматривал на ушедшего в себя Хаджумара. «Светлая голова у парня. Одному богу известно, что ждет его в чужих краях», — с грустью думал он.

К вечеру путники добрались до аула Дзинага. На ночлег остановились в доме охотника Цаая Тагаева. Радушно встретили их хозяева, на славу угостили, потом спросили, когда держат путь. Идти через Карагомеский перевал в эту осеннюю пору было опасно, и Цаай вызвался быть у них проводником.

Еще не рассвело, когда цепочка путников направилась к вершине. На светлеющем небе четко вырисовывались контуры древних сторожевых башен, напоминавших сказочных великанов. Горная тропа к перевалу шла по берегу речушки, шумливый рокот ее вод нарушал предутреннюю тишину. Хаджумару казалось, что он идет, как это не раз бывало прежде, с охотниками своего аула на туров. Скоро должно показаться солнце, и все вокруг преобразится — заискрится, засияет, круто-рогие туры выйдут на неприступные скалы и застынут, как изваяния. Тропа между тем становилась все уже и круче, она петляла то среди расщелин, то в редком кустарнике, то ныряла в сосновый лес. Мрачные гранитные скалы, как кинжалы, вонзались в розовеющее небо,

и отливал синевой ледник Карагом, сползающий, как гигантский язык, с седловины в узкое, бездонное ущелье. Вспыхнувший на солнце лед слепил глаза. Трудная дорога вымотала даже привычного к высоте проводника. Появилась усталость, все чаще делали привалы, жадно хватая ртом разреженный воздух. Высота горы Карагом почти четыре версты, и добраться до седловины по плечу выносливым и сильным людям. Седловина впереди была уже хорошо видна, но, казалось, путники не приближались к ней, наоборот, с каждым шагом она удалялась, словно дразнила их. Далеко внизу остались люди и жилища. Пронизывающий ветер бил порывами, нес с собой мелкую изморозь.

Ветер стих сразу, и проводник Царай сказал с облегчением, что они уже спустились с перевала. Вдали виднелся маленький, затерянный в горах аул Геби.

— Дальше ступай один, — похлопал он по плечу Хаджумара. — Теперь не опасно. Спаси тебя всевышний и покровитель путников святой Уастырджи.

Друзья попрощались с Хаджумаром по-мужски сдержанно, пожелали счастливой дороги и долго смотрели ему вслед, пока он не скрылся за скалами южного склона хребта.

Глава шестая

Глубоки воды Куры

Грозовые тучи налетели на Тифлис внезапно. Они разрастались, бугрились, словно исподволь копили черноту, чтобы закрыть ею солнце. Рваные тени заскользили по земле. Тревожные порывы ветра, срывали с деревьев еще зеленую листву, ослепительно сверкнула молния, и тяжело, как многопудовый кузнецкий молот, ударила гром. Крупные капли дождя заколотили по земле, прибили пыль, в воздухе повис запах свежести. Перекатываясь и клубясь, тучи медленно уползали за горы, неся в себе непролитую влагу. Над Тифлисом встала крутая радуга, суля погожие дни.

Хаджумар шел по улице, безлюдной после дождя, на свистывая простенькую мелодию, он еще издали увидел покосившийся тополь с мощной кроной, медленно прошел мимо дома, на одном из подоконников стояла

ваза с яркими цветами — условный сигнал, что все в порядке.

Из-за угла неожиданно появился тяжело нагруженный ишак, старик погонял его и время от времени, останавливаясь, пронзительно кричал: «Мацони! Мацони!»

Хаджумар миновал нужный ему дом и, чуть пройдя вперед, круто повернул обратно. Нет, никаких признаков слежки не было, старик-мацонщик уехал, на улице ни души. Хаджумар решительно толкнул калитку, где-то прозвенел звонок и навстречу Хаджумару вышел плотный мужчина. Поравнявшись с ним, Хаджумар сказал пароль и, получив ответ, внимательно оглядел хозяина. Тот молча указал рукой на домик в глубине двора, заросшего виноградом. Хозяин нырнул в дверь, Хаджумару пришлось в нее притискиваться боком. В уютной затененной виноградом комнате сидела, на первый взгляд, небольшая компания: веселые мастеровые парни, две женщины и два солдата. Один наигрывал на гитаре. Хаджумар поздоровался, назвал свою подпольную кличку. Люди эти вели пропагандистскую работу в воинских частях Тифлисского гарнизона, и Хаджумару предстояло быть руководителем кружка и наладить выпуск листовок для солдат.

— Ну, что ж, друзья, начнем нашу беседу с выявления причин поражения нашей революции, — сказал Хаджумар, немного волнуясь. — Одна из причин, и главная, в том, что армия оставалась верна самодержавию, хотя и она какой-то своей частью была втянута в борьбу. Все вы помните о восстании на кораблях «Потемкин», «Очаков», в Кронштадте и Свеаборге, знаете вы и о других выступлениях матросов и солдат. Сейчас, когда революция задавлена, вести агитацию очень трудно. И офицеры делают все, чтобы в казармы не проникали революционные идеи, и сами солдаты держатся настороженно и недоверчиво. И все-таки мы должны нести им слово правды, какие бы преграды ни стояли перед нами. Я хочу дать вам несколько практических советов, — Хаджумар окинул взглядом собравшихся, слушали внимательно. — Во-первых, — сказал он уже совсем успокоясь, — надо хорошо знать людей, с которыми работаете, встречаться с ними так, чтобы не вызывать подозрения. Как это легче всего сделать? Ведь наша задача, кроме того, чтобы помочь солдату стать политически грамотным, научить

его просто грамоте — писать, читать, и в это же время потихоньку собирать группу, на которую можно опереться, вести в ней пропаганду...

— Офицеры предупреждают солдат, чтобы они сторонились нас, агитаторов, докладывали немедленно начальству, — перебил Хаджумара пожилой солдат по фамилии Бышов.

— В этом-то и вся сложность нашей работы на текущий момент, — подтвердил Хаджумар, — поэтому я в самом начале сказал, что первое, с чего нужно начинать, — это уметь найти верных людей, на которых можно положиться, которые не пойдут к офицеру с доносом. Сейчас многие солдаты не проявляют интереса к политическим беседам, да, это так. Значит, наша задача — этот интерес вызвать толковыми рассказами, на примерах из самой солдатской жизни. Умной беседы — вот чего ждет от нас солдат. Казарменная муштра вытравляет в нем человека, превращает в слепое орудие насилия над народом. Офицеры стараются всеми силами и способами оторвать солдат от народа, отгородить их от жизни глухой стеной. А мы должны сделать солдат сознательными борцами за свободу народа. Сейчас же они в массе своей глухи и слепы. Мы не должны забывать еще и такой факт — сегодняшние солдаты завтра опять будут сеять хлеб и работать у станка, и если мы поможем им разобраться в происходящем вокруг нас, они станут в своих селах и аулах, на своих заводах и фабриках проводниками марксистских идей. Мы должны найти путь к их уму и сердцу, пробудить в них сознание, человеческое достоинство. Не скрою, работа наша сложна и опасна, но никто за нас ее не сделает. Впереди нас ждут новые бои, и судьба революции будет зависеть от того, на чьей стороне окажется армия. Итак, товарищи, цель нашего кружка вам ясна?

Хаджумара слушали внимательно, слова его были близки и понятны всем агитаторам, и их обрадовало, что новый пропагандист настроен по-боевому.

Поднялся приятель Бышова, солдат Федор Русин и, размахивая руками, горячо заговорил:

— На меня, крестьянина, надели серую шинель и заставляют защищать помещиков и заводчиков, которые живут тем, что сосут кровь рабочих и крестьян. В пятом году я был еще в деревне, так вот крестьяне тогда на-

чали помещичью землю захватывать — глядь, приехали казаки, и все стало по-старому. Теперь для меня ясно, что ее можно завоевать, если армия будет заодно с народом. И мы должны, не жалея сил своих, раскрывать солдатам глаза на суть происходящего, звать их на борьбу. Ведь они же родные братья и крестьянам, и рабочим, только после присяги забыли об этом. Со своей стороны я скажу, что очень нужны нам прокламации.

— Если обнаружат у тебя листовку, — предупредил Хаджумар, — отправят на каторгу.

— Волков бояться — в лес не ходить, — отозвался серьезный Федор. — За те слова, которые я говорю своим однополчанам, меня тоже по головке не погладят.

Все засмеялись и как-то незаметно спало напряжение.

— Ну для начала, — сказал Хаджумар, — я вам дам необычную листовку, она написана стихами, но каждое слово в ней на месте и бьет точно в цель. Послушайте! — Хаджумар откашлялся и стал читать чуть нараспев, незаметный акцент не царапал слуха:

Стреляй, солдат, вернее целься,
Бей прямо в сердце, а не мимо:
Убей «врага», не промахнись,
Такое «зло» недопустимо.

Стреляй, солдат, в кого велят,
Забудь отца, родного брата,
Забудь жену, забудь и мать
Лишь помни «Памятку солдата».

Попы тебя благословят,
Убьешь отца — греха не будет,
Они не врут, коль говорят:
«Бог вашей службы не забудет».

В далекий край служить пошлют.
На родине вас не оставят.
Ружье, мундир вам там дадут
И быть машиною заставят.

Рабочих бить вас поведут,
Голодных убивать принудят,
По рюмке водочки дадут
И ею вашу совесть купят.

Стреляй, солдат, в рабочий люд,
Стреляй, покуда ты в мундире,
Но, убивая, не забудь:
В рабочей завтра будешь шкурой.

Крестьяне мрут по деревням,
Земли, работы, хлеба просят,
А им, как дерзким бунтарям,
Штыки да пули лишь подносят.

Стреляй, солдат, коли штыком,
Кусай зубами, бей прикладом,
Но помни в этот миг о том,
Что бьешься ты с голодным братом.

Стреляй, солдат, коли смелей,
Вдали, быть может, в это время
Твою жену, твоих детей
Солдаты бьют без сожаленья.

Хаджумар опустился на стул, первое его выступление в кружке, кажется, прошло удачно, ему не хотелось ударить в грязь лицом, и он даже взмок от старания.

— Вот это стишок! Меня аж в дрожь бросило, — признался Федор. — Не доводилось мне прежде слышать таких стихов. С первого раза почти все наизусть запомнил, так меня за сердце задело.

— Вот-вот, верно, Федор, и со мной то же, — поддержал Бышов. — Каждое слово — правда. Прочту в казарме, пусть наши солдатики почешут затылки да задумаются, какому неправому делу заставляют нас служить...

Вошел хозяин, лицо его было хмурым.

— Какой-то человек раза два прошел мимо ворот, может, и ничего, но, наверное, лучше вам разойтись. Человек незнакомый.

Хаджумар быстрым взглядом окинул собравшихся, ему понравилось, что люди оставались спокойны.

— Я пока без надежных документов, — пояснил Хаджумар, — поэтому не буду искушать судьбу. О встрече я скоро дам весточку.

— Не беспокойтесь за нас, — раздались голоса, — в случае чего, мы успеем поодиночке разойтись. А вообще мы празднуем день рождения хозяина. Доброго пути вам!

Длинноволосый парень, похожий на армянина, снова заиграл на гитаре.

Хозяин повел Хаджумара в дальний угол двора, там была калитка, через нее он вышел на соседнюю улочку. «А может, тревога, поднятая хозяином, была преждевременной», — подумал Хаджумар, внимательно ог-

лядывая из конца в конец малолюдную улочку. Солнце клонилось к закату, длинные уродливые тени от деревьев, домов, заборов перечеркивали улицу, воздух стал свежим, приятно холодил разгоряченное лицо. Незаметно для себя Хаджумар вышел на берег Куры, не торопясь направился к мосту. В часы раздумий его всегда тянуло к реке. За недолгую свою жизнь ему пришлось видеть разные реки — Кубань, Дон, Волгу. Он сам не знал, почему бегущая струя реки так радует его сердце. Голубой бесскрайний Каспий не вызвал в его душе того восхищения, которое охватило его, когда в Казани он вышел на крутой волжский берег. Величавость и сила Волги покорили его. И еще ему тогда подумалось, что многое в характере людей — от рек, которые бегут по их родине, а у русского народа — от его главной реки, могучей и вольной Волги.

Катились волны Куры, по мосту двигались тяжелые подводы и легкие фаэтоны, цокали подковы породистых рысаков и тяжеловозов. Хаджумар шел не спеша, вспоминая детали недавнего разговора. Внезапно его обожгла мысль: «А не показался ли его уход бегством, трусостью». У Хаджумара даже настроение испортилось, и хотя он уверял себя, что товарищи не могли так подумать, он объяснил им свое шаткое положение, собственные доводы уже не казались ему такими убедительными. «Нехорошо, что я так поспешно ушел, по совести говоря, просто-напросто не проявил должной выдержанки», — корил себя Хаджумар.

Мост через Курю остался позади, все глупше рокот бурливой реки. Хаджумар поравнялся с аптекой и неожиданно в зеркальной витрине увидел на противоположной стороне улицы человека, повстречавшегося ему у моста. Хаджумар вошел в аптеку и попросил порошки от кашля, пока аптекарь завертывал лекарство, Хаджумар через окно успел разглядеть, что человек тот был одет в коричневую косоворотку и черные брюки, лицо ничем не примечательное, не броское. Вот он отошел чуть в сторону и встал за дерево, не спуская глаз с аптеки. «Похоже, этот тип кого-то выслеживает, может, и не меня, но что выслеживает — это точно», — подумал Хаджумар и решительно вышел из аптеки. Пройдя несколько шагов, Хаджумар резко остановился и обернулся назад. За ним никто не шел. Хаджумар прибавил шаг,

вшел в какой-то двор, на счастье, он оказался проходным, и, петляя, стал заметать следы. В нем крепла уверенность, что не случайны эти два совпадения. Возможно, явочная квартира под наблюдением полиции, и вот сейчас ее агенты выдали себя. Или это ложная тревога, сдают нервы? «Как бы то ни было, будь начеку, — обращаясь к себе, как к постороннему, сказал Хаджумар. — Никто не страдал от того, что был предусмотрительным». Поэтому он решил переночевать в другом месте, но завтра же утром надо известить хозяина явочной квартиры, что она провалена, что надо оповестить всех подпольщиков. Хаджумар зашел на почту и послал условную открытку: «Мастерская не может выполнить заказ, так как по случаю ремонта закрывается на неопределенное время».

Последующие две недели он не замечал, чтобы за ним увязывался «хвост», и это совсем успокоило Хаджумара, несколько раз он поодиночке встречался с агитаторами, и те настойчиво требовали листовок и брошюры. Но как ни старался Хаджумар, ему не удавалось наладить выпуск листовок, и тогда он решил сам написать прокламацию и размножить ее от руки. Подпольное бюро направило ему помощницу. Хаджумар не поверил своим глазам, когда порог явочной квартиры переступила Юлия Закусилло, изумленный, он не сразу обрел дар речи.

— По-моему мы сейчас глядим друг на друга, как смотрят на привидения или на пришельцев с того света, если они оттуда возвращаются, — со смехом сказала Юлия. — У тебя, Хаджумар, такой потешный вид — глаза круглые-круглые, — уже в полный голос расхоталась она...

— Наверное, — сконфуженно признался Хаджумар, и радостная улыбка озарила его лицо. — Как ты оказалась здесь, в Тифлисе? — не удержался от вопроса Хаджумар.

— В последний раз мы с тобой виделись на похоронах Коста, — вздохнув, сказала Юлия. — Даже поговорить не смогли. Три года с тех пор прошло, столько всего перебывало. В тот же день меня предупредили о возможном аресте, и в ночь я уехала из Владикавказа.

Сначала жила у родственников в кубанской станице, потом отец настоял, чтобы уехала в Литву, на его родину...

— Мне не раз приходилось спорить с твоим отцом; он всегда был против твоего участия в революционной работе, — вспомнил Хаджумар.

— Да, отец придерживался передовых взглядов, но не хотел, чтобы его собственная дочь боролась за эти взгляды. Как я потом убедилась, подобные истории, к сожалению, довольно часты. Когда я приехала, в Прибалтике полицейский террор свирепствовал вовсю, шли повальные обыски и аресты. Некоторое время я прожила в полнейшем безделье, скоро мне это страшно надоело, и я сбежала от опеки чересчур заботливых родственников. Во Владикавказе мне нельзя было показываться, поэтому я обосновалась в Минводах, а подпольную кружковую работу вела на грозненских нефтепромыслах. Революционный спад здорово осложнил нашу работу, и дело не только в полицейской слежке, а и в том, что многие отшатнулись от революции, замкнулись в собственном душном мире мелочных забот. Но несмотря на все, — Юлия лукаво улыбнулась, — грозненские промысловики с нашей помощью проводили и забастовки, и маевки, и сходки. Конечно, размах был не тот, что в пятом... Через год полиция взяла меня на заметку, и мне пришлось спешно уехать, явку мне дали в Тифлис. Здесь я уже полгода, пропагандирую среди солдат и мастеровых. Ты уже познакомился с некоторыми из них, с Бышовым, Русиным — очень толковые товарищи. В казармах пользуются авторитетом. Есть несколько человек из главных железнодорожных мастерских. Мой главный помощник там — грузин Сандро, он участник Гурьинского восстания в пятом году, полгода отсидел в тюрьме, настроен парень решительно. В мастерских ему часто приходится давать бой меньшевикам, которые вовсю стараются перетянуть рабочих на свою сторону, а точнее, разлагают их, стремясь привить неверие в победу революции. И такие, как Сандро, правда, их не так уж много, настоящий камень преткновения для меньшевиков... А тебе откуда дали явку в Тифлис? — спросила Юлия.

— Явку я получил в Баку, — ответил Хаджумар.

— А как ты жил эти три года? — почему-то смущив-

вшись, сказала Юлия. Она и самой себе не призналась бы, что часто вспоминала Хаджумара за эти долгие три года. И где-то в глубине души теплилась надежда, что не навсегда расстались, что пересекутся их пути, и вот это предчувствие сбылось.

— За эти три года я прошел суровую школу, — сказал задумчиво Хаджумар, но тут же оживился. — Были у меня две встречи, за которые я благодарю судьбу. Летом шестого года довелось мне короткое время работать во владикавказском подполье с Ноем, а потом поездка в Баку, там я узнал двух прекрасных людей — товарища Степана и Тимофея...

— Я много слышала о них здесь, — быстро отозвалась Юлия. — Оба они работали в тифлисском подполье...

Лишь несколько лет спустя узнают Хаджумар и Юлия, что под этими псевдонимами скрывались Шаумян и Спандарян...

— Так вот, беседы с ними очень много мне дали, — продолжил Хаджумар свой рассказ. — Тогда я по-настоящему понял, что революционер не только оратор на митингах, он должен уметь делать массу самых разнообразных вещей: быть наборщиком, связным, организовывать конспиративные явки и квартиры, писать прокламации, изготавливать «липовые» паспорта, перевозить в другие города корзины с листовками...

— Мне все это очень хорошо знакомо, — улыбнулась Юлия. — Приходилось быть и «прачкой»¹, и «верблюдом»². Но всегда даже эта тяжелая и опасная работа давала мне удовлетворение, я знала, что была полезна товарищам по борьбе. И, наверное, самое главное для революционера, подпольщика — это не гнушаться никакой черной работы, какой бы неприятной она ни казалась.

— Я согласен с тобой, — кивнул Хаджумар, — хотя, признаюсь, натура моя устроена иначе, мне больше по душе другое, но я подчиняюсь дисциплине.

— Я знаю, тебе всегда хотелось боевой схватки с полицией, — засмеялась Юлия.

— Стычки с полицией мало что меняют в окружаю-

¹ «Прачка» — человек, занимающийся смыванием старого текста на документах (жаргон подпольщиков).

² «Верблюд» — человек, занимающийся транспортировкой нелегальной литературы (жаргон подпольщиков).

щей жизни, — улыбнулся и Хаджумар. — Я много думал, почему в декабре пятого года нам, революционерам, не удалось свергнуть царизм. Наиболее уязвимое место нашей работы — слабая организованность масс, а отсюда разновременность выступлений. В одном месте только собираются начинать, а в другом уже идет на спад. Стихийность нужно уметь направлять в нужное русло, иначе она захлестнет все и вся. Острая земельная нужда заставила горцев захватывать помещичьи и казенные земли и леса, отказываться от уплаты непосильных налогов. Но, кроме выборов новых старшин, у нас не было никакой конкретной программы. А только массовость и хорошая политическая организованность народного восстания способны решить все проблемы, стоящие перед революцией.

— Я тоже так считаю, значит, мы — единомышленники, — тряхнула своей белокурой головой Юлия, и ее большие голубые глаза засветились еще ярче.

Она была очень красива, и Хаджумар, как ни старался, не мог отвести от нее восхищенного взгляда. Видимо, Юлия почувствовала это, лицо ее покрылось румянцем, и она стала еще красивее. «Пропал», — подумал про себя Хаджумар, но поделать с собой ничего не мог и все так же смотрел на Юлию.

— А родные твои как? — спросила Юлия.

— Мать с сестрами по-прежнему живут в ауле Камат, отец сидит в Назрановской крепости. Власти припомнили ему участие в «беспорядках», а главное, в отместку за то, что им не удалось меня арестовать. Был арестован и мой учитель Михаил Гарданов. Ему самому грозил арест, а он бросился спасать нас, молодых ребят, узнав, что мы внесены в список, составленный жандармами. До конца дней своих я не забуду его мужественного поступка. Потом мне сказали, что Гарданов выслан из Терской области, и где он сейчас, я пока не знаю. Двое моих близких друзей умерли во Владикавказской тюрьме, я с помощью Ноя пытался устроить им побег, но не получилось.

— Мы так увлеклись воспоминаниями, что совсем забыли правила конспирации, не обменялись паролями, не назвали имена, под какими работаем, — спохватилась Юлия и сказала пароль. Хаджумар ответил ей, потом представился: «Дмитрий Сохиев». Юлия тоже поклони-

лась и сказала: «Люся Шифанская, буду помогать вам писать прокламации».

— Тогда примемся за работу, — предложил Хаджумар, — по правде говоря, это моя первая листовка, и я не уверен, получится ли она такой, какой нужно. — С этими словами Хаджумар положил на обеденный стол, накрытый льняной скатертью, стопку бумаги, поставил чернильницу с ученической ручкой и жестом пригласил Юлию за стол.

— На востоке говорят: «Кто первом владеет, тот владыка мира». Вот и докажем, что древнее изречение не утеряло своей истинности и сейчас, — засмеялся Хаджумар. — Я буду говорить вслух, а ты только успевай записывать. Я шучу, шучу, — сказал Хаджумар, заметив, что Юлия заволновалась. — Наоборот, я тугодум, а говорю еще медленнее. Ты не стесняйся поправлять меня, если увидишь, что я ошибаюсь или неточно выражаю свою мысль. Итак, начнем:

«Солдаты! Вы дети народа и хорошо знаете, в какой нужде живет он, ограбленный помещиками и фабрикантами. Самодержавие заставляет вас своими штыками охранять его от справедливого гнева народа. Вас заставляют присягать, что вы будете стрелять в брата и отца своего, если этого потребует начальство.

Посмотрите, что окружает вас — ругань, побои, наказания. Офицеры калечат вашу душу, стремятся превратить вас в послушных слуг. Вас стерегут в казармах, чтобы слово правды не дошло до вас, но вы должны знать, что по всей России народ борется за свои права, за землю и человеческую жизнь...»

Хаджумар медленно ходил по комнате и диктовал фразу за фразой. И неожиданно поймал себя на том, что давно молчит, все это время любуется строгим и красивым лицом Юлии, ее пышными локонами, нежным румянцем на щеках. И еще он подумал, что благодаря ей работа так быстро спорится.

Почувствовав взгляд Хаджумара, Юлия опять смущалась и сердито сдвинула тонкие брови, недовольно вскинула голову. И Хаджумар торопливо произнес следующую фразу:

— «Солдаты! Вы должны быть вместе с народом в его борьбе за свое освобождение. И пусть ни одна пуля не попадет ни в бастующего рабочего, ни в безземельно-

го крестьянина. Победа народа — это и ваше освобождение из царских казарм, ставших для вас тюрьмой. Мы не верим, что казарменная муштра убила в вас совесть и честь.

Солдаты! Протяните руку братства рабочим и крестьянам. У царского правительства нет опоры в народе, и если вы, солдаты, будете с народом, — царский трон рухнет!

Солдаты! Присоединяйтесь к борьбе ваших братьев рабочих и крестьян! Долой кровавое царское правительство!»

Юлия писала быстро, четкими округлыми буквами, ее радовало, что листовка получилась понятной, боевой и призывной. Еще раз внимательно перечитав, она протянула листок Хаджумару.

— Может, ты добавишь что-нибудь? — обратился он к Юлии. — Признаюсь, я первый раз писал листовку. Одно дело — беседа в кружке, и другое — обращение к людям...

— На мой взгляд, добавлять нечего, надо поскорее ее размножить, — ответила Юлия. — Я сейчас с подругами займусь этим, к вечеру у нас будет полсотни листовок, и мы переправим их в казармы. По-моему, первый блин не вышел комом, продолжай и дальше так, от души желаю успехов на этом поприще, у тебя хорошо получается...

С человеком, которого он заметил у аптеки, Хаджумар встретился недели две спустя, столкнулся буквально нос к носу на одной из многолюдных центральных улиц. И хотя одет тот был не в косоворотку и сапоги, а больше походил на студента из состоятельной семьи, Хаджумар сразу узнал его, но тут же взял себя в руки и с безразличным видом продолжил свой путь, наблюдая, однако, за «студентом». Тот неотступно следовал за ним.

Хаджумар лихорадочно соображал, как ему поступить в сложившейся ситуации. Можно скрыться через какой-нибудь проходной двор или вскочить на проходившую конку, но надолго ли он отвяжется от преследователя. И вдруг мелькнула мысль, а не опередить ли шпиона, пока тот не передал его другому, они это часто практикуют, чтобы слежку вести незаметно. Хаджумар прибавил шаг: у него созрел план, правда рискованный.

Впереди показался мост через Куру. Хаджумар шел, не оглядываясь, он был уверен, что тот не отстанет от него. На середине моста Хаджумар остановился, облокотился на перила, внизу бурлила и пенилась река, багровый отсвет закатного солнца окрашивал воду. Как и ожидал Хаджумар, шпик встал недалеко от него, с показной беспечностью оглянулся и, немного помолчав, сказал:

— Тифлисцы привыкли к такой чарующей красоте и уже не обращают внимания на нее. Только нездешние жители, как мы с вами, можем так непосредственно воссторгаться удивительной природой Грузии. Я правильно угадал, что вы приезжий? — и посмотрел на Хаджумара немигающим, профессиональным взглядом.

— Может, вы умеете и мысли отгадывать? — засмеялся Хаджумар. — А заодно предсказывать судьбу. Мне прежде не доводилось встречаться с таким человеком.

— Александр Чернов, вольнослушатель Казанского университета. Позвольте представиться, — щелкнув каблуками, поклонился тот. — Приехал к друзьям погостить. Никогда не бывал на Кавказе. Здешние места прямо-таки очаровали меня, даже подумал, не переселиться ли. Практику я здесь получу, значит, заработка будет обеспечен.

Хаджумара забавляло старание полицейского играть роль рубахи-парня, простоватого и недалекого. И он решил ответить тем же, прикинувшись глуповатым кинто.

— А меня зовут Гига, гошу у родственников. Целый день брожу по Тифлису, любуюсь улицами, людьми, пью вино в дукахах.

— Вы хорошо, почти без акцента, говорите по-русски, — похвалил Хаджумара новый знакомый. — Здесь это не так часто встречается. Из каких вы краев? — полюбопытствовал он, проявляя, как отметил Хаджумар, явную поспешность.

— А здесь рядом, — беспечно махнул рукой Хаджумар, — стоит только перейти Кавказский хребет — и я дома.

Начинало темнеть, на мосту было пустынно, редкие прохожие при виде их ускоряли шаг. И шпик, непроизвольно тронув правый карман брюк, предложил:

— А не поужинать ли нам вместе, вы, наверное, знаете здесь все духраны. Выпьем вина, поболтаем. Я сочту за честь, если вы согласитесь. — Было явно, что ему хо-

телось поскорее уйти с моста. — Прошу извинить за мою настойчивость, — любезно, с улыбкой проговорил он.

Теперь Хаджумар окончательно убедился, что шпик не только опознал, но и сумел выследить его, а может, и людей, с которыми встречался Хаджумар. Последние дни он тщательно проверял, нет ли слежки, и готов был поручиться, что нет. А если ему это только кажется и шпик знает каждый его шаг? Тогда судьба его товарищей в руках этого мерзавца, и с ним надо поступить, как с заклятым врагом, решительно и безжалостно, и чем скорее, тем лучше.

Хаджумар склонился над перилами, вглядываясь в черные в темноте воды Куры. Сосед сделал то же, и Хаджумар коротко и резко ударил его по голове. Стукнувшись подбородком о перила, тот замычал от боли и сунул руку в карман. Но Хаджумар не дал ему вытащить оружие, вцепился в горло, и шпик обмяк, судорожно скжав кулаки. Рывком перекинул его Хаджумар через перила, и секунду спустя раздался глухой всплеск.

Хаджумар огляделся — поблизости ни души, значит, шпик работал в одиночку. И только он, сам, мог сказать, где служил: в Тифлисской охранке или приехал из Казани. «Надо предупредить всех, с кем виделся в последнее время, может быть, еще не поздно». Хаджумар шел быстро и обрадовался, когда на набережную выехал фаэтон на дутых шинах, он окликнул извозчика. Звонко цокали подковы рысака, и под эти звуки Хаджумар сосредоточенно размышлял о случившемся.

Товарищи его не подозревают о том, что выслежены. И виноват в этом он, Хаджумар: не принял всерьез первое столкновение с сыщиком, прав Ной, который не раз говорил, — в жизни подпольщика нет мелочей. И вот он чуть сам не поплатился за забвение этого правила, поставил под удар своих товарищих. И дорого может обойтись эта его ошибка. С большим трудом Хаджумар разыскал Юлию, а она помогла связаться с остальными. Хлопотное это дело — сменить явочные квартиры, спрятать нелегальщину, получить новые связи. Но другого выхода не было, и Хаджумар взял на себя основную тяжесть заботы об устройстве товарищих. Он уже хорошо изучил Тифлис, и это помогло ему успешно справляться с делом, которое он добровольно взялся на свои плечи.

В эти дни у него произошла еще одна, очень насторожившая его встреча. На одной из новых явочных квартир после того, как большинство подпольщиков разошлось, к нему подошел молодой железнодорожник, пристально посмотрел в лицо и сказал:

— Ты очень изменился, Хаджумар, прошло девять лет, как мы расстались, и сейчас я не сразу узнал тебя.

— Ты ошибаешься, товарищ, — холодно отрезал Хаджумар, хотя в душе у него все кипело от гнева на этого железнодорожника, который нарушает элементарные правила конспирации: никогда не называть истинного имени и фамилии подпольщика. Хорошо, что рядом никого не оказалось. Сдерживая гнев, Хаджумар напомнил ему об основах конспирации, не слушая сgo извинений и оправданий. Красный, как рак, сконфуженный, железнодорожник, улучив минуту, постарался исчезнуть.

Железнодорожник, а им был Георгий Бицаев, голову готов был положить на плаху, что не ошибся, и ему было очень обидно за эту сцену. Да, он забыл о конспирации, но зачем же его, как мальчишку, драть за уши, ведь он назвал его имя с глазу на глаз. Ниточка узких усов на верхней губе сильно изменила внешность Хаджумара, но прежним остался пристальный взгляд хмурых глаз, смелое выражение лица, рыжеватые волосы не закрывали высокий спокойный лоб. Коренастый подросток стал плотным, широкоплечим мужчиной, полным энергии и сил. Бесследно исчезла робость мальчишки из дальнего аула, впервые попавшего в большое село, каким было Христиановское, где они учились в одном классе церковноприходской школы и были неразлучными друзьями. И вот во имя конспирации Хаджумар отказывается от их детской дружбы. Но, может быть, так и нужно?

Хаджумар тоже вспомнил Георга, хотя долго не мог себя заставить сказать ему об этом. Как-то вечером они вместе вышли с явочной квартиры, где вели беседу с солдатами, и по дороге Хаджумар решился признаться и тоже назвал Георга его настоящим именем.

— Большая у тебя выдержка, Хаджумар, — восхищенно произнес Георг. — А я, видишь, не смог поступить как ты, от радости, что встретились, сразу все и выпалил.

— Для нас выдержка, как безотказное оружие.

И если ты не в силах владеть собой, своим лицом, то тебе трудно придется прежде всего на допросе, когда арестуют. А к этому нужно быть всегда готовым...

— Мрачное у тебя настроение, друг, — засмеялся Геор, — не успели о девушках поговорить, а ты сразу о тюрьме. Слава богу, жандармы за нами не гоняются, работаем мы с головой, осмотрительно. Лучше расскажи о своей жизни, если тебе можно об этом говорить.

— В другой раз, Геор, — отказался Хаджумар, — сейчас не время и не место для этого. Ты давно не был в родных краях?

Геор обрадовался вопросу Хаджумара. Рассказал о слышанных им новостях из осетинских аулов. И неожиданно предложил:

— Я знаю, Хаджумар, ты соскучился по нашей осетинской гармошке и не прочь станцевать. Ведь прав? А?

— Шутник ты, Геор, — засмеялся Хаджумар. — Я готов! Но где ты найдешь такое безопасное место?

— Я знаю такое место, — воскликнул Геор. — И мы сейчас пойдем туда. Это рабочая семья, очень гостеприимная и надежная. Нам испекут олибахи¹, зажарят шашлыки и на гармошке поиграют. Тебе ведь тоже нужно отдохнуть, а там ты будешь среди своих.

После короткого раздумья Хаджумар согласился.

Вечер этот, как потом понял Хаджумар, был подарен ему судьбой. Веселые и радушные люди окружали его, песни и танцы закончились лишь поздней ночью. И Хаджумар вспомнил в тот вечер, что он всегда был не последним танцором в ауле и что ему всего лишь двадцать пять лет... Расходились парами, и Хаджумар вызвался проводить Зину, подругу хозяйствской дочки. Какое-то время они шли в неловком молчании, и, чтобы нарушить его, Хаджумар негромко запел:

Эх, слова любви,
Радость скорая!..
Как же счастлив был
В эту пору я!

Девушка с любопытством посмотрела на Хаджумара и сказала:

— Песню о любви легче спеть, чем произнести слова признания.

¹ Олибах — пирог с сыром.

— Нет, почему же,— улыбнулся Хаджумар.— Только время не совсем располагает к этому чувству.

— Вы имеете в виду слишком поздний вечер? — лукаво спросила Зина.

— Я имею в виду жизнь, что окружает нас, ее несправедливость и жестокость, зачастую они губят чистую и искреннюю любовь. Посмотрите, сколько вокруг голодных, несчастных.

— И тем не менее, это не мешает многим людям любить друг друга, строить семьи, воспитывать детей, — Зина говорила горячо, пристально глядя в лицо Хаджумару, словно убеждала себя, а не его. — А изменить жизнь человеку не под силу: слишком разъединены люди, каждый занят собой, и ему нет дела до других...

— Здесь вы ошибаетесь, — прервал девушки Хаджумар. — Есть люди, которых объединяет общность цели, чувство дружбы и взаимовыручки. Мне приходилось встречаться с такими людьми. Они по-братьски, и вместе с тем строго и требовательно, относятся друг к другу.

— Вы что, меня агитируете? — неожиданно резко спросила Зина. — У меня у самой есть голова на плечах! Только вы не обижайтесь на мои слова, — спохватилась она и тронула Хаджумара за плечо.

Хаджумар тоже чуть не вспылил, но взял себя в руки. Разговор, ставший было острым и доверительным, неожиданно потух. Простились они сдержанно и быстро разошлись. И не знал Хаджумар, что разговор этот будет поворотным для Зины, а убедится он в этом в очень недалеком времени.

На душе остался горький осадок недовольства собой. Нет, не приучен он к разговорам с девушками. Зина правильно подметила, что он — агитатор, работает с массами, а вот хорошую девушку не сумел переубедить, ведь осталась она при своем заблуждении. Он сравнивал ее с Юлией, и ему невольно вспомнился недавний разговор с Геором. Тот недоумевал — чего девушки ищут в революции? Во имя чего подвергают себя опасности? Особенно непонятно было ему участие в революции девушек из состоятельных семей.

— Нашли бы хороших мужей и жили себе тихо-мирно, воспитывая детей. Женщина есть женщина, и ее место у очага и колыбели, — Геор говорил это с полной уверенностью в своей правоте.

— Но ты же сам видишь, что девушки ведут подпольную работу ничуть не хуже нас с тобой, возьми хотя бы Шифанскую, — привел, как ему казалось, неопровержимый довод, Хаджумар.

— Я не хотел говорить тебе, Хаджумар, — признался с улыбкой Геор. — Мы как-то разговорились с Шифанской, и я сказал, что мы с тобой земляки. Ведь ты ее знаешь еще по Владикавказу. Так вот теперь каждый раз она обязательно расспрашивает о тебе. Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что она влюблена в тебя, волнуется, беспокоится за твою судьбу. И когда тебя долго не видит, места себе не находит. Я сам свидетель этому был не раз. Извини, что вмешиваюсь в твою жизнь... Не обижайся на меня, Хаджумар.

Хаджумар тогда рассмеялся, но сейчас этот разговор уже не казался ему смешным. Юлия действительно выделяет его среди других, хотя и стремится это всячески скрыть. И Хаджумар, в свою очередь, стал относиться к ней чуточку иначе, чем прежде, внимательней и теплее. По правде говоря, Юлия ему нравилась давно, но он ни за что на свете не мог признаться в этом, более того, он отгонял мысли о ней, полагая, что всякая лирика в отношениях подпольщиков невольно мешает делу, осложняет их и без того трудную жизнь. Итак, жениться он не имел права, а позволить себе с Юлией какие-либо иные отношения, кроме товарищеских, — не мог. Судьба Рахметова, героя романа «Что делать?», убеждала его в правильности такой жизни. Ведь жизнь революционера-подпольщика требует от него полной самоотдачи. Есть слово, которое необычайно точно и глубоко определяет жизнь, деятельность подпольщика, — самозабвение. Да, революционер во имя победы добра, торжества светлых идеалов забывает о себе, забывает намеренно. В самозабвенном служении народу видит и он, Хаджумар, свое личное счастье.

Глава седьмая

*Как ты дорога,
свобода!*

Поздним апрельским вечером Хаджумар спешил на конспиративную квартиру. Шифанская вызывала его в

неурочный час, и Хаджумар гадал, чем это могло быть вызвано. В записке было три слова: «Приходи, срочно нужен». Юлия не такой человек, чтобы попусту бить тревогу. Наверное, случилось что-то непредвиденное, иначе она не обратилась бы за помощью к Хаджумару, значит, нужен его совет или решение.

Неповторимо хорош Тифлис весной, балконы увиты зеленью, от благоухания цветов кружится голова, пьянящий аромат наполняет жаждой жизни, свободы, движения. Впервые Хаджумар почувствовал, какое это чудо — весна, превратившая каменный Тифлис в райский сад. Он влюбился в этот древний город, в его веселых, неунывающих жителей, и любовь эта скрашивала тяготы нелегкой жизни подпольщика, полной опасностей и напряженной тревоги. Вот и сейчас в душе Хаджумара появилось какое-то ускользающее, неприятное чувство, нет, это не был страх, скорее, это была защитная реакция, своеобразный голос предостережения. Повинуясь ему, Хаджумар несколько раз менял маршрут, петляя проходными дворами, чтобы окончательно сбить, если она была, слежку. Опыт ему подсказывал, что сегодня «хвоста» за ним нет, по тревожное чувство не проходило, и Хаджумар никак не мог освободиться от него.

Подойдя к явочной квартире, Хаджумар некоторое время пристально наблюдал за домом, притаившемся в глубине двора. Ничего подозрительного он не заметил, где-то недалеко шумели пьяные голоса, слышались песни парней и смех девушек. На условный стук дверь открыла Юлия, лицо ее было спокойным. При виде Хаджумара глаза ее засияли, зарумянились щеки, она вся словно засветилась. Не дожидаясь расспросов Хаджумара, она сама стала рассказывать:

— Я пошла сегодня за водой, мимо меня на извозчике проехал какой-то человек. Бросилось в глаза, что он внимательно разглядывал дома на нашей улице. Постояла у ворот, будто отдыхая, а он в конце улицы отпустил извозчика, и сам пешком направился обратно, вошел к нам во двор и спросил хозяйку, не сдает ли она комнаты с террасой, та ответила отказом... Главное не в этом, — перевела дух Юлия, — через час он появился вновь и постучал ко мне, я не отозвалась. Незнакомец переговорил с хозяйкой, потом снова постучал — навер-

ное, хозяйка сказала, что я дома, и когда переступил порог, то назвал наш пароль. Я вынуждена была ответить ему. С полчаса мы говорили о каких-то пустяках. Я попросила его прийти завтра. Наверное, я неправильно поступила? — в голосе Юлии звучало запоздалое раскаяние, видно было, что она жестоко переживает случившееся, но всеми силами старается этого не показывать.

— Ты предполагаешь, что это шпик? — спросил Хаджумар. — Да... на этот вопрос нам никто не даст ответа. — После некоторого молчания он продолжил: — Надеюсь, после визита этого незнакомца здесь не осталось нелегальщины?

— Здесь я ничего не храню, ты обижаешь меня, — сказала с укором Юлия.

— Сейчас не об обидах речь, надо решить, как мы поступим завтра. В какое время он должен прийти?

— Утром, в одиннадцать.

— Значит, до одиннадцати я должен осмотреть всю улицу и подходы к ней, может, его напарники здесь окажутся. Много темного в этой истории, а я не могу, не имею права сейчас искать встречи с кем-нибудь из комитета, чтобы и их не поставить под удар, если это шпик. Опиши мне его внешность.

— Среднего роста, худощавый, лет двадцати пяти — двадцати семи. Глаза черные цепкие, волосы и усы тоже черные, лицо белое, красивое. Голос мягкий, разговор неторопливый. Одет в белый полотняный костюм, рубашка вышитая. И еще я заметила, что движения у него какие-то кошачьи, медленные и вкрадчивые, — Юлия замолчала, закрыла глаза, словно припоминая, но больше ничего не добавила.

В целях предосторожности решили, что ночевать здесь Юлия не будет. Полночи прогуляли по притихшему Тифлису, а потом затаились в садике неподалеку от явочной квартиры. Шепот в темном саду среди цветущих деревьев звучал почему-то таинственно и многозначительно, хотя говорили больше о партийных делах. И Хаджумар чувствовал, что ночь эта неожиданно сблизила его с Юлией. Он рассказал ей о своем побеге из-под стражи, о том, как несколько месяцев учился в Казанском университете, о своих поездках по поручению подпольщиков в Баку. Наверное, наступил момент,

когда Хаджумару было просто необходимо излить накопившееся на душе человеку, которому он верил, как самому себе. Юлия слушала молча, крепко прижавшись к его плечу, и Хаджумару казалось, что глаза её излучали какой-то особый свет, проникавший в его душу. Никогда не думал Хаджумар, что он будет так многословен и красноречив, что не другу-мужчине, а девушке станет рассказывать о самом сокровенном в своей жизни.

Незаметно подкрался рассвет, зарумянились редкие облака, гасли россыпи звезд, из-за горы медленно выкатилось косматое багровое солнце. Хаджумар смотрел на Юлию и любовался ею, нежной и доверчивой, гибкой как лоза, ставшей в эту ночь такой дорогой его сердцу.

Без четверти одиннадцать незнакомец проехал на фаэтоне и сошел на перекрестке двух улиц. Хаджумар сразу узнал его, по описанию Юлии, хотя тот и сменил одежду. Хаджумар следовал за ним издали, не выпуская из поля зрения. Наконец незнакомец вошел во двор явочной квартиры, и Хаджумар около получаса выжидал, не появятся ли на улице подозрительные люди, но ничего не вызывало подозрения, и Хаджумар направился на явку.

При его появлении незнакомец встал и негромко назвал себя:

— Сергей, фамилия моя сейчас Викуловский.

— Дмитрий, — представился Хаджумар, бесцеремонно разглядывая нового знакомого. Он отметил, что держится тот спокойно.

— Ну, рассказывайте, из каких краев пожаловали, кто дал явку, не привели ли за собой «хвоста».

Сергей усмехнулся и сказал:

— Я ожидал этих вопросов и постараюсь ответить на них так, чтобы у вас не возникло недоумения. Весь девяносто пятый и последующие два года я работал среди солдат в Крыму, главным образом в Симферополе. Приходилось бывать и в Севастополе, и в городах юга Украины. Аресты обескровили нашу организацию, и она практически распалась, те, кто уцелел, уехали из Крыма. Мне сначала дали явку в Ростов, там я несколько месяцев работал среди железнодорожников главных мастерских. Меня выследили, грозил арест, по-

этому решили переправить в Тифлис. Документы у меня надежные, имею я и специальность хорошую — электротехник. И вот — приехал в Тифлис, остановился в гостинице, снял номер и после обеда явился сюда. Правда, города я не знаю, поэтому пришлось на извозчике. С уверенностью могу сказать, что к вам явился чистым, без «хвоста». В Ростове я получил пароль в ваш комитет, а уж там мне дали вашу явку. Вот так и оказался здесь.

Хаджумар внимательно слушал рассказ Сергея и, странное дело, вчерашнее тревожное чувство никак не проходило, но Хаджумару не хотелось необоснованной подозрительностью обижать Сергея. Вероятно, привычное чувство осторожности не давало забывать, что за ним стоит группа людей, их жизни и свобода. Хаджумар был сдержан и немногословен.

— Кавказский край находится на военном положении, — пояснил он Сергею. — А отсюда необычайно сложные и трудные условия нашей работы. В случае ареста судить нас будут военным судом. Я говорю об этом, чтобы вы знали реальную обстановку в Тифлисе. Постепенно мы введем вас в нашу группу. Сначала подыщем надежную квартиру, не скрою, с работой будет не так просто...

— У меня есть рекомендация на один местный завод, — перебил Хаджумара Сергей. — Рекомендация солидная, полагаю, мне не откажут. Так что через день-два я полностью в вашем распоряжении.

Хаджумару понравилась готовность новичка быстро включиться в работу. И хотя настороженность не покинула Хаджумара, он склонен был все-таки поверить рассказу Сергея. Хаджумару вспомнилось, как по-товарищески тепло встретили его подпольщики в Казани, а ведь он был им совсем неизвестен, пришел к ним, зная лишь пароль, точно так, как Сергей сейчас. Посмотрим его в деле, тогда и узнаем, что он за человек. Хаджумар взглянул на Юлию, сидевшую молча и не сводившую глаз с беседующих мужчин, она едва заметно покоробила хрупкими плечиками. Неопределенность этого жеста кольнула Хаджумара, словно он пытался переложить ответственность на нее, нет, он лишь советовался с ней. И, надо признаваться, неудачно...

Сергей легко сошелся с остальными членами груп-

пы, и это как-то успокоило Хаджумара, значит, он не ошибся в своем решении, хотя незаметно для Сергея Хаджумар исподволь наблюдал за ним, анализируя его слова и поступки. Но ничего настораживающего в его поведении не было. Парень компанейский, добросовестный и безотказный. Незадолго до Первого мая Хаджумар свел Сергея с несколькими солдатами из гарнизона. Тот толково побеседовал с ними, говорил увлекательно и горячо, помог написать письма родным, словом, нашел подход.

А накануне Первого мая, когда группа собралась на очередную информацию Хаджумара о текущей обстановке на Кавказе и в России, произошел разговор, который окончательно убедил Хаджумара в искренности, хотя, как он отметил про себя, некоторой политической безграмотности и недалекости Сергея.

— В стране царит обстановка полицейского произвола, — говорил Хаджумар, — революционные организации почти повсеместно разгромлены, а потому нет массовой борьбы с самодержавием. Реакция, несомненно, сделала вывод для себя из революции девятьсот пятого года. Она изменила, а также ужесточила методы борьбы с революционерами. Все мы это знаем по себе, каждодневно видим на примерах. Но и в этих, чрезвычайно трудных условиях наш долг продолжать расширять революционную борьбу, всеми силами подтасчивать самодержавие...

— Так мы и через сто лет не свалим царский трон, — возбужденно перебил Сергей Хаджумара. — Что толку в наших беседах с солдатами, по сути дела, мы зовем к терпению, подождите, мол, наступят лучшие времена и вот тогда... В девятьсот пятом году я видел, как действовало мое слово, оно поднимало людей, звало их к оружию, к борьбе, и даже самая неказистая листовка звучала, как набат. А сейчас я говорю с солдатами и словно мякину жую, мне стыдно им смотреть в глаза. Мы должны перейти к другим действиям, к настоящей борьбе с царизмом и его слугами. Раньше были боевые дружины, я сам состоял в такой, теперь их почему-то распустили, и, убейте меня, я не могу понять, зачем нас обезоружили. Если бы сохранились боевые дружины, мы могли дать отпор террору властей, а так сидим и ждем, когда нас поодиночке схватят...

— Что ты предлагаешь? — нетерпеливо выкрикнул гуриец Сандро. — Наговорил с два короба, а толку никакого. Каша у тебя в голове, Сергей. Ты уж не обижайся за правду. Не понимаешь ты нынешней обстановки, а потому и нет у тебя дельного предложения.

— Я думаю, что можно понять и извинить Сергея, — перво поднялась Юлия. — Конечно, в нашей пропагандистской работе нет ничего героического, да и результаты она дает не сразу. Но Сергей забывает, что мы воспитываем, готовим будущих борцов, которые станут рядом с нами на баррикадах. И если мы сейчас, сегодня не будем вести своей работы, эти солдаты завтра будут стрелять в нас. Мы не отсиживаемся, мы ведем большую и нужную работу. А обидные для товарищей слова я объясняю лишь запальчивостью Сергея.

— Шифанская права, — сказал Хаджумар. — Сергей плохо учитывает напряженные условия подпольной пропагандистской работы. Ему не терпится взяться за оружие, но сейчас это неизбежно обречено на провал, будет бесцельной, бессмысленной жертвой...

— Выходит, люди дела, эсеры-боевики глупцы! — воскликнул непримиримо Сергей. — Но они не только зовут народ к борьбе, а сами показывают пример, ведут неравную вооруженную борьбу с царизмом. И жертвы их не напрасны! А мы где-то в кустах...

— Никто тебе не давал права оскорблять товарищей, — резко оборвал его Хаджумар. — Существует дисциплина, и все мы обязаны подчиняться ей. И тебе незачем принимать героическую позу, не ты один умеешь стрелять из револьвера. Сейчас для каждого из нас хладнокровие и выдержка — тоже оружие: меньше промахов сделаем. А отсебятина может привести к провалу и тем самым ослабить ряды революционеров. Я хочу спросить тебя, Сергей, ты задумывался, а что изменилось в жизни народа после громких выстрелов и взрывов бомб эсеров? Ровным счетом ничего, вместо одного убитого министра или сановника назначат другого, и все катится по накатанной дорожке. Одиночкам не изменить существующий строй. И если ты до сих пор не уяснил этой непреложной истины, жизнь втолкует ее в твою упрямую голову. Больше шевели мозгами, вот тебе наш совет, Сергей, ну а мы будем тебе по-товари-

щески помочь в этом, дадим почитать нужную литературу, и всему видно — слаб ты в теории...

Долго не мог заснуть в эту ночь Сергей. Он ругал себя за то, что затеял этот разговор на острие ножа. Нет, не похвалил бы его ротмистр Выштицкий, узнай он об этом. Зачем так рисковать? Хорошо, если подпольщики не придадут значения этому разговору.

Прав ротмистр, когда говорил, что секретный сотрудник должен уметь владеть собой в любых, самых неожиданных ситуациях. Сергею на всю жизнь врезался в память их последний, напутственный, разговор.

— Вот ваш паспорт, — сказал Выштицкий, протягивая документ, — здесь в конверте деньги, их достаточно, чтобы безбедно, но без кутежей, прожить три-четыре месяца. На такой срок я посылаю вас в Тифлис. Там вы обоснуетесь, устроитесь на работу. Ваша задача — выявить подпольные организации, которые занимаются распространением революционной заразы в армии. Нужно установить состав подпольных групп, имена их вожаков, адреса явок и конспиративных квартир, откуда получают листовки, имеются ли гектографы или другие машины размножения и где они хранятся. Необходимо обнаружить связи групп не только между собой, но и, прежде всего, с руководящими центрами. Задача эта — одна из труднейших, действовать вы будете самостоятельно. Уверен, она окажется вам по плечу, — похвалил авансом ротмистр. И слова эти не покоробили Сергея. Наоборот, ему польстило, что опытный жандарм не сомневается в его способностях.

— Предупреждаю вас, — в голосе ротмистра зазвучала угроза, — если вы вздумаете хитрить, то я дам ход судебному приговору по вашему делу, и тогда считайте, что вы уже стоите на табуретке с петлей на шее. Надеюсь, помните, что вы приговорены к виселице?

— Господин ротмистр, — униженным, самому себе противным голосом сказал Сергей, — вы ведь убедились, как старательно я выполнил все ваши задания и в Севастополе, и в Екатеринославе.

— Знаю, знаю, — поморщившись, махнул рукой Выштицкий. — Вы изъявили желание сотрудничать с нами, и мой долг — предостеречь вас от нежелательных эксцессов, как видите, я забочусь прежде всего о вас.

— Да у меня и в мыслях нет ничего подобного! — воскликнул Сергей, не на шутку встревоженный угрозой ротмистра.

— Вот и хорошо, что вы отправляетесь в трудный путь с чистыми помыслами, — язвительно заметил ротмистр и назидательно добавил: — Когда на душе спокойно, можно горы своротить. — И тут же изменил тон. — Вину свою тяжкую вы искупите лишь тогда, когда я скажу вам, что вы чисты перед империей и законом, ну а если вас бессонными ночами будет грызть совесть — это на вашей совести, справитесь с этим без моей помощи. Молодость забывчива, а что нас ждет в старости — ведомо одному господу богу. Сегодня же выезжайте в Ростов, а оттуда в Тифлис. Через две недели пришлете на мое имя отчет.

Сергей проклинал тот день, когда он согласился вступить в боевую дружину. Увлеченный всеобщим порывом, он одним из первых оказался в ее рядах. Дружину возглавлял эсер-боевик Иван Юнак, уже успевший побывать в ссылке в далеком Сольвычегодске. Юнак свято верил, что только партии социалистов-революционеров суждено освободить русский народ, освободить русского крестьянина от гнета и неволи. Энергичный и словоохотливый, Иван быстро завоевал непрекаемый авторитет у молодежи симферопольской окраины. Подпал под его влияние и Сергей. Ему нравилось все: таинственные сходки в незнакомых квартирах, жаркие споры, подготовка к нападению на почту. И когда нападение увенчалось успехом, молодые ребята окончательно поверили, что они стали настоящими революционерами, грозой для полицейских и жандармов. Теперь все жили ожиданием еще более громких дел, и Юнак всеми способами подогревал это стремление, разрабатывал планы нападения на здание суда, чтобы уничтожить все дела, заведенные на политических. Но эти же, полные боевого задора, ребята растерялись и пали духом, когда узнали, что Юнак попал в засаду и убит в перестрелке. Как снежный ком на ярком весеннем солнце, растаяла дружина, осталась лишь небольшая группа, и возглавил ее Сергей. Чтобы утвердить себя в глазах группы, Сергей задумал застрелить жандармского офицера, который занимался розыском революционных групп. И хотя доказательств у него никаких

не было, он был убежден, что убийство Юнака — дело его рук. Несколько недель выслеживал Сергей и его товарищи того неуловимого жандарма. И за это время члены группы, не привыкшие к дисциплине, все больше скатывались к анархическим выходкам. В группе начались склоки, ссоры, пьянки. Сергей не мог справиться с разгулявшейся вольницей, ему горько было видеть, как опускаются хорошие парни, но он был бессилен что-либо изменить. Сoverшать террористический акт Сергей пошел один: остальные уклонились под разными предлогами. Жандарма Сергей застрелил на перроне вокзала, когда тот садился в вагон курьерского поезда. Здесь же на вокзале Сергея и взяли.

В тюремной камере Сергея охватило отчаяние, по ночам ему казалось, что петля пеньковой веревки уже намертво перехватила горло. И ощущение этого было столь сильно, что он чувствовал боль и спазмы. И не дожидаясь вызова на допрос, Сергей потребовал, чтобы его доставили к следователю. Так судьба его свела с Вышитинским. Тот оказался опытным и искусным психологом: сразу понял, что молодой террорист готов пойти на сделку с собственной совестью ради спасения грешной жизни. Вышитинскому даже не пришлось подталкивать Сергея, тот сам предложил джентельменский обмен. В конце собственоручных показаний он выразил желание и впредь оказывать полезные услуги сыскной полиции. Несколько недель провел Сергей в тюрьме, прежде чем Вышитинский освободил его. И все эти дни душу Сергея терзал страх, что следователь обманул его, получив показания, он отдаст его под суд вместе с бывшими товарищами. Но страхи его были напрасными. Вызволив Сергея из тюрьмы, Вышитинский направил его в школу секретных сотрудников охранки. Потом Сергей выполнял, по оценке Вышитинского — «весьма успешно», ряд поручений охранки в городах Крыма и южных губерниях.

Теперь ему предстояла такая же работа в Тифлисе. Сергей не испытывал угрызений совести, она не тревожила его, словно ее никогда и не было. Только в душе, где-то в тайниках ее, затаился страх. «Сколько веревочки не виться, а кончику быть», — думал иногда Сергей. Он знал немало случаев, когда подпольщики распознавали таких агентов, которым он по опыту и изворотли-

вости и в подметки не годился. И все-таки он верил в свою счастливую звезду, надеялся, что сможет перехитрить любого, а со временем и самого ротмистра Вышинского: ведь не дурак же он, чтобы всю жизнь быть платным провокатором. Вот добудет заграничный паспорт — и ищи ветра в поле, а нет, так сумеет скрыться и в самой России. Всему свое время, не надо без нужды торопить события. Сергей догадывался, что тифлисское поручение — новый, своеобразный экзамен для него, устроенный хитроумным ротмистром. И если сплоховал — грош тебе будет цена. В охранке не церемонятся с неудачниками...

Несколько дней Сергей провел в тревожном ожидании, правда, он не заметил, чтобы отношение подпольщиков к нему хоть в чем-то изменилось. Дмитрий был ровен, по-прежнему немногословен. Все эти дни Сергей потратил на то, чтобы установить, где ночует Дмитрий: теперь он уже не сомневался, что тот является вожаком подпольной группы. И наконец удача! Сергей разыскал дом, в котором Дмитрий снимал комнату. Он следил за ним, как тень, но тот ни разу его не заметил. Однажды Юлия завела разговор о Сергеев:

— Никак не пойму, чего он стал так липнуть к тебе, — сказала она недовольно. — Я же вижу, он от тебя ни на шаг не отходит.

— Вину свою, видно, хочет загладить, — усмехнулся Хаджумар. — Нагородил чепухи, а сейчас стыдится своих слов. Да не он один, и другие ребята, что поможе, тянутся ко мне. И плохого в этом я не вижу.

— Возможно, ты прав, — согласилась Юлия. — Сергей обещает сколотить группу на своем заводе. Он не говорил тебе об этом?

— Был у нас такой разговор, — подтвердил Хаджумар. — Но я попросил его сначала получше узнать ребят, а уж потом со мной знакомить. Торопливость его мне, признаюсь, не понравилась, как будто его кто подгоняет. По правде говоря, я тоже переболел нетерпением, излишней горячностью. Но, мне кажется, у Сергея есть и другое, он плохо приспособлен к будничной нашей работе. И мы должны помочь ему понять и полюбить незаметную нашу работу, иначе он наломает дров. Он вспыхивает, как порох, и сразу же опускает руки при первой неудаче. Нет в нем прочного стержня...

— Я думаю, — подхватила Юлия, — это анархистская закваска оказывается в нем, и чувствуется, долго он от нее не освободится. И еще меня удивляет его нежелание понять нас. Ему бы хотелось и с нами быть, в нашей организации, и вместе с тем, чтобы руки у него были развязаны, чтобы он чувствовал себя полностью самостоятельным... Позорство он любит! — последние слова Юлия произнесла с необычным для нее ожесточением. — Есть в нем какая-то неискренность, по-моему, тут я не ошибаюсь, хотя фактов у меня нет.

— Поживем — увидим, — сказал в раздумье Хаджумар, — будут факты, тогда и сделаем выводы. Меня сейчас беспокоит другое, где мы спрячем гектограф. Если мы его разберем на части и укроем в разных местах, то когда он нам понадобится, потратим много времени на сборку. Надо подыскать совершенно надежную квартиру. Хорошо, чтобы она была с глубоким подвалом и отдельным ходом. Наверное, следует спрашивать в Чугуретах или на Авлабаре. Я буду искать, займись и ты этим, Юлия, так мы меньше времени затратим, только учи, денег у нас не так много, поэтому торгуйся, старайся, чтобы было подешевле. Кстати, Сергей передал мне семьдесят рублей.

— Вот как? — удивилась Юлия. — Спасибо Сергею, деньги нам позарез нужны. В тюрьму надо передачи организовать, да и семьям ссыльных помочь нужно.

Май шел к концу, в городе было по-летнему душно и жарко. Майские ночи коротки, но именно их выбрали тифлисские жандармы для арестов. Глубокой ночью раздался стук в дверь, и, не дожидаясь, когда откроют, сорвав крючок, к Хаджумару ввалились незванные гости, понятые боязливо жались у дверей. Обыск был долгий и тщательный, переворошили постель, все вещи, простучали стены и половицы. Ротмистр, руководивший обыском, недовольно хмурился: обнаружены лишь запрещенные брошюры Льва Толстого и книжица «Всероссийское разорение» неизвестного автора, а по агентурным сведениям здесь должны были храниться прокламации, приготовленные для гектографирования. Но их нет, значит, успели перепрятать или где-то тайник имеется.

«Выходит, опоздали мы, — думал жандарм, — и

барышни¹ упорхнули в неизвестном направлении. А нам нужны вещественные улики. То, что мы их не обнаружили здесь, свидетельствует: стреляная птица этот Сохиев. Опытный подпольщик, как правило, избегает хранить в своей квартире нелегальщину. Результаты обыска здесьничтожны, будем надеяться, что в других местах коллегам повезет».

Хаджумар не знал, что в этот же час арестована большая часть его группы. Чтобы не навлечь подозрений на Сергея, жандармы оставили на свободе временно несколько человек.

Хаджумар удивлялся своему спокойствию: его арестовывают, обыскивают, а волнения нет ни капли, словно случалось с ним такое не однажды.

Жандарм искоса наблюдал за Хаджумаром и тоже отметил его выдержанку. Да, с этим парнем следователю придется попотеть, по всему видать — орешек крепкий. Может быть и таков — в сети попала птица большого полета, и если следователь сумеет развязать ему язык¹ и собрать материал, — жди громкого процесса.

Под конвоем Хаджумара отправили в полицейский участок, а оттуда в тюремной карете отвезли в Метехский замок, известный своей печальной славой всему революционному Кавказу. Прежде он был боевой крепостью, прикрывал подступы к Тифлису, теперь его превратили в тюрьму.

Жандармы назвали условный пароль, тяжелые ворста распахнулись, и карета въехала в серый каменный мешок двора. В тюремной канцелярии Хаджумара обыскивали, прощупали все швы одежды, сфотографировали в разных видах, измерили рост, сняли отпечатки пальцев и, наконец, остригли наголо. Помощник начальника тюрьмы, принимавший Хаджумара, глядя на его разгневанное лицо, сказал с издевкой: «Прошу хорошенько запомнить следующую истину — большинство арестантов отсюда не выходят, отсюда их выносят!» Надзиратели и жандармы осклабились и захочотали, они смотрели на Хаджумара с мстительной радостью. «Здесь ты узнаешь, почем фунт лиха, здесь тебе отобьют охоту смутьянничать».

¹ Барышни — прокламации и листовки на жаргоне жандармов.

Старший надзиратель заучено прочел вслух «Тюремные правила для заключенных»:

— Запомните, надзиратели на вопросы не отвечают. Только дежурный офицер имеет право разговаривать с арестантами. Баня — два раза в месяц, прогулки — раз в день на двадцать минут. За малейшее нарушение правил арестант наказывается, в том числе и содержанием в карцере без горячей пищи.

Хаджумар получил арестантскую одежду: темно-коричневый халат, застиранную бязевую рубашку и сильно поношенные штаны, грубые башмаки. Под конвоем надзирателя его провели через длинные тюремные коридоры к камере.

Глухо, как крышка гроба, захлопнулась тяжелая, окованная железом дверь. Хаджумар огляделся: высоко, под самым потолком, светилось крошечное зарешеченное оконце, в него был виден лишь клочок неба, перечеркнутый толстыми ржавыми прутьями. Кровать, столик и табуретка намертво привинчены к полу. Хаджумару бросилась в глаза дорожка, что пересекала камеру наискось из угла в угол. От беспрестанного хождения сотен и сотен узников сдался и камень, в нем образовалась борозда. Немало верст исходил по ней и Хаджумар.

Камера, в которую поместили Хаджумара, оказалась одиночной, в ней было тихо, как в могиле, и Хаджумар потерял ощущение времени, оно как бы остановилось. И он вздрогнул (потом этого больше не случалось), когда в двери открылось окошко и надзиратель подал ему кусок черного хлеба и кружку с кипятком — тюремный ужин. Днем Хаджумар еще различал слабые звуки: приглушенные голоса в коридоре, шум шагов, звон кандалов. Ночью все звуки умерли, и на него обрушилась давящая тишина. Первая ночь, проведенная в тюрьме, была особенно тяжела. Шли часы, а он не мог сомкнуть глаз и с нетерпением ждал рассвета. За эту ночь он многое передумал, доискиваясь до причины провала. Он ничего не знал о судьбе своих товарищей. А они? Знают ли они об его аресте? Как тут не вспомнить о Павле Матвееве!.. Если бы здесь, в Метехах, найти человека, который помог бы связаться с волей. Дни шли за днями, но все попытки Хаджумара разговориться с надзирателями оканчивались крахом, те

упорно отмалчивались или обрывали грубым окриком. Прошли недели, прежде чем Хаджумар овладел искусством тюремной азбуки, и тогда ему стало легче. А до этого состояние полной изоляции издергало его, нервы были напряжены до предела, и у него началась бессонница.

Чередой текли дни, складывались в недели, но Хаджумара ни разу не вызывали на допрос. Он недоумевал, не зная, что это обычная тактика жандармов: прибегали к ней, чтобы сломить заключенного неизвестностью. Для этого они всячески затягивали расследование, без суда держали в тюрьме многие месяцы. Так поступили и с Хаджумаром, надеясь, что он не выдержит изоляции, одиночества и полуголодного существования, а тогда можно из него веревки вить. Но уже с первых дней за Хаджумаром укрепилась репутация «беспокойного заключенного», и тюремное начальство не скучилось на наказания. Хаджумара лишали прогулок, книг. Он бурно протестовал, и тогда его сажали в холодный карцер, а однажды для устрашения бросили в камеру смертников.

Как-то раз, после очередной отсидки в карцере, Хаджумара поместили не в одиночке — не оказалось свободных, — а в общей камере. И какова же была радость Хаджумара, когда в одном из арестантов он узнал Георга Бицаева. Друзья крепко расцеловались и долго стояли обнявшись. Георг плакал от волнения, он тоже был измучен неизвестностью, единственno в чем его положение было чуточку лучше — он сидел не в одиночке. Они засыпали друг друга вопросами, пытаясь выяснить, кто еще из товарищей томится в Метехах. За все время Георг однажды виделся на прогулке с Сандро, но, заметив, что они переговариваются, надзиратель разъединил их. О судьбе остальных он, как и Хаджумар, ничего не знал.

— Знаешь, Георг, — сказал Хаджумар, обращаясь к другу. — Каждый день я убеждаюсь в правоте слов Ноя. Однажды в беседе со мной он сказал очень справедливые слова: «Тюрьма для каждого революционера, а для молодого в особенности, становится пробным камнем: испытывает его духовную стойкость». Первые дни я места себе не находил от вынужденного бездействия, готов был головой биться об эти голые стены,

волком выть от собственного бессилия. Но скоро я понял, что тюремщики только и ждут того часа, когда я смирюсь, и я приказал себе: ни при каких обстоятельствах не падать духом, потому что твердая воля — тоже оружие против произвола тюремщиков, продолжение той же борьбы, что мы вели на свободе. И это мне помогло. Здесь, в Метехах, я понял, почему так быстро сгорели мои друзья Габи и Бидзига. Они сидели во Владикавказской тюрьме. Сначала болезнь, а потом тоска подорвала их силы. Им не хватило стойкости, и они поплыли по течению. Их воля к сопротивлению ослабла, и потому тюремщикам удалось убить их своим бесчеловечным обращением. Я не хочу повторять печальный опыт своих друзей, прошу и тебя, Геор, не склоняй головы.

— «Лучше быть в земле зарытым, чем позором покрытым» — так учил меня отец, — пылко воскликнул Геор. — Моим друзьям не придется стыдиться за меня. — Геор выпрямился, клятвенно поднял руку и посмотрел во ввалившиеся глаза Хаджумара...

— Трудно тебе в одиночке, — посочувствовал Геор, — я еще не был в ней, от других слышал, что некоторые заболевают какой-то особенной болезнью — боятся, не могут находиться в одиночестве.

— Не знаю, я этого не чувствую, — сказал Хаджумар. — Но по правде говоря, одиночка мне осточертела. С утра, как заведенный, шагаешь и шагаешь по камере. Четыре шага в одну сторону, четыре — в другую. И так целый день, пока не закружится голова и стены не поплывут в глазах. И тогда я особенно часто вспоминаю, как пастеляти коз в горах, а над головой бескрайнее небо, под ногами цветы, и вокруг простор — иди куда вздумается...

— Хаджумар, объясни мне, почему меня к следователю не вызывают. Я здесь скоро полгода, а еще ни разу не допрашивали. В чем причина, как ты думаешь?

— Меня тоже не вызывали на допрос, — сказал Хаджумар. — И я ломаю голову над этим. Наверное, материал собирают. Расскажи, Геор, как тебя арестовали?

— Утром я пошел на службу, недалеко от дома меня остановили шпики, посадили на извозчика и повезли в участок, а оттуда в Метехи.

— А обыск делали в твоем доме? — спросил Хаджумар.

— Этого я не знаю, — пожал плечами Геор, — ведь на свидании с родственниками надзиратель сразу одергивает, когда начнешь что-то спрашивать о своем деле.

— Надо тебе постараться, Геор, — оживился Хаджумар, — все разузнать толком. А то мы здесь сидим как с завязанными глазами. Я написал несколько писем прокурору, но ответа до сих пор нет, может, не дожили письма, а вернее всего — не хочет отвечать.

Геор согласно кивнул и, придвинувшись ближе к Хаджумару, понизив голос, сказал:

— Мои соседи по камере слышали на прогулке, как кто-то крикнул из окна, что в Метахах в строгой изоляции содержится Камо.

— И Камо схватили! — с огорчением воскликнул Хаджумар. — Мне рассказывали, что жандармы безуспешно пытались поймать его несколько лет, и вот им это удалось. — Задумавшись, Хаджумар надолго замолчал, грустно размышляя над услышанным. Значит, по всему Кавказу катится волна повальных арестов, охранка решила любой ценой покончить с революционным подпольем. И тогда разгром их группы — вовсе не случайность, жандармы сумели выследить их группу. Как говорится, прошляпили. И было горько от этой мысли. Хаджумар не хотел, чтобы Геор видел его расстроенным, поэтому перевел разговор на другое.

— Скажи, Геор, какие показания ты будешь давать следователю? — задал Хаджумар давно волновавший его вопрос и увидел, как растерянно поник Геор. — Получается, что ты не думал об этом, а напрасно. От твоих ответов будет зависеть дальнейшая судьба всех нас, в свою очередь, ответы каждого из нас повлияют на твою судьбу.

— По правде говоря, — признался Геор, — я считал, что буду отвечать. На суде ведь так бывает — судья спрашивает, обвиняемый — отвечает.

— До суда еще далеко, — заметил Хаджумар. — Пока жандармы с этим не торопятся. Я много думал, как вести себя на следствии...

— Ты ведь поступал в университет учиться на юриста, — напомнил обрадованно Геор. — Сам бог велел тебе знать законы, и меня хорошему научишь.

Геор повеселел: рядом друг — голова у него светлая, и все теперь уже не казалось ему таким мрачным и безнадежным, как это было еще вчера. Он чувствовал, как ослабевает нервное напряжение, державшее его в своих тисках долгие недели. «Хвала другу, ободрил он меня, когда я больше всего в этом нуждался, — думал Геор с молчаливой благодарностью о Хаджумаре. — Если бы судьба привела его в мою камеру сразу, не было бы у меня бессонных ночей. Правду говорят — доброе слово исцеляет, а злое в гроб вгоняет».

— Так вот, Геор, — продолжил Хаджумар свою мысль. — Я думаю так: ни в чем не признаваться, отказываться от всего, кроме самых очевидных фактов. На остальное один ответ — не знаю, не видел, не участвовал... Учи, жандармы часто ловят на простых вещах. Например, спрашивают тебя, а знаком ли ты со мной. Ты подтверждаешь знакомство, и это может очень повредить мне.

— А как же быть в таком случае?

— Есть такая формулировка: «давать какие-либо показания по этому вопросу отказываюсь». Потому что показания, которые ты даешь, независимо от твоего желания послужат следователю материалом для обвинения или привлечения к следствию новых лиц. Запомни крепко все, что я тебе сейчас говорю, это пригодится тебе на допросах...

Дня через два, когда Геор был на прогулке, Хаджумара снова перевели в одиночку. И опять началась его «тихая» жизнь. Глухие крепостные стены почти не пропускали звуков, лишь изредка с левого берега Куры доносилось ржание лошадей. Только голуби скрашивали унылую, однообразную жизнь арестантов; птицы без устали кружились над Метехским замком, иногда подлетали к зарешеченным окнам, и это доставляло радость каждому узнику. Хаджумар никак не мог привыкнуть к тому, что надзиратели бесшумно подкрадывались к «волчку», и он всегда вздрагивал, когда видел в нем немигающий глаз. Понаоблюдав за арестантом, надзиратель так же бесшумно удалялся.

Теперь Хаджумара занимала лишь одна мысль: хоть и редко, но к Геору приходят на свидание родственники, и если он сумеет передать им, чтобы они связались с Юлией — Хаджумар почему-то верил, что она

на свободе, — то, в случае успеха, с воли протянется к ним ниточка надежды. В отчаянии Хаджумар даже попросился на работу в прачечную, которую все арестанты называли адом и каторгой. Может, из прачечной посчастливится ему бежать. Но, словно догадываясь о намерениях Хаджумара, тюремное начальство отказалось ему, объяснив, что работников в прачечной достаточно. Так рухнула призрачная мечта о побеге. Но весточка, полученная от Геора на прогулке, опять вдохнула в него силы. «Твоя невеста, Зина Шиханова, получила право переписки с тобой», — шепнул, проходя, Геор. «Зина, Зиничка, умница», — думал обрадованный Хаджумар, с нежностью вспоминая тот веселый вечер и танцы допоздна под осетинскую гармошку. Со своей стороны он потребовал передать ему письма «невесты» и получил разрешение на переписку с ней. Но радость оказалась недолгой: Зина была неопытна и наивна, и тюремная администрация поняла по намекам в ее письмах, что арестант Дмитрий Сохиев намерен совершить побег из Метехского замка. А вскоре получила тому подтверждение. Один арестант, которого выпускали на свободу, согласился передать Зине записочку Хаджумара. При обыске ее нашли, хотя спрятали ее тщательнейшим образом. Воспользовавшись этим, тюремное начальство установило для Хаджумара более строгий режим. Но Зина не знала об этом и была удивлена, когда, грубо обругав, у нее отказались принять передачу для Хаджумара. Вскоре Хаджумара постигла еще одна неудача. С большим трудом передали ему записку через арестанта, работавшего на кухне. Хаджумар только развернул ее, как в камеру ворвались помощник начальника тюрьмы с надзирателем и набросились на Хаджумара. Изловчившись, он сумел сунуть ее в рот и на глазах оторопевших тюремщиков сжевать. Он выплюнул бумажную кашицу под ноги помощнику начальника тюрьмы: «Теперь берите и читайте!» Обозленные тюремщики избили Хаджумара и отволокли в карцер. В холодном и темном каменном мешке он пробыл две недели, получая лишь раз в день кружку холодной воды и кусок хлеба, постели ему не давали, спать приходилось на цементном полу, укрываясь старым арестантским халатом.

Товариши с воли пытались взять Хаджумара до су-

да под денежный залог, но жандармское управление отказалось в этом, не вдаваясь в объяснения, не дало оно ответа и Хаджумару, требовавшему в своем письме приступить к расследованию или освободить его, если за ним нет вины.

Хаджумар догадывался, что неспроста жандармы и прокурор играют в молчанку, очевидно, за этим скрывался определенный расчет: что-то у них не ладилось, собранные материалы не позволяли начать судебный процесс, вот они и занимались волокитой. Действительно, следователь тифлисского жандармского управления был в большом затруднении: сведения, полученные из агентурного источника, не подлежали огласке, а показания арестованных весьма скучные и не давали представления о характере их противоправительственной деятельности. Невелики были и вещественные улики — несколько разрозненных номеров «Революционной России», газеты «Пролетарий» и других нелегальных изданий. Жидковато, но ничего не поделаешь, сейчас суды не возвращаются к дополнительному расследованию, так что процесс состоится, правда, не такой громкий, на что следователь надеялся вначале, а потому ордена или повышения по службе не привидится.

Следствие, тянувшееся больше года, подходило к концу. И вот наконец надзиратель вел Хаджумара в тюремную контору, а оттуда его и отвезли в жандармское управление. В просторной светлой комнате со сводчатыми потолками сидел немолодой жандармский офицер. За его спиной висел портрет царя в тяжелой золоченой раме. Офицер бросил на Хаджумара беглый, но цепкий взгляд и стал задавать формальные вопросы: имя, фамилия, год и место рождения, занятия, кто родители... Неторопливо записав ответы, негромким голосом спросил:

— За что вас арестовали двадцать восьмого мая тысяча девятьсот восьмого года?

— Это вам должно быть известно, я вины за собой не знаю. Больше года нахожусь в тюрьме, но мне до сих пор не предъявлено обвинение.

Задав еще несколько незначительных вопросов, следователь заговорил назидательным, отеческим тоном:

— Ознакомившись с протоколом обыска, а также с другими материалами, я убедился, что вы по молодости

лет и неопытности впутались, а точнее, кто-то впутал вас в плохое дело. Сейчас решается ваша дальнейшая жизнь. От вас зависит, пройдет она в тюрьме или на каторге, или вы чистосердечным раскаянием облегчите свою судьбу, и прекратятся страдания ваши и ваших родных...

— А в чем должно выразиться мое раскаяние? — спросил Хаджумар. Уловки жандармов ему были заранее ясны — важно было понять, есть ли у следователя какие-либо неоспоримые улики. Тогда выяснится, что грозит по суду. И Хаджумар прикинулся, будто серьезно обдумывает предложение, а сам шарил глазами по столу, надеясь заглянуть в какую-нибудь бумагу и что-то понять. Но жандарм предусмотрительно закрыл все папки. Хаджумар разочарованно отвел глаза от стола и добавил: — Обещания вы легко даете...

— Свои обещания мы выполняем точно и в срок, в этом вы сами убедитесь, если будете благоразумны, — со значением произнес следователь. — А потребуется от вас не так уж много. Скажите, кто вовлек вас в это дело? От кого получали указания?

— В какое дело? — переспросил Хаджумар и насмешливо блеснул глазами. — Напрасно стараетесь, господин ротмистр. Я ни в каких делах не участвовал и показания давать отказываюсь!

Следователь вскочил, лицо его побагровело, он с силой отодвинул кресло и, сдерживаясь, проговорил свистящим шепотом:

— Шутки шутить, негодяй! В Сибирь на каторгу пойдешь, мерзавец! А пока посиди еще в тюрьме, может, ума прибавится, — но он, видимо, не потерял еще окончательно надежды получить от Хаджумара нужные ему показания, поэтому когда остыл, то добавил: — Умные люди иначе ведут себя на допросах и скоро оказываются на свободе, а глупые кукуют на нарах. И запомните мой совет, молодой человек, — чем больше скажете на следствии, тем меньше будете сидеть в тюрьме.

Следователь позвал конвойного, и Хаджумара отправили в камеру.

Месяца через полтора Хаджумара снова вызвали на допрос, следователя словно подменили, свежестью сверкал его мундир, сверкали аксельбанты, остро по-

блескивали глаза, весь вид его говорил, что случилось какое-то приятное для него событие. Он с видимым удовольствием достал бланк протокола допроса и снова задал традиционный вопрос:

— Имя, фамилия?

Хаджумар удивленно пожал плечами.

— Я в прошлый раз ответил, и вы записали в протокол мои ответы. Вы утеряли протоколы и решили возобновить их? — спросил он с усмешкой.

— Вот, вот, совершенно верно, надо заново писать протокол. А прежде я вам кое-что прочту, надеюсь, вы услышите интересные для себя подробности, — в голосе следователя звучали нотки торжества:

— ...В начале 1908 года, он, Гетоев, из Казани выехал на Кавказ и провел лето в городе Баку, проживая у Дмитрия Сохиева. В конце лета выехал обратно в город Казань, захватив с собой паспортную книжку Дмитрия Сохиева. Некоторое время прожил по этому паспорту в Казани, а осенью того же 1908 года прибыл в город Тифлис, где и проживал нелегально по тому же паспорту Дмитрия Сохиева. В Тифлисе была сфабрикована вторая, подложная паспортная книжка на имя Дмитрия Татаевича Сохиева. Подлинная же паспортная книжка Дмитрия Сохиева отправлена из Тифлиса — в город Казань студенту Илариону Унгнадзе с просьбой отослать эту паспортную книжку владельцу в город Баку, что и было исполнено... — Следователь взглянул на Хаджумара поверх бумаги. — Долго мы вас разыскивали, Гетоев, но все-таки нашли. Признаюсь, нелегко было установить, что не Сохиев ваша настоящая фамилия, а Гетоев. А как потянули ниточку, — хохотнул он, — так распутали и весь клубок, правда, не так скоро, как хотелось. Вы разыскиваетесь еще с 1906 года, заочно осуждены Владикавказским окружным судом. А сейчас прошу ознакомиться с обвинительным заключением и материалами дела, — с нескрываемым самодовольствием протянул он бумаги Хаджумару. — И безразлично: будете вы упорствовать, отказываясь давать показания, или нет, дело сделано. От каторги вы не отвертитесь, узнаете — как они звенят при каждом вашем шаге, ведь их не снимают ни ночью, ни в бане. Так и будете весь свой срок слушать их малиновый звон, — с издевкой говорил

следователь. — А я хотел вам добра, но вы, ослепленный гордыней, отвергли мое желание помочь вам, не пожелали свободы...

— Да, не пожелал свободы ценой предательства, — с гневом воскликнул Хаджумар. — Я революционер! И никогда не изменю избранному пути!..

— Полноте, молодой человек, полноте, — усмехнулся жандарм. — Много громких и красивых слов слышал я в этом кабинете. Только страх перед наказанием оставляет от пышных слов — золу, да и та без остатка уносится ветрами времени. Взгляните на себя трезво: профессии нет, как политически неблагонадежному, вам не разрешат учительствовать, университетское образование не закончено, по сути дела, остались недоучкой. Невеселая ждет вас в будущем жизнь, а Сибирь скрутит вас в бараний рог. Вспомните мои слова, аи будет поздно...

— Не беспокойтесь, не вспомню, — отрезал Хаджумар и принялся за чтение обвинительного заключения, отметив про себя, что жандармы действительно много раскопали:

«...обвиняется в том, что был участником сообщества под называнием «Тифлисская организация Всероссийского военного союза», цель деятельности которого состояла в насилиственном посягательстве на изменение установленного в Российской империи основными законами образа правления и замену его демократической республикой, причем для приведения в исполнение умышленного ими преступного деяния распространял прокламации и возвзвания, в коих население и нижние чины Тифлисского гарнизона возбуждались к посягательству с оружием в руках на изменение в России образа правления, в тех же целях неоднократно произносил среди нижних чинов речи, подготавливавшие вооруженное восстание, призывающие их к учинению бунтовщического деяния... преступления эти предусмотрены частью первой сто второй и частью первой сто двадцать шестой статей уголовного уложения 1903 года...»

В камеру Хаджумар возвратился в угнетенном состоянии. Из материалов дела ему стало ясно, что скоро состоится суд, там и решится его судьба. Но тифлисские жандармы снова занялись проволочкой и только в конце ноября 1910 года Хаджумара вызвали в суд.

Ехал он с почетом, в сопровождении двух жандармов с шашками наголо. Зал суда был малолюден, подсудимые революционеры находились под бдительной охраной стражников, которые пресекали любую попытку родственников приблизиться к ним. По указанию председателя суда в зал были допущены лишь самые близкие родственники подсудимых, поэтому Хаджумар не мог видеть своих товарищей, оставшихся на свободе. Занятый своими думами, Хаджумар машинально поднялся, когда кто-то крикнул:

— Встать, суд идет!

Он мельком скользнул по лицам военных, занявшим место за судейским столом, их было четверо, в парадных мундирах. Долго и монотонно читали обвинительное заключение. Процедура допроса подсудимых была кроткой и однообразной, видно было, что суд не считал нужным вникать в обстоятельства дела, да и приговор был предрешен заранее. Такое мнение сложилось у Хаджумара, когда дошла очередь до него.

— Признаете себя виновным? — голос председателя был бесцветен и равнодушен.

— Нет, не признаю...

— Кто вместе с вами участвовал в организации?..

— Никакого участия в приписываемых мне действиях не принимал.

— Хорошо, садитесь, — вяло махнул рукой председатель и предоставил слово прокурору.

Тусклый голос прокурора креп с каждой минутой. Он ткнул пальцем на скамью подсудимых и воскликнул с пафосом, явно пользуясь возможностью показать свое красноречие перед высоким начальством:

— ...Эта революционная группа имела своей целью поколебать доверие низших чинов к своему начальству, законному правительству и верховному вождю русской армии государю императору! Разными способами группа побуждала низшие чины армии к вступлению в члены указанной организации, дабы вести среди войск противоправительственную агитацию, склонять их к массовому нарушению дисциплины, а при возникновении общих волнений в государстве побудить войска повсеместно обратить свое оружие против законных правительства и военного начальства...

Хаджумар слушал прокурора и думал о том, что

сейчас, будь он на свободе, вел бы революционную работу иначе, умнее и изобретательнее, с большим размахом и каждую минуту помнил бы о конспирации, и не удалось бы тогда жандармам так скоро напасть на его след. Не зря говорят о тюрьме, как об университете. Да, она строго проверяет революционера, заставляет его без всяких скидок оценивать сделанное, наверное, поэтому так остро в нем желание новых схваток с царизмом, новых классовых боев, так велико нетерпение приблизить час желанной свободы.

— Члены организации, — продолжал рокотать красивый баритон прокурора, — завязывали связи с нижними чинами, привлекая их к сознательному участию в своем преступном сообществе. И я требую наказать их со всей строгостью закона и согласно статьям сотой и сто второй осудить на каторжные работы сроком на десять лет.

Адвокат произнес пылкую речь, убеждая судей в снисходительности, но такие слова, очевидно, были привычны для членов суда: они почти не слушали их, листали бумаги, переговаривались и не замолкали, когда председательствующий делал предостерегающий жест. Это лишний раз убедило Хаджумара, что суд только утверждает вынесенные заранее приговоры.

Получив последнее слово, Хаджумар воскликнул:

— Я, как и мои товарищи, не признаю ваш суд, который фактически является расправой над нами! Наша судьба была решена заранее царскими жандармами, а здесь только видимость законности. Наступит время — и мы поменяемся местами. Народ будет судить своих угнетателей, и возмездие это будет суровым и справедливым! — При последних словах прокурор выпрямился, с его лица сползла равнодушно-брзгливая мина, оно стало твердым и жестким, с непримиримой ненавистью блеснули глаза, впились в Хаджумара.

После перерыва председатель суда зачитал приговор...

— «... Выслушав обстоятельства настоящего дела Кавказский военный окружной суд признал виновным Харитона Гетоева и других в том, что в городе Тифлисе, состоявшем на военном положении, они входили в состав преступного общества, присвоившего себе наименование «Тифлисской организации Всероссийского

военного союза», поставившего целью своей деятельности насилиственное, путем вооруженного восстания народных масс и войск, ниспровержение существующего в России государственного строя с заменой его народовластием. Для достижения целей указанного общества, заведомо сообща и совокупными силами в январе, феврале, марте и апреле месяцах 1909 года, образовав организационное бюро, пропагандировали среди низших чинов Тифлисского гарнизона революционные идеи, завязывая сношения с ними, снабжая их преступного содержания литературой, а равно организовывая их в районные кружки...

Занимались выдачей явок членам сообщества, а также выдачей видов на жительство лицам, скрывающимся от властей, составляли возвзвания и печатали их на гектографе, поддерживали связь с партией социалистов-революционеров и с другими противоправительственными организациями, причем доказано, что Гетоев проявлял в указанных действиях более твердости, энергии и настойчивости, чем другие члены общества...»

Хаджумара приговорили к каторге сроком на шесть лет, при утверждении приговора каторгу заменили ссылкой на поселение в Туруханский край на тот же срок. Царские жандармы справедливо считали, что Сибирь та же тюрьма, только без видимых решеток и сторожевых башен, и убивает она так же верно, как и каторга.

Но отправили Хаджумара на поселение лишь через полгода после вынесения приговора, под разными предлогами держали его то во Владикавказской окружной тюрьме, то в Метехском замке. Хаджумар надеялся на побег по дороге в ссылку или сразу же, как только доставят на место поселения. И потому ему был дорог каждый день теплого времени, и он теперь мучительно переносил тяготы тюремной жизни, к которым вроде бы привык. Хотя тюремщики и не упускали возможности проявить свою власть, а точнее, произвол над строптивым, по их понятиям, арестантом. И Хаджумара часто наказывали то за то, что не так ответил надзирателю, то за то, что якобы плохо вымыл пол в камере, то за то, что слишком близко подошел к окну, то за то, что не вовремя поднял койку к стене. Доведенный этими издевательствами до предела, Хаджумар стал мечтать о ссылке, как об избавлении.

Однажды в предрассветный час в коридоре послышался шум, залязгали засовы камер, заскрежетали замки.

— Кто к отправке на этап, выходи! — приказал сонным голосом надзиратель. Хаджумар попрощался с товарищами и вскинул на плечо холщовый мешок с бельем, сухарями и чайником, не оглядываясь, вышел в коридор.

С криком и руганью начальник конвоя построил этапную партию, приказал солдатам тщательно осмотреть вещи ссыльных и обыскать их самих. Солдаты бесцеремонно вытряхивали на землю узлы и мешки, рылись в вещах, так же грубо обыскивали арестантов. Когда эта тягостная процедура закончилась, каждую пару этапников сковали наручниками и вывели на тюремный двор. Хаджумар вздохнул полной грудью, улыбнулся солнечному утру: начиналась новая жизнь, и, кто знает, может, она сулит свободу.

Раздалась команда: «Попарно становись!» И конвой тесно окружил этап, на оголенных клинках шашек, на штыках винтовок ослепительно сверкнуло июльское солнце. Под мерный и унылый звон кандалов партия медленно зашагала к вокзалу. Улицы города были пустынны, но кандалый звон, окрики конвоя прогнали сон. Захлопали окна, на тротуарах появились люди, они улыбались, махали приветственно руками, желали доброго пути, некоторые смело приближались к колонне и, несмотря на угрозы солдат, совали арестантам еду. У Хаджумара сжалось сердце, когда он увидел, как горестно, со слезами на глазах глядят им вслед сердобольные женщины.

Невдалеке от арестантского вагона стояли три девушки, они беспокойно приподнимались на цыпочки и с надеждой выглядывали тех, кого пришли проводить в дальнюю скорбную дорогу. Хаджумар невольно подумал и о Зине, и о Юлии. Если бы Зине был известен день и час, когда отправят этап, она пришла бы обязательно. Но этап всегда отправляют в строжайшей тайне, чтобы не знали родственники и товарищи арестантов. Юлии тоже предстоит ссылка, и вряд ли они в ближайшие десять лет увидятся. А жаль, что так коротки были встречи, когда можно было поговорить не о делах... А годы ссылки изменят и его, и его друзей...

Поезд лязгнул буферами и медленно двинулся на север. Хаджумар устроился на верхней полке, мимо зарешеченного окна проплывали горы, поля, пастбища. Иногда колеса гулко громыхали по мосту через реку. Никто не знал, через какие города пройдет этап, долгий и трудный...

В одном отделении с Хаджумаром разместился молодой арестант по имени Игнат. Быстрым окающим говорком он рассказал, что осужден за агитацию на фабрике, сидел в Вологодской тюрьме, бежал из пересылки, поймали и приговорили к десяти годам поселения на Лену. Игнат не мог усидеть на месте, то вскакивал, то садился, вытянув шею, неотрывно смотрел в окно. Несколько сильным голосом громко запел:

В Си-бирь жесто-ку-ю да-ле-ко
Су-дом я в ссы-лку осу-жден...

Но словно угадав настроение и мысли Хаджумара, резко оборвал свою мрачную песню и затянул новую:

Опускается ноченька темная,
Хороша эта ночка в лесу.
Расступнися решетка железная,
Я неволи в тюрьме не снесу...
Забилось сердце тревогою,
Застучали в стене кирпичи...
Уже близко так веет свободою,
Эй, ты, сердце, не громко стучи...
Подалася решетка железная
И упала на земь, не стуча,
Не услышала стражи тюремная.
Эй! Теперь не догнать вам меня!

Смолкли разговоры в вагоне, все слушали певца, и, наверное, в сердце каждого просыпалась и крепла надежда на счастливый побег. И едва песня кончилась, как конвойир хрипло крикнул: «Эй, ты! Замолчи, немедленно! Распелся, соловей арестанский!»

Стояла июльская жара, в раскаленном зноем вагоне было нестерпимо душно. На станциях конвой отгонял от вагона людей, пытавшихся передать крынки с квасом, разную снедь. Воды давали мало, и арестанты, измученные жарой и жаждой, порой впадали в забытье. Поэтому не было слышно ни споров, ни тихих бесед, люди молча валялись на нарах, сухой горячий воздух царапал горло, с трудом шевелился язык, шершавый,

как наждачная шкурка, выталкивая односложные слова: «пить! воды!» Но конвойные не обращали внимания на их страдания, на все просьбы отвечали пьяными угрозами применить оружие. Не спала жара и когда поезд медленно тащился по Зауралью. И только невдалеке от Красноярска внезапно налетел долгожданный ливень, потоки воды с шумом бились в окна, громыхали по крыше. Дождь, словно живая вода, влил в людей силы, и даже те, кто давно не поднимался с нар, сейчас встали и прильнули к окнам, по которым бежали тугие струи. Изумрудно зеленели омытые дождем леса, мягко светилась чуть заметная желтизна спевающих хлебов. За вагоном своим чередом шла жизнь, горькая и трудная, но вольная, без кандалов и конвоя. И сердце Хаджумара загорелось нетерпением — скорей, скорей крутись колеса, каждый ваш оборот, может, приближает его к желанной свободе.

С плеч будто сползала неимоверная тяжесть: в ссылке не может быть хуже, чем в проклятых Метехах. Ссылка — это верный шанс на побег и, как бы ни велика была Сибирь, можно преодолеть ее пространства и вырваться на волю. С этими мыслями Хаджумар отправился из Красноярской пересыльной тюрьмы к месту своего поселения в таежное село Шелаево. Оно находилось в Канском уезде Енисейской губернии, двести верст глухой тайги отделяли село от железной дороги. В жизни Хаджумара начиналась новая полоса и длилась она долгих шесть лет, нечеловеческие лишения и удивительное мужество наполняли эти годы надежд...

Глава восьмая

В турханском „рае“

«Бог создал рай, а черт — Туруханский край» — эту пословицу Хаджумар услышал, когда из Красноярской пересыльной тюрьмы шел по Енисейскому тракту. С каждой верстой углублялся он в бескрайнюю, еще полетнему зеленую тайгу, все реже встречались крошечные деревеньки в десяток-полтора дворов. Шесть лет ссылки в воображении растягивались в десятилетия, Хаджумар понимал, что жизнь ссыльного похожа на мелкую илистую реку. Нет, такая жизнь не для него.

Хаджумар шел к месту своего поселения, а сам настойчиво думал о побеге из этих гибких мест: он был уже наслышан о том, как недоедание, болезни, а потом хандра подрывают силы ссыльного.

Полупьяные стражники плетками подгоняли тех, кто отставал. Хаджумар шел в первой паре: он не мог допустить, чтобы его ударили. Видно, в глазах его была такая решимость, что стражник, замахнувшись однажды, так и не посмел его тронуть и, бормоча себе под нос ругательства, погнал коня прочь. Звон кандалов и прерывистое, запаленное дыхание людей, ржание лошадей, брань распустившихся стражников сопровождали этап. Хаджумар думал о том, что в первую очередь, как только он дошагает до этой глухой деревеньки Шелаево, пойдет на почту и через Главное тюремное управление постараится узнать, где отбывает ссылку Юлия Закусилло. Он слышал, что ее тоже должны отправить в Енисейскую губернию, которая так велика, что на ее территории могло бы разместиться пол-Европы, и самому искать Юлию — все равно что пытаться найти иголку в стоге сена. Хаджумар надеялся, что ссыльные помогут ему в его поисках, есть, наверное, у них связь между деревнями...

Огромное багровое солнце неподвижно повисло над горизонтом, воздух был насыщен испарениями непрходимых болот, тучи комарья и гнуса облепили ссыльных, и нет от этого спасения. На фоне огненного неба вдали на косогоре показалась деревенька. Ею и оказалось Шелаево, приютившееся на левом берегу Бирюсы. Берег реки черен и пустынен, кое-где у воды рыбачьи лодки, сети, развешенные для просушки. Жалкие избенки растянулись по берегу в один ряд, словно направились в дальний путь. Вот тут и предстояло Хаджумару отбывать срок ссылки. Поселился Хаджумар в приземистой избе с горбатой, как спина худого верблюда, крышей. Через щели в стенах дул ветер, единственное оконце было заткнуто каким-то мешком. А ведь скоро осень, а там и зима, все утонет в сугробах, с гулом будут трескаться деревья от мороза, и тоскливо выть метели.

В первые недели местные жители недружелюбно смотрели на Хаджумара, за своей спиной он не раз слышал, как его называли чеченцем, разбойником, опа-

сались, видно, что конокрад. Стороной обходили его парни и девушки, хотя в их глазах он видел искреннее любопытство, даже псы и те лаяли на него особо напористо и злобно.

С помощью других ссыльных Хаджумар привел в порядок избушку, прокопатил щели мхом, вымыл стены внутри, заготовил на зиму дров. У него не было теплой одежды, и это его сильно тревожило. Исподволь Хаджумар перезнакомился со всеми местными жителями, «чалдонами», как они называли себя. Узнав, что он учитель и арестован не за грабеж, а за политику, они изменили к нему отношение, попросили обучать грамоте ребятишек. Небольшой заработка окказался кстати: на то пособие, которое выдавала полиция, можно было жить лишь впроголодь. Хаджумар понимал, что побег может быть успешен, если он хорошо изучит не только окрестности Шелаева, но и наиболее безопасный путь к Канску или Красноярску. А для этого он часто плавал с рыбаками по Бирюссе, расспрашивал ссыльных старожилов, и постепенно в его голове созревал план побега, учитывавший и горький опыт неудач других.

Наступила осень, все чаще со стороны Ледовитого океана дули сильные холодные ветры, и наконец пришел день, когда в воздухе закружились первые снежинки, предвестники долгой сибирской зимы. Осеннее низкое небо, казалось, цеплялось за верхушки леса, давно улетели в жаркие страны караваны птиц, безголосая, хмурая тайга нагоняла тоску, и Хаджумар чувствовал, как трудно противостоять ей. Вместе с Хаджумаром в избушке поселилось еще двое ссыльных, осенние вечера коротали то в мирных беседах, то в жарких спорах о том, скоро ли наступит в России новый подъем революционного движения. Правда, спорили всегда лишь Пауэл и Хаджумар, а третий, Анисим, неизменно отмалчивался, с улыбкой глядя на раскрасневшихся товарищей.

— Ей-богу, вы похожи на молоденьких петушков, которые едва оперились, но так и хочется им подраться, так и клюют друг друга, лишь пух летит в стороны, — добродушно посмеивался Анисим.

Петербургский мастеровой Анисим был осужден безвинно, и нигде и никому не мог этого доказать. И хотя осужден он был по статье «за политику», от политики он был далек, попросту не интересовался ею, и

на все попытки товарищей втянуть его в разговоры на политические темы, отмахивался обеими руками, при этом смущенно краснел и взыхал.

Латыш Пауэл немного разбирался в медицине, а потому крестьяне обращались к нему за помощью и как к фельдшеру, и как к ветеринару. Хаджумар частенько подшучивал над ним: «Пауэл, ты ведь одинаково лечишь, что людей, что скотину, одни и те же снадобья прописываешь и тем, и другим».

Пауэл каждый раз на это оглушительно хохотал и говорил:

— Пока я жив, вы не помрете с голоду. Благодарные пациенты вместо врачебного гонорара дают мне кто кусок мороженого мяса, кто каравай хлеба, кто фунт соли. Бог даст, перезимуем благополучно, а весной должно же что-нибудь измениться в нашей жизни.

Нежданной радостью было для Хаджумара известие о том, что Юлия Закусилло отбывает ссылку в селе Абан Канского уезда. Сначала он хотел самовольно уйти туда, чтобы увидеться с ней. Но товарищи отсоветовали, и было бы это действительно опрометчиво. Надзиратель мог сообщить начальству о самовольном уходе, как о побеге, и тогда неминуем суд и каторга. Хаджумар послушался друзей. Долгие месяцы, всю зиму и начало весны заняла переписка Хаджумара с полицейскими властями. Дело решилось лишь после того, как пристав, под наблюдением которого находилась Шелаевская волость, послал Канскому уездному исправнику рапорт:

«Проживающий в селе Шелаево ссыльнопоселенец Харитон Николаев Гетоев обращается ко мне с усиленной просьбой о перемещении его в село Абан, мотивирует свою просьбу тем, что там проживает на поселении его невеста Юлия Закусилло. Означенная мотивировка мною была проверена путем расспросов надзирателей, ездивших в село Абан, которые удостоверили, что действительно там проживает означенная ссыльнопоселенка. Принимая во внимание, что за время вдоворения в места поселения Гетоев не совершал ничего такого, чтобы заслуживало порицания, я полагал бы возможным удовлетворить просьбу Гетоева, о чём и ходатайствую перед вашим высокоблагородием о таком разрешении. Пристав пятого стана Кондрюкин».

Не так часто бывают свадьбы в ссылке, именно поэтому друзья постарались порадовать молодоженов, которые, несмотря на все испытания и лишения, сохранили в чистоте свое чувство. За скромным праздничным столом не раз вспоминали жен декабристов, и не мало тостов было сказано в честь самоотверженной любви женщины революционерки.

Юлия смотрела на Хаджумара, на друзей счастливыми глазами, и почему-то все виделось в туманной дымке, она растроганно прижималась к плечу мужа. Хаджумар любовался Юлией: «Сильно она похудела, так, кажется, и светится насквозь, — думал он, огорченный тем, что не в состоянии поправить ее здоровье. — Никогда не предполагал, что в этой травинке таится такая сила». И только теперь он понял, почему так тосковал, места себе не находил последний месяц, — не мог дождаться встречи с ней. И как только он в сопровождении стражника приехал в Абан, это гнетущее чувство прошло, как будто его и не было никогда, а в сердце, полном любви к самой чудесной девушке на свете, исчезла щемящая боль. Счастье и покой царили теперь в душе Хаджумара, и ему хотелось видеть всех своих друзей радостными.

Хаджумар поднялся с места и призывающе постучал вилкой по своей кружке, не скоро стих гомон и смех, он терпеливо дождался, когда наступила тишина, и сказал:

— Было время, когда люди, особенно в наших краях, говорили: «Не жди верности от коня, меча своего и от жены». Наверное, конь может споткнуться, а меч затупиться. Но жизнь меня убедила в том, что жена, женщина может быть олицетворением верности и преданности. И я хочу во всеуслышание сказать, не в обиду другим, что именно такая и есть моя жена! И несмотря ни на что, я считаю себя счастливым, что судьба одарила меня такой женой и подругой.

Гости дружно захлопали и в один голос крикнули: «Горько! Горько! Горько!»

Хаджумар нежно обнял Юлию, и как путник, томимый жаждой припадает к роднику, так и он припал к чуточку пухлым и горячим губам Юлии...

Неделя, отпущенная Хаджумару на устройство личных дел, пролетела как миг, после долгих уговоров над-

зиратель разрешил ему пробыть в Абане еще неделю. Каждый день Юлия и Хаджумар уходили в тайгу, которая начиналась сразу за деревенской оконицей. Они отыскивали укромную полянку, сплошь покрытую неведомыми им яркими цветами, и целыми часами не сводили друг с друга глаз. Небесная синева, сияющая и безмятежная, отражалась в глазах Юлии, и как по небу проплывают облачка, так и по ее лицу порой проплывала грусть. Хаджумар знал, что скорая разлука омрачает их счастье, но был бессилен что-либо изменить. Накануне отъезда Хаджумар и Юлия ушли на речку Усолку, которая протекает невдалеке от Абана. Хаджумар наловил рыбы, а Юлия по рецепту, узнанному от старожилов, сварила в небольшом котле уху.

Хаджумар долго не решался начать разговор о своем побеге. Хотя теперь это особенно волновало его. Побег был возможен лишь с согласия Юлии, и Хаджумар мучительно искал слова, которые бы не обидели ее. Но ее сердце, видно, уловило терзания Хаджумара, и Юлия сама пришла ему на помощь.

— Хаджумар, я догадываюсь, что ты мне хочешь сказать, — первой начала Юлия трудный для них разговор. — Здесь в Абане я расспрашивала ссыльных о всех побегах, успешных и неудачных. Из их рассказов я поняла главное: чтобы совершил побег из Туруханского края, нужно прежде всего хорошо подготовиться, запастись надежными документами, деньгами, провизией. Нужно ко всему быть очень выносливым, чтобы пешком или на лодке преодолеть сотни верст по тайге. Немало смекалки нужно, чтобы миновать полицейские посты в деревнях, расположенных поблизости от железной дороги. Именно там чаще всего беглецы и попадают в засады...

— Да, я слышал об этом, — подтвердил Хаджумар, обрадованный тем, что и Юлия тоже одобряет его намерение. Растроганный, он поцеловал жену. — Ди-дина¹, бесценная моя, спасибо тебе за все. Прежде чем бежать, я хорошо подготовлюсь, я понимаю, что и деньги и паспорт в наших условиях добить нелегко, здесь можно надеяться только на помошь товарищей. Ну а выносливости мне не занимать...

¹ Ди-дина — цветок.

— Я попробую достать тебе незаполненную паспортную книжку, — пообещала Юлия. — Кое-кто из абанских ссыльных имеет надежную связь с Россией, и я уверена, что нам окажут посильную помощь. Нужно только выбрать очень удобный для побега момент... Сейчас в связи с ленскими событиями по всей Сибири усилен полицейский надзор, особенно придирчиво проверяют на железной дороге и на речных пристанях...

— Я не этим летом собираюсь бежать, у меня ведь ничего не готово, — с грустью сказал Хаджумар. — А Россия опять пробуждается, опять начался революционный подъем, и наше место с тобой там, слышишь, Юлия, мы должны бежать вместе...

— Я согласна, — коротко ответила она... — Но для этого нужно, чтобы ты жил в Абане. Ты видел, какая здесь сильная колония ссыльных, взаимная выручка и поддержка очень облегчает нашу жизнь.

— Я буду хлопотать о переводе в Абан, — сказал Хаджумар. — Но разрешить это может только тюремное отделение Енисейского губернского управления...

И снова село Шелаево. Незаметно ушло короткое лето, северные ветры пригнали табуны серых туч, из которых дни и ночи напролет то лился холодный дождь, то сыпалась снежная крупа. Вторую зиму встречал Хаджумар в маленькой деревеньке, вся жизнь ссыльного видна здесь, как на блюдце. Осенняя распутица оборвала все связи с внешним миром, и Хаджумар особенно остро переживал то, что нет почты. Он с нетерпением ждал сибирских морозов, когда откроется санный путь. Прошение за прошением писал он Енисейскому генерал-губернатору, чтобы разрешили ему проживание с семьей в селе Абан. Но бюрократическая машина работала особенно медленно, когда это касалось просьб и нужд ссыльного. Целые месяцы уходили на решение совсем несложного вопроса.

И наконец однажды вечером, когда Хаджумар, готовясь на ночь, носил в избу дрова и воду, к дому стражника, звеня колокольчиками, подкатила почтовая тройка. Два месяца не было почты — и вот она громоздится на столе надзирателя. Хаджумар с жадным нетерпением обшарил глазами засургученные казенные пакеты, на его прошение не было ответа, но к великой

радости он получил сразу три письма от Юлии. И пока почтальон отдыхал, Хаджумар спешно писал ответное письмо, чтобы тут же отправить его.

«Родная моя, любимая! Дицинаг, душа моя. Только что получил твои письма. Сколько в них тепла и ласки, и любая стужа не кажется такой страшной. Так хочется быть вместе, но это пока только мечта. И сегодняшняя почта не доставила ответа на мои прошения. Отмалчивается губернатор.

Все мои мысли сейчас занимает одно — что я могу дать тебе и нашему сынишке (я уверен, что родится именно сын), когда я так далеко от тебя. И лишь одна надежда, что жизнь может измениться к лучшему, не дает мне впасть в полнейшее отчаяние. Мне горько и обидно, что я не смогу увидеть нашего сына сразу, как появится он на белый свет. Невыразимо тяжело мне от мысли, что на тебя обрушится масса житейских невзгод, а меня не будет рядом.

Я часто в душе говорю с тобой, и у меня появляется ощущение, что я виделся с тобой, слышал твой голос, видел твои прекрасные глаза. И вряд ли я смогу передать на бумаге все свои переживания и думы, вызванные разлукой. Я знаю, как тяжела она для тебя, и лишь вера в то, что наступят светлые дни, пересиливает тоску по тебе. Кругом столько горя, что руки чешутся от желания изменить все это, и я подхлестываю время, чтобы быстрее наступила такая возможность. По-прежнему уверен, что наша мечта сбудется, когда мы окажемся вместе. С этой почтой посылаю тебе и другие письма, написанные мною ранее. В некоторых ты увидишь, что я хандрил, не обращай на это внимания: вызвано тягостной осенью, тогда кругом все было темным, и тайга, и небо, и воды Бирюсы. Тоскливая тишина нарушалась лишь воем ветра да шумом и скрипом деревьев. И даже птицы, будто жаловались на одиночество и бесприютность, кричали отчаянно громко. Уныние наступила непролазная грязь и сырость. Но настроение это позади. И сейчас я отсчитываю дни, когда наступит весна. Я верю, она принесет нам радость. Крепко, крепко целую, твой Хаджумар».

Предчувствие Хаджумара сбылось: сильно запоздавшая в тот год весна принесла одно за другим два радостных известия, сначала от Юлии — родился сын!

Потом от канского уездного исправника: «*Ссыльнопоселенцу Гетоеву разрешено проживание совместно с семьей в селе Абан*». Сына своего Хаджумар назвал Керменом, в честь легендарного героя осетинского народа, боровшегося против власти алдаров.

Село Абан считалось ближним поселением, всего в шестидесяти километрах от Канска, через который проходила Транссибирская железная дорога, это давало возможность ссыльным держать связь с Красноярском, с Томском и другими городами Сибири, быть в курсе политических событий страны. И очень скоро к молодым супругам Гетоевым потянулись абанские ссыльные. Привлекал и сам хозяин дома, веселый и темпераментный, возле которого человек словно отогревался, и маленький Кермен, напоминая своим бессвязным лепетом оставшихся где-то далеко детей. Словом, люди тянулись к давно забытому уюту семьи. Но самая тесная дружба связывала Хаджумара с большевиком Николаем Коростелевым, который, отбыв четырехлетнюю каторгу, поселился в Абане теперь на пожизненную ссылку.

Николай был почти ровесником Хаджумара, во многом оказались схожи и их судьбы. Жена Коростелева, Мария Вохмина, тоже профессиональная революционерка, по одному процессу с Еленой Стасовой и Суреном Спандаряном была осуждена на поселение в Сибирь. Жили одним домом. Коростелев подолгу беседовал с Хаджумаром и вскоре убедился, что у Хаджумара недостаточна теоретическая подготовка и именно поэтому он ошибается в оценке происходящих политических событий, в расстановке классовых сил. Исподволь, ненавязчиво Коростелев расширял кругозор Хаджумара, давал ему ленинские работы из тайной библиотеки ссыльных. Разговоры нередко переходили в споры, но Коростелев, прошедший школу подпольной борьбы в крупных промышленных центрах и твердый большевик по убеждениям, всегда одерживал верх.

— Умение эрудированно, доказательно вести полемику, — заметил как-то Коростелев Хаджумару, — большевику также необходимо, как математику знание арифметики. Рабочие и крестьяне должны видеть, на чьей стороне правда, кто борется за эту правду, а кто стремится затушевать ее. Революционные события на-

растают, а потому неизбежны новые схватки не только с царизмом, но и с нашими идеяными противниками — меньшевиками и эсерами. И чтобы бить их наверняка, наповал, мы, большевики, должны хорошо знать теорию марксизма, умело ее увязывать с практическими потребностями классовой борьбы. Откровенно скажу тебе, Хаджумар, есть еще в твоей голове путаница, не прошло бесследно то, что ты в далекой юности якшался с эсерами. Сейчас ты на большевистских позициях, но тебе еще нужно выработать абсолютную последовательность...

— Я думаю, мы с этим справимся, — смеясь, сказала Юлия, — и Мария, и ты, Николай, и я выступим единым фронтом. Так ведь?

— Да что вы на меня ополчились, — смущенно отнекивался Хаджумар. — От прошлых грехов я отрекшись навсегда. Другое дело — оказывается моя оторванность за время ссылки от живой революционной работы.

— Это дело поправимое, — заметила Мария Вокмина. — Как только вырвемся отсюда, сразу же окунемся в самое пекло. А пока всем нам полезно, благо что есть досуг, подковывать себя теоретически. Николай верно говорит. Ведь сейчас, судя по ленским событиям, в революционную борьбу вовлекаются все новые и новые массы, для многих опыт пятого года известен лишь понаслышике, значит, нам предстоит воспитывать людей с позиций марксизма и большевизма...

Когда болота и реки сковали первые сибирские морозы, Хаджумар был полностью готов к побегу. За две зимы, проведенные в Сибири, он научился ходить на лыжах, как прирожденный охотник-чалдон. Друзья помогли документами и снаряжением. Но приготовления его не укрылись от глаз полицейской агентуры, канский уездный исправник рапортовал в Енисейское губернское жандармское управление: «Ссыльнопоселенец Харитон Николаев Гетоев, высланный по суду на шесть лет за противоправительственную агитацию, выразившуюся в призывае к вооруженному восстанию, предполагает в самом непродолжительном времени из мест ссылки бежать. Агентурные сведения о Гетоеве высланы нарочным».

И снова — вдвое томительная дорога в Шелаево, куда вез Хаджумара полицейский конвой, снова разлука с семьей. Смогут ли они прожить без его помощи? Хаджумар был в отчаянии. Два года готовился он к этому побегу, и отказаться от задуманного теперь он уже не мог. А надзор становился все жестче.

За новую попытку к побегу, обнаруженную стражниками села Шелаева, Хаджумара отвозят в совершеннейшую глушь — деревеньку Кондратьево, затерявшуюся в бескрайней тайге.

«Напрасно жандармы тешат себя надеждой, что, упрятав сюда, они меня сломили. Нет!..» — думал Хаджумар. Усыпив бдительность стражников примерным поведением, Хаджумар бежал из Кондратьево в самый разгар жестоких декабрьских морозов. Три месяца он пробивался к железной дороге, но безуспешно: жители прилегающих деревень, запуганные полицией, наотрез отказывались помогать беглецам, а порой и выдавали их властям. Не смог Хаджумар проникнуть и в Канск, где у него были друзья, которые помогли бы ему бесследно покинуть Сибирь. «Я стоял на пороге свободы», — скажет он позднее с горечью Юлии. После изнурительных скитаний, Хаджумар решил пробраться в Абан, тоска по семье измучила его окончательно.

Когда поздним февральским вечером через порог шагнул заросший обмороженный мужчина и простуженным голосом попросил пить, ни Юлия, ни Мария Вохмина не узнали в нем Хаджумара.

А Хаджумар, сознание которого было на волоске, и серая пелена застилала глаза, ничего не видел в полутемной комнатке, кроме освещенного коптилкой лица Юлии, кормившей Кермена. «Дидинааг, это я», — еле шевеля распухшими губами, проговорил он. Мария едва успела подхватить из рук Юлии Кермена — в полуబеспамятстве сползла она на пол и лепетала беспомощно:

— Я думала, нет в живых... Сюда приходила полиция... господи, какое счастье...

Хаджумар бросился к Юлии, прижал ее к себе, от волнения язык не повиновался ему, и он с трудом выговорил:

— Успокойся, родная, я дома, и все будет хорошо. По совету друзей Хаджумар решил объявиться влас-

там, чтобы тем самым избежать судебного преследования. Жандармы не преминули отомстить непокорному ссыльному, «склонному к побегам», и, разлучив Хаджумара с семьей, поселили в самый глухой и отдаленный станок Пинчугской болоти. Только после многомесячных хлопот Юлии и Хаджумара им разрешили жить вместе в селе Рыбном, конечной точке поселения. Условия здесь были тяжелейшими, и единственное, что скршивало тяготы жизни, — общение с единомышленниками. В Рыбном была целая колония ссыльнопоселенцев и среди них Елена Стасова и Илья Белопольский¹. Дружеская их поддержка помогала Юлии и Хаджумару побороть отчаяние, которое охватило их после смерти дочери.

Были у ссыльных Рыбного и свои радости. Никто не забыл бы из них маевку в тайге, устроенную в 1914-м. Полянку выбрали на горушке: откуда можно было наблюдать за деревней и лесными дорогами, чтобы стражники не застали врасплох. Ссыльные знали, что пристав получил строгий приказ «пресечь» всякую первомайскую демонстрацию и, если необходимо, силой разогнать «сборище». Поэтому, чтобы не привлекать внимания стражников, поодиночке направлялись в тайгу и в обход пробирались к поляне. Собрались все ссыльные, около сорока человек. На деревьях укрепили кумачовые флаги и лозунги. Маевку открыл Илья Белопольский короткой и страстной речью.

Хаджумар и Юлия, взволнованные всем происходящим, внимательно слушали своих новых друзей, многие из которых были из центра, и их отточенное ораторское мастерство вызывало у них восхищение. С горушки хорошо было видно, как заметались стражники, когда до села из тайги донеслись революционные песни: «Смело, товарищи, в ногу», «Красное знамя», «Беснуйтесь, тираны». Стражники бросились на поиски маевки, но опоздали: ссыльные неприметными тропками вернулись в село. Пристав попытался провести дознание, но вынужден был отступить перед единством ссыльных, да и улик вещественных в его руках не оказалось.

Когда возвращались домой, Хаджумар сказал Юлии:

¹ Большевик с 1905 года, впоследствии возглавлял Красноярский ревком, в 1918 году расстрелян белогвардейцами.

— Напрасно жандармы тешат себя надеждой, что, сослав в далекую Сибирь сотни и сотни революционеров, они сослали саму революцию. Ни ссылка, ни тюрьмы, ни каторга ее не удержат! И я чувствую, что она приближается. И мысль о том, что в это время ты проваешь здесь, в туруханской глуши, не дает покоя ни днем, ни ночью.

— Ты словно подслушал мои мысли, — призналась и Юлия. — Сейчас, на маевке, я еще раз убедилась, какая неодолимая сила революционеры. И никакие полицейские расправы не в состоянии погасить революционный пожар! Если снова бастуют тысячи рабочих Петербурга, Москвы и других промышленных городов, значит, близок взрыв... Как хочется быть сейчас в России!

Неподалеку, в селе Иннокентьевском, отбывал ссылку Сурен Спандарян, член ЦК партии большевиков, избранный два года назад, на Пражской конференции. На следующий день после маевки Илья Белопольский пригласил Хаджумара навестить его.

Хаджумар перешагнул порог дома Спандаряна и увидел посредине комнаты изнемогающего от кашля очень худого человека. Приступы повторялись, говорить он не мог, лишь махнул рукой, чтобы садились. В комнату с каким-то питьем торопливо вошла женщина, Илья поздоровался с ней и представил Хаджумара. Вера, жена Спандаряна, пригласила Илью и Хаджумара сесть и напоила мужа. От микстуры мало-мало кашель утих. Сурен сидел ослабевший, вытирая пот со лба. Все это время Хаджумар внимательно рассматривал Спандаряна, и это не укрылось от глаз хозяина.

Выбрав момент, Хаджумар сказал:

— Я с вами встречался, товарищ Тимофей, в Баку, летом восьмого года.

— То-то вы меня так пристально разглядывали, — засмеялся Сурен. — Память на лица у меня неплохая, и я сейчас вспомню. Вы тогда приехали откуда-то с Волги, по-моему, из Казани, и я дал вам явку в Тифлис.

— Все верно, — подтвердил Хаджумар. — По этой явке я там проработал сравнительно недолго, чуть больше полгода, а потом охранка напала на наш след...

— Наверное, не обошлось без провокации, — вы-
сказал предположение Сурен, — тифлисские жандар-
мы большие мастера по этой части. Меня, например,
выдал провокатор, журналист Кобяков, он же раскрыл
тифлисскую организацию большевиков, в итоге я по-
лучил пожизненную ссылку в Сибирь. И больше всего
мне обидно, что здоровье сдает, а жандармы делают
все, чтобы я не получал врачебной помощи. Помнит-
ся, — обратился Сурен к Хаджумару, — в то далекое
время вы были на распутье между большевиками и
эсерами и, размахивая руками, доказывали, что такти-
ка эсеров более подходит к условиям спада революци-
онной борьбы. Такие глупости как-то надолго запоми-
наются, — засмеялся Сурен, но, заметив, что Хаджу-
мар нахмурился, сказал: — Я не хотел вас обидеть,
надеюсь, вы избавились от этих заблуждений...

— Если он пришел со мной, — сказал Илья, — ты
сразу должен понять, с кем он идет в ногу. Хаджумар
в Абане попал в руки Коростелева, так что хочешь не
хочешь, а большевиком станешь.

Все дружно расхохотались, и охотнее других сме-
ялся Хаджумар, хотя минуту назад он готов был про-
валиться сквозь землю, когда Сурен напомнил ему
грехи молодости. Хаджумар удивлялся неукротимому
духу Сурена, как видно, больного безнадежно.

Прошаясь, Сурен сказал:

— Мы с вами слышим отдаленный гул новой ре-
волюции, это пока первые толчки вулкана. Он скоро
прорвется и так, черт возьми, тряхнет, что полетит
вверх тормашками русское самодержавие. И мне хочет-
ся лишь одного — дожить до этого дня, самому прило-
жить руку к этому взрыву...

Но не суждено было увидеть Сурену светлый день
революции. Царизм убил его тюрьмами и ссылкой. Без-
временная смерть Спандаряна была большой потерей
для партии.

Два с половиной года прожили Хаджумар и Юлия в
Рыбном, здесь их застала весть о Февральской рево-
люции.

Ранним мартовским утром, когда на улице едва за-
брзжили рассветные сумерки, в дом Хаджумара вор-
вался сосед-ссыльный и закричал во весь голос:

— Друзья! В Петрограде рабочие и солдаты скинули

Николашку, все его министры арестованы, создана новая революционная власть. Россия стала свободной республикой, а мы свободные граждане!

Глава девятая

Декабрьский гром над тайгой

Поздним вечером в Канский Совет прибежал взволнованный телеграфист. Прерывисто дыша, как загнанная лошадь, он протянул председателю Совета Коростелеву телеграмму, тот быстро прочел ее, и лицо его помрачнело. Председатель Центросибири¹ Шумяцкий извещал о контрреволюционном мятеже в Иркутске и просил в самом срочном порядке прислать отряд вооруженных красногвардейцев.

Коростелев немедленно созвал исполком. Один за другим в облаках пара перешагивали порог небольшой, жарко напопленной комнаты члены исполкома. Шумно рассаживались, переговаривались, махорочный дым синими лентами заклубился под потолком. Коростелев обвел всех внимательным, нетерпеливым взглядом:

— Товарищи! В Иркутске Советская власть в опасности! Мятежное офицерье и юнкера начали братоубийственную войну, в городе идут бои. Нас просят о помощи, и я предлагаю послать сводный отряд солдат и красногвардейцев, командиром назначить Стремберга, помощниками Эйдемана и Гетоева, — он еще раз обвел взглядом напряженно застывшие лица. — Я вижу — все со мной согласны?

— Какая обстановка в Иркутске? — спросил озабоченно Эйдеман.

— Об этом в телеграмме Шумяцкого ничего не говорится, — ответил Коростелев. — Можно лишь догадываться, что нелегкая, если не стали тратить слова на описание обстановки.

— Надо сделать все возможное, чтобы за сутки, завтра к вечеру, сформировать отряд, обеспечить его вооружением и продовольствием. Задача нелегкая, особенно добыть железнодорожные вагоны и паровоз, — сказал Хаджумар. — Но для Иркутска дорог каждый час

¹ Центросибирь — ЦИК Советов Сибири.

и каждый штык. И мы не имеем права прохладиться, когда наши товарищи сражаются на баррикадах. Буржуазия и в Сибири перешла в наступление. У осетин есть хорошая пословица: «Если дружно навалиться, пошатнется и гора». Нам надо дать такой дружный отпор контрреволюционерам, чтобы навсегда отбить у них охоту посягать на завоевания революции. Я предлагаю создать отряд из добровольцев, людей преданных делу народа.

— Я согласен с Гетоевым, — поддержал Хаджумара Эйдеман, — как председатель Совета солдатских депутатов я беру на себя агитацию среди гарнизона. Правда, в нашем распоряжении считанные часы, если мы должны выступить завтра...

— О теплушках и продовольствии можете не беспокоиться, — заверил Коростелев. — Канский Совет вас ими обеспечит.

— Хороша веревка длинная, а речь короткая, — сказал Хаджумар, — и слова его покрыл раскатистый многоголосый хохот. Шутка сразу разрядила напряженную обстановку, вызванную телеграммой из Иркутска.

Молчавший до сих пор Стремберг сказал задумчиво:

— В Иркутске идут уличные бои. А у нас ни у командиров, ни у красногвардейцев и солдат нет такого опыта...

— А откуда ему быть? — прервал Стремберга чейто возглас. — На месте все будет видно, сейчас бесполезно заниматься гаданием, что да как. Вы, как офицер, знаете, что опыт добывается в боях. Идет решительная борьба между трудовым народом и буржуазией, и если мы будем рассуждать, — это мы не умеем, того мы не знаем, нам никогда не добиться победы над врагами революции. Мы учились и будем учиться в огне боев! И Гетоев правильно сказал о нашей силе — она в единстве.

Весь следующий день, с утра и до вечера, Хаджумар провел на ногах, то он выступал перед красногвардейцами, то приидично осматривал оружие, то разговаривал с машинистом, которому предстояло вести эшелон в Иркутск. И всюду он видел готовность протянуть руку братской помощи революционному Иркутску.

И лишь в запасном полку его встретили возбужденными криками: «Обещали мир, а сами гоните на войну. В Иркутске такие же солдаты, и мы не хотим воевать с ними. Почему не ведете переговоры?» Хаджумар долго и терпеливо разъяснял, что борьба идет не с иркутскими рабочими и солдатами, а с контрреволюционерами, захотевшими вернуть свои заводы, прииски и опять посадить на престол царя. После выступления Хаджумара полсотни солдат вступили добровольцами в Канский отряд.

Около полуночи закончилась погрузка отряда в вагоны. Добровольцы вооружены были только винтовками, в гарнизоне не нашлось ни одного исправного пулемета, и гранат мало. Но настроение у всех было приподнятое, из вагонов неслись песни. Хотя никто не загадывал, суждено ли ему вернуться назад. Юлия пришла провожать Хаджумара на вокзал. Она очень хотела быть вместе с ним, и Хаджумару не удалось уговорить ее остаться дома с малолетним Керменом.

Хаджумар успел махнуть несколько раз рукой, и маленькая, закутанная в оленью шубу фигура Юлии, уменьшаясь на глазах, исчезла в полночной темноте. Он постоял несколько минут на подножке вагона, ночной мрак прорезал сноп искр из паровозной трубы, тревожно стучали колеса. Хаджумар поднялся в вагон. Бойцы сгрудились вокруг раскаленной печурки. Стремберг и Эйдеман сидели за столом, на котором чадил огарок свечи, бросая неверные блики вокруг. Постепенно стихли разговоры, и все погрузилось в сон.

Хаджумар лежал на полке и никак не мог заснуть. В окно был виден клочок звездного зимнего неба, что-то бренчало и поскрипывало, за окном проносилась угрюмая, безлюдная тайга.

Тишина и бессонница располагала к размышлениям... С самого февраля семнадцатого у Хаджумара не было свободной минуты, чтобы вот так, как сейчас, спокойно поразмышлять. Много сил отнимала у него должность начальника уездной милиции. Приходилось подавлять кулацкие выступления, разоружать анархистов, занимавшихся неприкрытым грабежом, создавать органы Советской власти в глухих деревеньках огромного Канского уезда. И вот теперь предстоят бои на улицах Иркутска. Если контрреволюция взялась за ору-

жение, быстро и легко она его не сложит, значит, схватка будет жестокой и кровавой. В Иркутске Хаджумар был ссеню, в октябре, на Первом Общесибирском съезде Советов, куда его и Эйдемана избрали делегатами от Канска. Город тогда он видел мельком и теперь сожалел, что не разглядел его как следует. Сейчас бы знание города очень пригодилось... Хаджумар не почувствовал, как заснул.

Но и утром, когда проснулся, он неотвязно думал об этих незнакомых улицах.

— Роберт Петрович, ты неплохо знаешь Иркутск. Набросай от руки план основных иркутских улиц, — попросил Хаджумар Эйдемана. — Надо познакомить с планом командиров рот и взводов, чтобы не плутали, как с завязанными глазами. И давай подумаем, какие могут быть силы в Иркутске.

Эйдеман начертил план города, обозначил на нем здания, в которых размещались штаб военного округа, губернские учреждения.

— Я обрисую предварительно в самых общих чертах то, с чем мы можем столкнуться в Иркутске, — сказал он с заметным акцентом. — Ни в одном городе Сибири, как в Иркутске, нет такого скопления офицерства. В городе расположены три школы прапорщиков, это более шестисот человек, военное училище, в нем, примерно, триста офицеров, кроме того, еще казачий дивизион и кадетский корпус. А самое главное — при штабе военного округа имеется офицерский резерв. Я не знаю, как велик он сейчас, но думаю, что не менее полутора тысяч. Я не берусь судить о настроении всего офицерства, но можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство — бывшие корниловцы, готовые потопить в крови Советскую власть...

— Ну, а солдаты на чьей стороне? — раздался молодой звонкий голос Феди Шерапутина, веселого гармониста и любителя задавать каверзные вопросы.

— Солдатский гарнизон Иркутска занимал революционные позиции, я думаю, он на стороне Советской власти.

— А почему сами иркутяне не справляются с контриками? — не унимался Федя. — Такой большой город, говорите, солдат в нем много, а не могли враз скрутить офицерье и юнкеров.

— На этот вопрос я пока не могу ответить, — откровенно признался Эйдеман. Лицо его покрылось румянцем, и чтобы скрыть смущение, он одернул френч и принялся приглаживать непокорный ежик волос на голове. — Причин может быть много. И внезапность нападения, и лучшая организованность у мятежников... Я хочу особо подчеркнуть следующее обстоятельство — вести бой на улицах малознакомого города, еще в зимних условиях, чрезвычайно трудно. Я прошу помнить об этом, чтобы не допустить напрасных жертв...

Хаджумар слушал Эйдемана, говорил тот по-военному четко, толково.

Незаметно наступил вечер, казалось, таежная темнота сгостилаась, вплотную подступила к самым окнам вагона, какие-то неясные тени двигались то обгоняя поезд, то отставая от него, и Хаджумар долго не мог догадаться, что это плотные космы паровозного дыма таяли в морозном воздухе.

Задумавшись, Хаджумар не сразу понял, о чем спрашивает его Эйдеман, тот, видя недоумение на лице Хаджумара, повторил просьбу:

— Геварищ Гетоев, я давно, еще весной, как только познакомились, хотел попросить тебе рассказать о себе. Я знаю, тебе пришлось сидеть в тюрьме за свою революционную работу, потом отбывать ссылку. Если воспоминания не причинят тебе боли, расскажи о годах ссылки. Всем нам, а особенно молодым ребятам, интересно послушать...

Роберт Эйдеман еще до революции выпустил свой сборник стихов, и сейчас он зорко всматривался в события революции, в людей, творивших ее, жадно впитывал впечатления горячих дней. Но особое пристрастие он питал к подпольщикам, прошедшим через каторгу и ссылку; считая их жизнь образцом для подражания. Он никому не признавался, что мечтает написать книгу о революционном вихре, обновившем землю. И потому его сердце было так неравнодушно к судьбе Хаджумара, судьбе драматичной и героической. И зная, что Хаджумар по натуре сдержанный и немногословный, он никак не мог решиться попросить его рассказать о пережитом: понимал, как трудно и больно бывает человеку возвращаться к прошлому. Но сейчас он почему-то был уверен, что Хаджумар не откажется — видит же он, как

подались к нему молодые красногвардейцы, да и степенные солдаты нетерпеливо ждут, когда начнется рассказ.

Хаджумару никогда не приходилось говорить о себе посторонним людям. Даже друзья не могли похвастаться, что слышали от него пространные рассказы о его жизни, поэтому Хаджумар был в затруднении, не зная, как приступить к такому необычному и непривычному для него делу. Некоторое время он собирался с мыслями и после недолгой паузы заговорил:

— Есть у осетинского народа мудрая пословица — «Человек делает свои дела среди людей и для людей». Настоящий революционер так и поступает, он учится у народа, потом отдает людям свои знания. В этом я много раз убеждался на примере моих товарищей по большевистской партии; все их помыслы определялись или, точнее сказать, были продиктованы высоким словом — служение народу. Я говорю об этом потому, что в ссылке я много размышлял над выбранной мною дорогой. И хотя на мою долю выпало немало тягот и страданий, я не раскаиваюсь в выборе. Я своими глазами увидел торжество революции, посильно участвовал в ее свершении и потому считаю себя счастливцем и благодаря судьбу. Ведь многие не дожили до этого часа.

Хаджумар замялся, внимательно и смущенно посмотрел на слушавших.

— Вот Роберт попросил меня рассказать о ссылке, попробую, только предупреждаю сразу — ничего геройского в ней нет. Еще в Ростовской пересыльной тюрьме меня резанули по сердцу слова, которые я услышал от человека, приговоренного к вечному поселению. Наверное, на всю жизнь в памяти останутся эти слова: «Ссылка ничем не лучше каторги».

В справедливости этого мрачного предсказания я убедился, как только был доставлен под конвоем в село Шелаево, назначенное мне местом ссылки. Волостной писарь, принявший меня, сказал: «Теперь вы свободны как птица... но уходить за окопицу можете только по моему разрешению или стражника. Иначе это будет считаться самовольной отлучкой, а за нее наказывают».

И тогда я убедился, что ссылка та же тюрьма, только стенами в ней служат бескрайняя и безлюдная тайга, непролазные топи, бездорожье. И неспроста иные

села называются — Потоскуй, Покукуй, Погорюй. В ссылке тоска терзает, угнетает человека сильнее, нежели в тюрьме. И самое заветное желание каждого политического ссыльного — побег. Я был готов погибнуть, но любой ценой вырваться на свободу, вернуться к борьбе. Трижды я бежал, но каждый раз неудачно. Я вырос в горах, там могу с завязанными глазами пройти по тропе, а тут тайга злые шутки со мной шутила. Я блуждал по многу дней и выходил совсем не к тому месту, куда мне было нужно. Ведь приходилось идти, минуя селения, чтобы не попасть в облаву, и, наверное, поэтому я сбивался с верного направления.

Самый трудный для меня был побег зимой двенадцатого года. Стоял, как сейчас, декабрь, когда я на лыжах ушел из села. У меня было ружье, небольшой запас продуктов, и я надеялся, что быстро достигну железной дороги. Но я переоценил свои силы. Всю зиму я проплутал в тайге, ночевал в заброшенных зимовьях. Однажды наткнулся на трех иванов, и они захотели раздеть меня, отобрать ружье — и тогда бы я неминуемо погиб.

— А что это за Иваны? — спросил кто-то окающим баском.

— Иванами в тюрьме, да и в ссылке называли самых отпетых уголовников, убийц и грабителей. От этой стычки осталась у меня вот эта отметина, — дотронулся Хаджумар до шрама на лице. — Отбил я охоту иванам нападать на людей, еле живые уползли.

— А с Юлией, женой своей, где ты познакомился? — спросил Эйдеман. Краем уха он слышал, что Юлия прошла с Хаджумаром и через подполье, и через ссылку. Такая романтическая и преданная любовь восхищала Эйдемана, он преклонялся перед этой мужественной женщиной, так много перестрадавшей и не утратившей душевной красоты и мягкости.

— В Шелаево я узнал, что Юлия находится в ссылке в селе Абан. С пятого года мы работали вместе, сначала во Владикавказе, там и познакомились, потом в тифлисском подполье. Я знаю немало мужчин, сломленных ссылкой, но только раз я видел отчаяние в глазах Юлии — когда умерла наша дочь. Семья, наша взаимная любовь стала поистине лучом света в мрачном царстве ссылки. Они давали силы беречь друг друга,

не позволяли падать духом. Не скрою, были минуты, когда на все хотелось махнуть рукой и плыть по течению. Меня такое настроение охватывало после неудачных побегов. И вот тогда Юлия умела ненавязчиво рассеять хандру, заставить меня поверить в себя, в свои силы. Ссыльные становятся излишне мнительными, потому что жизнь их чрезвычайно трудна, они живут впроголодь, оторваны от друзей, от революционной работы. И нужно иметь большую силу воли, чтобы не дать мозгу отступить. Особенно остро наваливается тоска, когда начинаются злые осенние дожди, кругом голые леса, мутное небо, кажется, касается промокшей насквозь земли. А потом завоют метели и нельзя носа высунуть, приходится круглые сутки топить печурку в продуваемой всеми ветрами хибарке. Помню, как поразило меня, когда я августовским утром — в это время на Кавказе лето в самом разгаре — увидел первый, выпавший ночью снег. Долго не мог прийти в себя и когда увидел полыхание отсветов полярного сияния. Ну а о прелестях таежного леса, о свирепости мошки и гнуса, когда не спасают ни дымокуры, ни накомарники, я говорить не буду, вы это сами хорошо знаете. Был со мной в первый год ссылки такой случай, оставил я както на столе кусок свежего мяса, вернулся через час-полтора, смотрю и глазам своим не верю — мясо стало белым, как бумага, комарье высосало всю кровь из него. С непривычки меня даже в дрожь бросило...

— А друзья у вас среди ссыльных были? — спросил неугомонный Федор Шерапутин.

— Ты, Федя, прав, друг есть — и горе не страшно. В ссылке я жил в нескольких селах — Шелаево, Кондратьево, Абан. Да два с половиной года провел в селе Рыбное. И хотя условия здесь были тяжелейшие, я добрым словом вспоминаю это время. И вот почему. Мне посчастливилось познакомиться здесь со многими видными большевиками. С Суреном Спандаряном, ссылка погубила этого замечательного человека, он умер, когда ему было всего тридцать четыре года. С Еленой Стасовой, сейчас она в Петрограде секретарь ЦК, с Николаем Ивановичем Коростелевым, которого вы все знаете, с Ильей Белопольским. Под их влиянием во мне и произошел перелом. Раньше я считал своими единомышленниками и эсеров, и эсдеков, я рассуждал так:

ведь и те и другие борются против царизма за освобождение народа, и в борьбе этой важны не сами программы и методы борьбы, главное — конечный результат. В ссылке я понял — только большевики ведут твердую и последовательную борьбу за интересы трудящихся. Вспомните, как большевики боролись против империалистической войны. И их лозунг «война — войне» оказался единственно верным, жизнь подтвердила это. Я хотел пойти в армию, чтобы вести большевистскую агитацию и пропаганду в рядах царских войск против империалистической войны. Но жандармы, помня мою активную работу среди солдат тифлисского гарнизона, наотрез отказались послать меня на фронт. Так мне не удалось и этим путем вырваться на волю...

— Можно я задам сугубо личный вопрос? — спросил кто-то. В полутьме Хаджумар не сразу различил лицо спрашивающего, это был паренек из канского депо, одним из первых вступил он в советскую милицию.

— А почему нельзя, — пожал плечами Хаджумар, — у меня нет секретов от вас, вся моя работа и жизнь проходит на ваших глазах. Так какой вопрос?

— Почему ты со своей семьей не уехал на родину, на Кавказ, после того, как Февральская революция освободила тебя и жену из ссылки?

По тому, как все оживились, услышав вопрос, Хаджумару стало ясно, что это не праздное любопытство, а искренний интерес к его судьбе.

— Ну на этот вопрос легче всего ответить, — засмеялся Хаджумар. — Еще весной, в апреле или начале мая, я получил большое письмо от отца. Он рассказывал о новостях в моих родных краях и слезно умолял меня приехать, ведь в Дигорском ущелье нужно продолжать борьбу с князьями и богачами. Письмо отца очень взволновало меня, и были такие минуты, когда я был готов сесть в поезд и ехать в Осетию. И если бы я так сделал, никто не упрекнул бы меня за это. Но я не мог так поступить. Долг революционера повелевал мне остаться здесь, в Сибири. Тут были мои самые близкие друзья, мои единомышленники. И я знал, что, работая в Канске, приближаю победу революции и на Кавказе, во всей России. Мне не хотелось расставаться с боевыми друзьями, да и работы здесь было непочатый край...

Паровоз дал густой продолжительный гудок, лязгнули буфера, и заскрипели вагоны, от резкого толчка качнулся Роберт Эйдеман и быстро, как по команде, вскочил. Хаджумар не успел его окликнуть, как тот вышел из вагона. Хаджумар пошел следом за ним, поезд остановился на каком-то разъезде, желтые лучи паровозных фар рассекали непроглядную темноту, в них искрились и плясали ледяные иглы. Роберт о чем-то возбужденно говорил с обер-кондуктором, богатырского роста мужчиной, закутанным в огромный тулуп, тот хриплым пропущенным голосом басил:

— Не имею я права нарушать инструкцию. Почему-то нам не дают жезла на следующий перегон, на разъезде я толку не добился, говорят — ждите...

— Так мы можем здесь сутки простоять, — воскликнул нетерпеливо Хаджумар. — Уж не мудрят ли же лезнодорожники?

Хаджумар оказался прав в своем предположении, кто-то распорядился эшелон с красногвардейцами пропускать в последнюю очередь. Контрреволюционеры всеми силами стремились задержать красное подкрепление из других городов, поэтому поезд к Иркутску шел медленно, часто и подолгу останавливаясь не только на крупных станциях, но и на малых. Наконец жезл был получен, поезд тронулся, и Хаджумар, согревшись в тепле, заснул.

Проснулся он рано от недружных голосов, около петухи сгрудились солдаты, самый пожилой из них, Тихон Стрельцов, отнекивался от настойчивой просьбы рассказать сказку-небывальщину, потом сдался:

— Если так просите, послушайте два сказания. Сибиряки слыхивали о них, а вот люди из других мест, такие, как вы, вряд ли. Приходилось вам видеть Енисей?

— Конечно, видели, — нестройным хором ответили слушатели, не понимая, чем вызван вопрос Тихона.

— Так вот, край, по которому протекает Енисей, давным-давно назывался страной черных дней и белых ночей. И до сих пор коренные жители уважительно зовут реку дедушкой Енисеем. По их преданиям, сотни лет назад в верховьях реки жили счастливые люди, не знали они войн и бедности, и ремесло их славилось далеко окрест. Однажды племя невиданных богатырей

напало на мирную страну, тогда ее люди, чтобы спастись, построили лодки и поплыли по Енисею. Богатыри бросились в погоню, но они не умели плавать и боялись воды. Тогда они начали кидать в реку горы. Где набрасывают горы, там теснины и пороги преграждают дорогу Енисею, но он смывал скалы и горы, уносил беглецов. Долго бежали следом богатыри, наконец достигли Туруханского края, здесь, собрав все силы, устроили самую крепкую преграду из гор. Подошел к ней Енисей и, как ни пытался, не смог пробиться. Стал накапливать воду — с каждым днем все больше и глубже становилось глубокое озеро, затопляло землю. Заплакали люди, видя такое несчастье. И тогда великий шаман Алба взял в руки топор, размахнулся и рассек горы. Енисей рванулся в эту расселину и прорвался в Туруханский край. Здесь и поселились беглецы, но до сих пор боится уходить от Енисея, спасителя и кормильца...

— Любопытно... — протянул чей-то полусонный голос.

— А о чем второе сказание? — спросил кто-то нетерпеливо.

— Оно о любви крепкой и верной, — засмеялся Тихон, довольный тем, что сумел озадачить слушателей. — Жил-был Байкал, старик богатый, своимравный и куряжливый. В прозрачных голубых водах его водилось много рыбы. Нигде не было, а у него жил тюлень. Имел Байкал триста тридцать жен и лишь одну дочь Ангару, красоты необыкновенной. Зорко сторожил ее мудрый и неподкупный ворой, верный слуга Байкала. Но вот однажды западный ветер принес Ангаре привет от могу-чего богатыря Енисея. Забилось девичье сердце. Послала Ангара белокрылых чаек со словами привета Енисею. Прошло время, и ветер принес красавице такие слова: «Любимая моя, Ангара, беги ко мне, будь моей женой». Проснулся однажды Байкал, а дочери нет. Рассвирепел старик, разбушевался, стал швырять вдогонку Ангаре огромные скалы. Один из таких камней вы сами можете увидеть, он торчит в самом истоке Ангары и зовется Шаманским камнем.

Может быть, и поймал бы старик непокорную дочь, преградив ей путь глыбами и дождем камней, но ей помогли чайки. Они напали на ворона, который догонял Ангару, и выклевали ему глаза, чтобы он не указывал

путь. Байкал бросал камни наугад, а чайкам сверху видно было, куда летел каждый камень, и они предупреждали своим криком беглянку. Ангара бросалась в сторону от падающего камня и так зигзагами добравшись до Енисея и упала ему в объятия...

— Тихон, сказка эта и тебе наука, — засмеялся кто-то ехидно, — не держи свою дочь взаперти, а то найдется ухарь-молодец и уведет с собой твою ненаглядную Феню. — Дружный хохот покрыл эти слова.

Тихон смущенно покряхтывал, не ввязывался в перепалку с шутником, тогда еще больше осмеяют молодые ребята, им только лишь дай зацепку, готовы целый день ржать... Да и то, если подумать, что их ждет в Иркутске, пусть посмеются на здоровье. Неизвестно кто из них уцелеет и вернется домой...

Канский отряд вечером прибыл на станцию Иннокентьевская, в семи верстах от Иркутска. В пешем строю отряд двинулся в город, откуда слышалась артиллерийская стрельба, треск пулеметов. Быстрая Ангара, несмотря на сорокаградусный мороз, не замерзла, по реке шла шуга — мелкий лед. Над городом висел мглистый туман, сквозь него розово просвечивались всполохи пожарищ. От мороза потрескивали стены, улицы были перегорожены упавшими телеграфными столбами. Во многих местах горели деревянные дома, но никто не тушил их, разрушенный водопровод бездействовал.

Штаб красных войск, руководивший борьбой в Иркутске, находился недалеко от понтонного моста через Ангару в здании женской гимназии. Туда и направились Стремберг, Гетоев, Эйдеман. Встретили их радостно, ведь силы красных войск были незначительны и юнкерам удалось оттеснить их от центра. Там лишь в «Белом доме» сражались осажденные красногвардейцы. Ни днем, ни ночью не стихали бои. В штабе канцы увидели прапорщика Лазо. Хаджумар и Эйдеман были знакомы с ним, вместе участвовали в работе Первого Общесибирского съезда Советов, знали его по активной работе в Красноярске.

По просьбе канцев Лазо обрисовал им обстановку в городе.

— Со своим отрядом красноярцев я прибыл в Иркутск десятого декабря. Мятеж юнкера начали в пол-

день восьмого числа. Все эти дни идут ожесточенные уличные бои. «Белый дом» отвлекает часть сил мятежников, которые стремятся любой ценой захватить понтоный мост и прервать наше сообщение с железнодорожной станцией и Глазовским предместьем. Наша беда в том, что у нас нет ни одного пулемета, несколько наших батарей имеют ограниченное число снарядов. Вы сами видели, какой плотный туман стоит над городом, он сильно затрудняет артиллеристам точную наводку по вражеским целям. Вчера кровавый бой был в районе Тихвинской церкви, юнкера установили пулемет на ее колокольне и поливали свинцовыми дождем всю площадь, прилегающие улицы. Но как юнкера ни сопротивлялись, мы выбили их из церкви. Завтра с утра начнем штурм главных улиц города, и ваш отряд будет участвовать в нем.

— В чем особенности уличного боя? — спросил Эйдеман. — Наверное, у тебя, Сергей, уже есть какие-либо наблюдения. Двое суток боев — это очень много значит.

— Наблюдения свои я еще не систематизировал, — признался Лазо. — Но определенные выводы могу сделать. У юнкеров много пулеметов, есть и несколько бомбометов, и используют они их весьма успешно. У нас ни того, ни другого, но зато наши маскируются на чердаках и крышах и оттуда снимают прислугу бомбометов и пулеметов. И это создает нам успех в наступлении. В уличном бою граната — незаменимое оружие. К сожалению, очень многие не знают, как пользоваться гранатой, а к слову сказать, гранат у нас совсем немного...

Лазо сделал паузу, потер усталые воспаленные глаза:

— Две ночи не спал, — признался он мимоходом и продолжил: — Юнкера превращают каменные здания в опорные пункты, и выкурить их оттуда — дело нелегкое. Наша задача облегчается тем, что мятежники придерживаются оборонительной тактики. Пленные утверждают, что им свою поддержку обещали забайкальские казаки. Поэтому главная задача мятежников — продержаться до прихода казаков, ну а наша цель — разгромить мятежников, пока они не получили подкрепления.

— И какое конкретно нам будет задание на завтрашний день? — поинтересовался Хаджумар. Толковый рассказ Лазо дал ему представление об общей обстановке в городе.

— Завтра ваш отряд по набережной должен пройтись на соединение с осажденным гарнизоном «Белого дома», он страдает от холода, ведь дом не отапливается, у них на исходе патроны. Если вашему отряду удастся прорваться в «Белый дом», вы спасете его защитников, среди них очень много раненых. Прошу учесть, позиции юнкеров хорошо укреплены...

В туманные предутренние сумерки канский отряд двинулся в наступление. В сорока — пятидесяти шагах ничего невозможного было различить. Неожиданно отряд нарывался на шквальный огонь вражеских пулеметов. Сбить пулеметы юнкеров не удалось и пришлось залечь; часть красногвардейцев засела в полуразрушенных домах. Началась нудная многочасовая перестрелка с юнкерами. Кончился день, а задачу свою отряд не выполнил, разрозненными группами канцы возвращались на исходные позиции. Неудача обескуражила людей, некоторые солдаты запаниковали, неохотно подчинялись приказам. Узнав об этих настроениях, Хаджумар выступил перед большой группой красногвардейцев.

— Почему нас постигла неудача? — спросил он бойцов. И сам ответил на свой вопрос: — Потому, что мы не разведали, где притаились пулеметы юнкеров, заблаговременно не уничтожили их. Многие из вас растерялись, и произошло это потому, что не знали расположения улиц. Прямо скажу вам, многие стреляли в белый свет, как в копеечку, только без толку жгли патроны.

— У юнкеров пулеметов без счету, — выкрикнул кто-то, — а сами они в теплых полуушубках и валенках.

— Верно, юнкера и одеты, и вооружены лучше, чем мы. Но, несмотря на это, мы их побили на Казачьей улице, и на Казарминской. И если говорить об общей обстановке, то она складывается в нашу пользу, силы юнкеров раздроблены, изолированы друг от друга. Из Красноярска нам выслали пушки и пулеметы, нас поддерживает вся Советская Сибирь, а дни мятежников сочтены, силы их тают. Юнкера держатся еще и потому,

что революционные войска щадят те здания, в которых засели мятежники, не хотят, чтобы от артиллерийского обстрела страдали мирные жители... Так что, товарищи, унывать нам не приходится. Что не сделали сегодня — завтра доделаем, — пошутил Хаджумар и, видя, что бойцы повеселели, приказал: — А теперь спать, чтобы завтра рука не дрожала и глаз не подвел.

На ночлег Хаджумар устроился в каком-то каменном доме. Большая холодная комната была битком набита солдатами и красногвардейцами, лежавшими вповалку, ключами висел табачный дым, окна были заштаны какими-то тряпками, на столе горела единственная свеча, бросая блики на измученные и обмороженные лица; время от времени пламя вздрагивало от близких разрывов бомб. Эту и остальные ночи Хаджумар спал где придется, урывками. С каждым днем у канцев росло мастерство ведения уличных боев, уменьшались потери, не осталось и следа от растерянности, появившейся в первом бою. Не раз Хаджумар поднимал бойцов в атаку, дрался врукопашную. К вечеру семнадцатого декабря юнкера сложили оружие. Через несколько дней Хаджумар громким и радостным голосом прочел перед строем канского отряда постановление Иркутского Совета рабочих и солдатских депутатов:

«Рассматривая выступление юнкеров и казаков, как восстание против Октябрьской рабоче-крестьянской революции, восстание против подлинной народной власти — власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, вся ответственность за которое ложится на те политические партии и группы, которые все время вели систематическую борьбу против Советов и которые все время вооружали юнкеров политически и материально; констатируя, что советские войска иркутского гарнизона и красногвардейцы, советские войска соседних городов, мужественно отстаивая с оружием в руках завоевания рабоче-крестьянской революции, покрыли себя неувядаемой славой защитников рабоче-крестьянского дела, — Иркутский Совет рабочих и солдатских депутатов вновь подтвердил, что только власть рабочих, солдат и беднейших крестьян есть единственная власть, могущая защищать интересы городской и деревенской бедноты...»

Роберт Эйдеман пристроился за маленьким столиком, в его сердце еще не остыл жар кровавых боев, и чтобы сохранить в памяти (может, когда-нибудь удастся написать книгу об иркутском мятеже) наиболее примечательные эпизоды, он, еще с февральских событий, делает заметки. Вот и сейчас записывал он свои мысли в толстый блокнот: «Меня по-прежнему интересует необычайно колоритная личность Хаджумара Гетоева. Вдохновенный боевик-революционер проявил в иркутских боях большую выдержку. Он обладает каким-то чутьем: всегда вовремя появлялся там, где красногвардейцы готовы были отступить. Самообладание Гетоева отрезвляющее действовало на паникеров, и в его присутствии они становились смелее, забывали о страхе. Я сам был свидетелем весьма примечательного эпизода. Я слышал об исключительной его меткости в стрельбе. На улицах Иркутска Хаджумар блестяще подтвердил эту репутацию.

Гетоеву сообщили, что юнкера почти беспрепятственно производят перебежку через улицу, скапливаются в соседних домах. Наши красногвардейцы стреляли в них, но не очень метко. Узнав об этом, Гетоев рассвирепел. Надо было видеть его, как он, весь внимание и напряженность, словно исчез, слился в одно со своей винтовкой. Выстрел... юнкер, перебегавший улицу, взмахнул руками и упал ничком. Новый выстрел... второй юнкер бросился обратно, встрихивая раненой рукой. Перебежка кончилась. Хаджумар сказал с упреком красногвардейцам: «Вот так надо стрелять. Патроны тратите... Смотреть надо».

Хаджумару тридцать четыре года, он на восемь лет старше меня, тяжкие страдания в тюрьме и ссылке посеребрили его голову. Но большие серые глаза сверкают молодо, хотя часто их взгляд бывает жестким и требовательным. Воля и твердость сквозят в его жестах, скучных и точных. И как красит его сурое лицо добрая улыбка. Она появляется, когда он играет с сынишкой Керменом или смотрит на свою жену. И мне кажется, что он заблуждается, скрывая доброту своего сердца. Доброта нужна не только близким, но и друзьям, товарищам.

В иркутских боях я убедился, насколько самобытна натура Хаджумара. Раньше я знал о его больших ор-

ганизаторских способностях, здесь, в Иркутске, я увидел, что в нем таятся задатки талантливого командира, и я поразился военной смекалке такого сугубо штатского человека, каким является Хаджумар...»

Эйдеман отложил в сторону блокнот и задумался: «Дорого мы заплатили за то, что оказались неготовыми к мятежу контрреволюционеров. И мы не можем, не имеем права в будущем допускать подобных ошибок».

С шумом вошел в комнату Хаджумар, обычно бледное его лицо сейчас горело возбужденным румянцем, еще с порога он крикнул:

— Новости есть, Роберт! Стремберга оставляют в Иркутске, он будет назначен командующим войсками. Лазо стал комендантом города, начальником гарнизона... Канский отряд завтра возвращается домой. Енисейский губисполком прислал телеграмму, в ней благодарит нас за беззаветную преданность рабоче-крестьянской революции. И особо отмечает изумительную стойкость Канского отряда, проявленную в боях на улицах Иркутска, — на минуту Хаджумар задумался, и лицо его словно посерело на глазах. — Мне горько, Роберт, что в светлую эту минуту я не могу забыть о том, что мне предстоит встреча со вдовами, — сказал он вопросительно смотревшему на него Эйдеману. — Смогу ли я убедить, что их мужья и сыновья погибли не напрасно, что ценой своей жизни они спасли целый город, спасли тысячи ни в чем не виновных людей от кровавого разгула убийц-юнкеров.

— Вот эти правильные, справедливые слова ты и скажешь вдовам. Уверен, они поймут тебя. Я хочу тебе сказать об одной мысли, которая беспокоит меня. Ты знаешь, когда я участвовал в переговорах военно-революционного комитета с иностранными консулами, то я понял из их слов, что правительства их стран не прочь вмешаться в наши дела под предлогом защиты интересов своих подданных. И мне кажется, что иркутский мятеж лишь звено, эпизод в планомерной борьбе контрреволюции против Советской власти в Сибири.

— Сколько раз из богатых домов стреляли нам в спину, — возмущенно воскликнул Хаджумар. — И когда мы ловили этих подлых убийц, то оказывалось, что это или переодетый офицер, или сынок домовладельца, или купеческий отпрыск. Слишком многое здесь, в Сиби-

ри, собралось элементов, враждебных Советской власти...

— Похоже на то, что мятежники сейчас забыты в разные щели, затаятся и будут ждать подходящего момента, чтобы снова попытаться свалить Советы, — размышлял вслух Эйдеман, крупными шагами меряя просторную комнату, посредине которой стояла раскаленная печурка.

— О справедливости твоего предположения, Роберт, говорит тот факт, что главарям мятежников кто-то помог скрыться. Все эти генералы и полковники — Самигин, Иванов, Скипетров, Никитин, — конечно, не примирятся со своим поражением, наученные горьким опытом, они будут еще злее ненавидеть трудовой народ... И нельзя нам забывать об этом, иначе захватят нас врасплох...

По лицу Хаджумара Роберт видел, что устал он безмерно, но усилием воли не дает себе расслабиться. Неожиданно Хаджумар признался:

— Знаешь, о чем я мечтаю, Роберт? О том, чтобы лопариться в бане и выспаться раздетым в постели...

— Вернемся в Канск — и осуществится мечта солдата, — засмеялся Эйдеман, — гражданин Гетоев бесспорно заслужил право смыть в жаркой бане кспоть пожарищ.

Они оба дружно расхохотались, напряжение последних дней мало-момалу исчезло, и каждому не терпелось вернуться к своим обычным делам.

Назавтра в полдень Канский отряд погрузился в вагоны, провожали канцев Лазо и Стремберг. Паровоз дал долгий прощальный гудок, и вагоны, звякнув буферами, сначала медленно, а потом все ускоряя свой бег, покатились на запад, к родному дому.

Обратный путь Хаджумару показался вдвое короче, и хотя эшелон иногда простоявал долгие часы на крупных станциях, эти задержки не так нервировали его, как две недели назад. Светились радостью обветренные; задубевшие на морозе лица красногвардейцев — ведь они победителями возвращались домой, но печальными были глаза; немало боевых друзей осталось в иркутской промерзшей земле. Наверное, потому не слышалось в вагонах ни веселых звуков гармошки, не вызывающих хохот соленых солдатских шуток. Погиб от юнкерского

штыка Федя Шерапутин, умер в лазарете от тяжелой раны старый охотник Тихон.

Хаджумар думал о том, как справляется со своими обязанностями оставшийся вместо него Федюкин, ведь пост начальника уездной милиции не только очень хлопотный, территория Канского уезда под стать иному европейскому государству, а и политически ответственный. Надо уметь решительно и тактично проводить в жизнь декреты и постановления Советской власти, когда им бешено сопротивляются все бывшие — и чиновники, и скupщики зерна и скота, и церковники своими проповедями сеют вражду и злобу, натравливают легковерных на власть трудового народа. В Сибирь хлынул поток беженцев, и среди них немало тех, кто всячески маскируется, стремясь скрыть свое контрреволюционное нутро, они оседают чаще всего в маленьких городах, таких, как Канск, а не в крупных. И люди эти в штыки встречают любое начинание Советской власти.

В Канске отряд встречали с оркестром, в стылом воздухе задорно пели медноголосые трубы, глухо бил барабан. Многолюдная толпа, над которой пламенели кумачовые лозунги, заняла весь перрон, к которому в клубах пара подкатил поезд.

Хаджумар попал в чьи-то крепкие объятия, оглушенный разноголосицей людского прибоя, он нетерпеливо оглядывался, ища глазами Юлию. Но она сама пробилась к нему сквозь толпу. Хаджумар схватил в охапку сынишку, подбросил его вверх. Кермен звонко смеялся, кричал: «Папка приехал! Мама, смотри, какой папка сильный!» Юлия тихо улыбалась, тесно прижавшись к плечу мужа. Хаджумар никогда не узнает, сколько бессонных ночей провела она в тревоге: в Канск приходили самые нелепые слухи о судьбе отряда. Вот и сейчас в память погибших красногвардейцев оркестр заиграл печально и торжественно: «Вы жертвою пали». Хаджумар сдернул ушанку и подхватил песню, мощно и слаженно понеслась она над городом. Дома Хаджумар пробыл не больше часа, стараясь не смотреть в глаза Юлии, он направился к выходу, негромко сказал:

— В Совет схожу, потом зайду в милицию, узнаю, как у них там дела без меня. Завтра мне снова приступать к своим обязанностям, надо быть в курсе... Постараюсь скоро прийти.

Он ласково привлек к себе жену и постоял минуту молча, потом круто повернулся и захлопнул за собой дверь.

Глава десятая

Тайга в огне

Часы гулко пробили — десять вечера. Хаджумар встал из-за стола, подошел к окну и открыл форточку. Морозный мартовский воздух хлынул в комнату — скоро апрель, а весна запаздывает. Перед тем как уйти домой, Хаджумар обычно заходил в комнату, где собирались дежурные. На этот раз в дежурке было шумно и многолюдно, красногвардейцы обступили молодого парня Якова Козлова, а тот, горделиво приосанившись, стоял в центре круга. Его изрытое оспой лицо, обычно сумрачное и неулыбчивое, светилось неподдельной радостью. Красногвардейцы щупали и мяли полы добродушного полушибука, в котором красовался Яков. Попыхивая «кошкой ножкой», он самодовольно щурился, многозначительно помалкивал на задиристые шутки товарищей, гораздых на подковырки.

Яков вступил в Красную гвардию недавно, до этого был солдатом запасного полка. После демобилизации он не поехал домой, а остался в Канске. Неразговорчивый и угрюмый, Яков держался как-то особняком и вот, неожиданно для себя, оказался в центре внимания. Хаджумар заметил, что это льстило парню, возвышало его в собственных глазах.

— Откуда такая шикарная обновка? — спросил он крайне заинтересованно.

— Мы его тоже спрашивали об этом, товарищ Гетоев, — выкрикнуло несколько человек, — но он в молчанку играет, может, вам ответит.

— И отвечу, — расправил плечи Яков, независимо вскинув голову. — Мне таиться нечего, полушибок я реквизировал для нужд революции у буржуев. — И победным взглядом обвел всех.

— Ну-ка, расскажи поподробней о своей реквизиции, любопытно послушать, — попросил Хаджумар, уже кое о чем догадываясь.

— Был я с обыском в доме Фуфачева, их соседи сообщили, что у хозяина скрываются какие-то люди. Пришли мы туда, я за старшого, — сидят в столовой человек шесть мужчин. Проверил я их бумаги, вроде все в порядке. Один какой-то чиновник, другой — кооператор, третий — на излечении... А смотрю я — выправка у всех до одного прямо-таки строевая, офицерская. Уж в этом у меня глаз точный. Покрутился-покрутился я, а зацепиться не за что, документы законные, с печатями. Стали мы обыск делать, ничего особенного не обнаружили, только несколько ларей доверху насыпанных мукой и крупами. Наткнулся я на сундук, а в нем, наверное, дюжина вот этих самых полуушубков офицерского покроя. Спрашиваю хозяина:

— Сколько у тебя сыновей?

Он ствекает мне, что сыновей ему бог не дал, одни дочки. Ну, я сразу понял, что полуушубки эти хранятся для офицерских шкур. И такое зло меня взяло. Сколько лет я в своей шинелишке, рыбьем мехом подбитой, зим прокуковал! Не знаю, как богу душу не отдал. Сбросил я свою шинель с плеч, примерил полуушубок и говорю хозяину:

— Полушубок реквизируется для нужд революции.

Он противиться не стал. Оставил я ему расписку и ушел. Теперь могу патрулем ходить, хоть все ночи напролет, без всякой замены.

— Яков, неужели ты не понимаешь, какой вред революции ты нанес своим поступком? — спросил Хаджумар, сдерживая себя, чтобы не сорваться, гнев в таком разговоре советчик плохой. — Ты ведь, наверное, себя правым считаешь?

— Так и есть, как вы говорите, товарищ Гетоев. Я поступил по совести и по революционной законности, — убежденно сказал Яков.

— Истоптал ты, Яков, революционную законность, позором покрыл звание красногвардейца!

Хаджумар видел, как судорожно сжались кулаки у Якова, а красногвардейцы, тесно окружившие его, опустили головы, от былого оживления не осталось и следа.

— Ты пойми, Яков, — уже мягче сказал Хаджумар, — ведь завтра на всех перекрестках Канска обычаватели будут злобно кричать, что красногвардейцы чинят самоуправство, грабят средь бела дня. Ты взял один

полушубок, а враги Советской власти припишут ей сто смертных грехов. Своим необдуманным поступком ты дал повод клеветать на всех нас.

— Что-то не пойму я, товарищ Гетоев, твоих слов. Фабрики, заводы, прииски Советская власть реквизует, не боясь клеветы, а я взял полушубок — так сразу Советскую власть подорвал.

— Сейчас я тебе растолкую, — пообещал Гетоев и сделал паузу, чтобы остыть от охватившего его возмущения. На лицах красногвардейцев Хаджумар не видел осуждения Якова, очевидно, они так же, как и он, не считали его поступок позорным. Значит, надо переубедить и Якова, и остальных. — Да, ты прав, Яков, национализируя банки, заводы, прииски, Советская власть не боится клеветы: передает их в распоряжение всего народа, а ты заботишься только о себе. Как видишь, разница большая. Одно дело — интересы народа, а другое — только твои собственные.

— И все-таки я не пойму, чем я опозорил звание красногвардейца, — упрямо стоял на своем Яков. — Я взял излишек, чтобы не страдать от холода.

— Посуди ты сам, во что может это превратиться, если все мы будем поступать, как ты. Сегодня ты взял полушубок, завтра тебе понадобиться еще что-нибудь. А Советскую власть мы устанавливали не для того, чтобы царила анархия.

— А что, слушал я на митингах анархистов, они тоже правильные вещи говорят, — Яков сверкнул глазами из-под наспрленных бровей.

— Теперь мне понятно, откуда ветер дует, — сказал Хаджумар. — Значит, тебе по сердцу их лозунг: «Грабь награбленное». А ты задумывался, какая польза народу от этого лозунга, ровным счетом никакой. Лозунг этот только вредит революции, уводит людей от подлинной борьбы. Анархисты кричат громче всех, своими же действиями сбивают с пути легковерных людей, таких вот, как ты, Яков. Анархисты отрицают всякую власть, в том числе и Советскую, власть рабочих и крестьян, не признают ее распоряжений. Разве можно считать их борцами против угнетателей. Шкурники они! И недаром к ним липнет всякая уголовная дрянь.

— Я не уголовник! — с обидой выкрикнул Яков.

— Пока еще нет, — безжалостно сказал Хаджумар.

мар. — Но чуть не встал на этот скользкий путь. Мой тебе совет, Яков: завтра утром возьми с собой людей и при свидетелях верни этот проклятый полушибок. И запомни — революционная совесть не позволяет никому из нас совершать поступки, порочащие власть трудового народа.

— Выходит, я к буржуям с повинной должен пойти, — угрюмо буркнул Яков. — Фуфачев этот будет скалиться, а я терпи. Да по мне это хуже всякой казни. Все равно буржуи будут брехать, верну я полушибок или нет.

— Зато мы будем знать, что ни на одном красногвардейце нет пятна! — отрезал Хаджумар. — И выбрось из головы всякий мусор, он будет мешать тебе в жизни. Есть только одна правда на свете — это правда большевистская, потому что она служит всему народу. Копни поглубже меньшевиков, эсеров — и увидишь, что все их разглагольствования и ломаного гроша не стоят, на деле они любой ценой стремятся к соглашательству с буржуазией, и анархисты того же поля ягоды. За твой проступок, товарищ Козлов, я исключаю тебя из рядов Красной гвардии, — голос Хаджумара зазвенел, как туга натянутая струна.

— Куда же мне тогда деваться? — растерянно спросил тот и обвел всех недоуменным взглядом. — Как же я буду жить без отряда?

— Круто ты поступаешь, товарищ Гетоев, — неожиданно возразил Хаджумару пожилой красногвардеец, которого все называли Маркелычом. — Спору нет, парень заслуживает наказания, но не такого, какое ты ему дал. Вот и товарищи меня поддерживают. — Красногвардейцы одобрительно зашумели.

— Товарищ Козлов, можешь обжаловать мое решение в Совет, — резко сказал Хаджумар, не ожидавший, что так повернется разговор.

— Завтра мы так и сделаем, — подтвердил Маркелыч. — Яков вернет этот чертов полушибок, а мы в Совете объясним, какой у нас тут был разговор.

Попрощавшись с хмурыми красногвардейцами, Хаджумар направился домой. Стояла уже глухая, темная ночь, лишь белели сугробы снега. Сзади послышался скрип шагов, Хаджумар настороженно остановился, держа оружие наготове.

Темная фигура приблизилась, и Хаджумар узнал Маркелыча, тот, шумно отдуваясь, сказал:

— Еле догнал тебя, легкий ты на ногу, а я вот сдаваться стал, раньше мало кто мог угнаться за мной. Ука-тали сивку крутые горки.

— Нечего прибедняться, Маркелыч, ты любого молодого заткнешь еще за пояс, — засмеялся Хаджумар. — По какому слушаю ты затеял погоню?

— Вот-вот, об этом я и хотел поговорить, — обрадовался Маркелыч. — Не ребята меня послали, а сам решил. Ты прав, товарищ Гетоев, много мусору в голове у Якова, и не только у него. Да и как не быть мусору, когда на митингах эсеры талдычат про свое, меньшевики — про свое, те же анархисты тоже умеют мозги закручивать: послушаешь — и голова кругом пойдет. Вот так и с Яковом случилось. А парень он стоящий, негоже нам поступать с ним, как с врагом. Посуди сам, оттолкнем мы Якова, куда он кинется — к эсерам или анархистам. Вот и станет Яков нашим противником. С плеча рубить нельзя, когда человеческая судьба решается. А ты, товарищ Гетоев, только не обижайся на мои слова, хочешь в дугу Якова согнуть. Ну, уйдет он от нас — и пиши пропало, одним красногвардейцем станет меньше. А пока мы рядом, мы ему свихнуться-то не дадим...

— Нельзя, Маркелыч, не имеем права мы потакать нарушителям революционной дисциплины, иначе все прахом пойдет.

— Да не о потачке я пекусь, — возразил Маркелыч. — Битый час я толкую, что надо человеческую судьбу решать с умом, чтобы польза была революции, а ты промашку допустил в этом деле. Вот я тебя и поправляю, потому как право на это имею, — голос Маркелыча стал строгим и твердым. — Якова надо учить уму-разуму, и ты сегодня это хорошо сделал, но я не согласен с твоим решением, надо найти такое наказание, чтобы он и вину свою почувствовал и осознал, а в отряде остался.

— Мудришь ты, Маркелыч. Хочется тебе, чтобы и волки сыты были, и овцы целы, — засмеялся Хаджумар. — Что ты предлагаешь?

— Наверное, надо перед всем строем пристыдить Якова, это будет для него уроком на всю жизнь. Парень

он совестливый. Вот беда, друзей у него нет, — сокрушил покачал головой Маркелыч.

— Вот ты и подружись с ним, — предложил Хаджумар. — У нас на Кавказе говорят: «Ум истиной просвещается, сердце любовью согревается...»

— Хорошие, справедливые слова, — задумчиво откликнулся Маркелыч, занятый своими мыслями.

— Если Совет отменит мое решение, я согласен, чтобы перед строем Якову объявить порицание, — сказал Хаджумар после непродолжительной паузы. — Убедил ты меня, Маркелыч. Я не знал, что ты такой Иоанн Златоуст.

— Я хочу, чтобы все было по справедливости! Мы начали новую жизнь, а потому должны быть мудрыми и в словах своих, и в делах.

Показался дом Хаджумара, окна тускло светились.

— Твоя жена не спит, ждет тебя, — почему-то шепотом сказал Маркелыч. — Ну, спокойной ночи, я побежал, — простился Маркелыч торопливо. Жил он недалеко от Хаджумара, и вскоре засветился огонь в его окнах.

Хаджумар перешагнул порог и остановился пораженный. Юлия встретила его в праздничном платье, на котором пламенел алый бант. Хаджумар недоуменно взглянул на жену, такую торжественно-незнакомую.

— Поздравляю тебя, родной, с годовщиной нашей свободы, — она обхватила голову Хаджумара и крепко поцеловала в губы. — Год назад восемнадцатого марта мы стали с тобой свободными, как птицы.

— Я так замотался, что забыл об этой годовщине, — признался он с покаянным видом. — Спасибо тебе, Ди-динар, — растроганно обнял он жену.

— Я приготовила праздничный ужин, — похвалилась Юлия. — Ты заслужил его, как боевой красногвардеец и храбрый командир.

— Слышала бы ты, как сейчас этого командира отчитывал Маркелыч, — нахмурившись сказал Хаджумар. От Юлии он никогда ничего не скрывал и сейчас подробно рассказал и о своем разговоре с Яковом, и о беседе с Маркелычем.

— Маркелыч прав, — сказала Юлия, выслушав мужа. — Бываешь ты порой неоправданно жестким с людьми, иногда подводит тебя кавказская горячность.

Сам говорил: мужчина должен сначала обдумать, а потом уже решать. А ты решение свое принял под влиянием минуты, не дав себе труда задуматься над судьбой человека. У этого Якова самые примитивные представления о равенстве. И винить его за это нельзя, нужно воспитывать, воспитывать в нем человека нового мира. Ведь ты командир и не только начальник, а и учитель, воспитатель. Удивляюсь, как ты мог забыть об этом...

— У меня дел выше головы, — нахмурился Хаджумар. — И у меня нет времени копаться в лабиринтах мотивов, толкнувших этого Якова совершить проступок. Наказание поможет ему осознать свою вину. Я говорю сейчас не только о Якове, а вообще, о любом человеке.

— Но наказание должно быть основано на справедливости, надо учитывать меру вины и личность виновного.

— Я согласен с тобой, — подумав, сказал Хаджумар. — Возможно, решение мое поспешно. Ты и Маркельч поделом устроили мне головомойку...

— Это всегда полезно, — засмеялась Юлия, довольная тем, что Хаджумар признался в своей неправоте. — А что еще у тебя нового? — спросила она мужа.

— Наш Совет получил указание немедленно приступить к формированию батальона Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Вот, прочти.

— «Приказ по войскам Иркутского военного округа от одиннадцатого марта сего года, — медленно читала Юлия. — Формируемый в городе Канске Советский батальон включается в Красную Армию округа. Командиром указанного батальона, согласно протоколу заседания Канского Объединенного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов от двадцать восьмого февраля сего года, назначается гражданин Гетоев...» — Юлия подняла глаза на Хаджумара, мягко упрекнула: — Почему не сказал об этом, когда состоялось заседание Совета? Или нельзя было?

— Тогда было рано об этом говорить, только сегодня получен приказ. С завтрашнего дня займемся обучением военному делу. Жаль, это Эйдемана и Стремберга нет здесь. Роберт — человек военный и любили его солдаты, он бы помог мне на первых порах. Придется мне самому доходить до всего своим умом.

— Ничего, справишься. Штаб пришлет нужные инструкции, — подбодрила Хаджумара Юлия.

— Инструкции составляют на основе опыта. А у нас его пока нет. Мы первые начнем строить армию на добровольческих началах, и многое придется делать на ощупь.

— А как твои красногвардейцы встретили приказ?

— Лишь несколько человек по семейным делам не смогли записаться, остальные, как один, — добровольцы, я даже не ожидал такого порыва. Ребята прямо-таки рвутся в армию, хотя знают, что им придется не-легко.

Юлия с улыбкой смотрела, как Хаджумар на цыпочках подошел к спящему сыну, наклонился над ним и долго стоял, не двигаясь. Когда Хаджумар вернулся к ней, она спросила:

— О чём ты думал, глядя на Кермена? У тебя было такое светлое лицо.

— Я старался представить Кермена, когда ему будет двадцать лет, и он задумается над выбором своего жизненного пути. Я хочу, чтобы он стал горным инженером, осваивал недра земли, ведь они почти не изучены ни на Кавказе, ни здесь, в Сибири. А какие богатства таятся в них! Я бы сам с великим удовольствием отправился с такой экспедицией. А еще хочется посмотреть страну, поездить, поколесить по ней — я же совсем ее не знаю, и очень хочется заполнить этот пробел, увидеть своими глазами города и реки необъятной России, побывать в Петрограде, Москве, Киеве, в Средней Азии, во Владивостоке.

— Уж не собираешься ли ты стать путешественником? — засмеялась Юлия. — Я вижу, в тебе говорит цыганская кровь, уж очень тянет тебя к перемене мест. А жена, выходит, пусть дома сидит, — погрозила она Хаджумару.

— Жену я обязательно возьму с собой в свои дальнние путешествия, — шутливо пообещал Хаджумар. — И мечта эта может осуществиться, если только не нарушают нашу мирную жизнь...

— О чём ты говоришь? — встревоженно спросила Юлия и пристально посмотрела в осунувшееся лицо мужа. С болью отметила, что Хаджумар сильно похудел за последние дни, резко обозначились скулы, синева

разлилась вокруг глубоко запавших глаз, еще жестче и тверже стал взгляд. — Ведь подписан Брестский мир, значит, непосредственной угрозы войны нет.

— Если бы только немцы... Союзники царской России только и ждут удобного часа, чтобы оружием подавить нашу революцию, и схватка с ними неизбежна, империалисты не оставят нас в покое. Мы им как кость в горле. Парижская коммуна продержалась только семьдесят два дня, наша революция живет уже почти полгода и с каждым днем становится все крепче. И если мы успеем обучить отряды Красной Армии, нас никто не сможет одолеть...

Юлия слушала мужа и понимала, что он размышляет вслух, анализируя собственные наблюдения, опыт бурной жизни начала восемнадцатого года. И наверное, выводы Хаджумара близки к истине. Он прав — вряд ли западные империалисты и русская буржуазия будут спокойно глядеть, как шире и шире расправляет революция крылья. Все больше людей тянутся к ней своим сердцем, и эта притягательность вызывает бешеную злобу у всех ее врагов — от попов до банкиров...

Юлия долго не могла уснуть в эту мартовскую ночь, прислушиваясь к ровному дыханию самых близких и дорогих ей людей — пятилетнего сынишки и мужа. Она радовалась за Хаджумара — он находился в самом воровороте событий, его деятельная натура всегда жаждала этого, и вместе с тем она тревожилась, как и любая жена, за его судьбу. Недавно, когда он уезжал подавлять кулацкие выступления в селах уезда, она три ночи не сомкнула глаз, не верила даже, что увидит его живым и здоровым. Было немало случаев, когда кулаки жестоко расправлялись с советскими работниками. А Хаджумар всегда лез в самое пекло, и напрасно ему что-то говорить. Он считает, если людей посылаешь под пули, — то и сам будь рядом с ними...

Накануне целый день шел мокрый снег, а сегодня с утра светило яркое апрельское солнце, в небе медленно, как огромные белые паруса, плыли облака. Хаджумар спешил на городскую площадь, весело посматривая на принарядившихся канцев, которые целыми семьями направлялись туда же. Через час состоится торжество,

прежде невиданное в этом маленьком городке, и виновником его — Советский батальон, которым командует он, Хаджумар.

В точно назначенное время Канский Советский батальон стройной колонной под звуки «Марсельезы», вступил на площадь и по команде «смирно» застыл напротив трибуны, обитой кумачом. Хаджумар придиричным взглядом обвел шеренги красноармейцев. Одеты они были, кто во что горазд, в руках винтовки самых различных систем, но равнение держали отлично.

— Товарищи! — взмахнув кулаком, начал свою речь Хаджумар. — Гидра контрреволюции поднимает голову! Всемирная буржуазия пытается задушить авангард революционного интернационала — российский пролетариат. Канский Совет, по постановлению Совета Народных Комиссаров Российской Республики, сформировал для беспощадной борьбы с контрреволюционерами и их пособниками — спекулянтами, громилами, саботажниками и прочими паразитами — Канский Советский батальон. Он является частицей Сибирской Красной Армии, призванной защищать завоевания революции. Кровавый атаман Семенов, однажды ужебитый красногвардейцами, вновь пытается свалить Советскую власть в Забайкалье. С помощью нагайки, пули и виселицы хочет вернуть старые порядки. Но никогда не бывать этому!

Хаджумар на минуту замолк, окинув взглядом площадь, подавшиеся ему навстречу внимательные и согласные лица людей и вдруг увидел Юлию и сына. Они стояли возле витрины магазина и, как и все, не спускали с него глаз, восторженных и взволнованных. Это их волнение вдруг передалось Хаджумару, и, почувствовав вдруг прилив сил и энергии, он продолжил звонким ссылающимся голосом:

— Каждый красноармеец нашего батальона дал клятву верности революционному народу. От имени красноармейцев Канского Советского батальона я заверяю вас, товарищи, что мы с честью пронесем Красное знамя революции. Не зная страха, будем стоять на страже Российской коммуны, прокладывающей путь в будущее всему трудовому человечеству. Да здравствует всемирная революция!

Оркестр грянул «Смело, товарищи, в ногу», и под

звуки марша батальон направился в казарму. Мерно покачивались штыки, радужными искрами вспыхивали их грани на солнце. Хаджумар шел впереди батальонной колонны, краем глаза он еще раз увидел улыбающуюся Юлию, а потом и Кермена. Сынишка бежал с толпой возбужденных мальчишек, стараясь не отстать от оркестра.

День Хаджумара уплотнился теперь еще больше. Не жалея времени и сил, он занимался теперь и боевой подготовкой батальона. Не было инструкторов, снаряжения, и с этим ничего не могла поделать даже его неиссякаемая энергия. С боем приходилось добывать каждую винтовку, каждый подсумок или патронташ, каждую повозку, запасной ствол к «максиму», ящик ручных гранат. Но с каждым днем все слаженней становился батальон, на глазах превращаясь из бесформенной массы в организованную и дисциплинированную боевую единицу.

Хаджумар проводил очередное занятие с красноармейцами, когда его вызвали в Совет.

— Только что получено по телеграфу распоряжение штаба Центросибири, — сообщил Хаджумару председатель, — выделить для посылки на Даурский фронт усиленную роту из вашего батальона.

— Какой срок нам дан? — спросил Хаджумар, нервно покусывая губы и мысленно прикидывая, кого из бойцов он возьмет с собой.

— В первых числах мая рота должна выехать в Забайкалье, — ответил председатель, заглянув в телеграфную ленту, змеившуюся у него на столе.

— Я предлагаю создать конный отряд из добровольцев батальона. Возможности для этого у нас есть, — видно было, что Хаджумар хорошо обдумал свои слова. — Семеновская банда большей частью состоит из казаков, значит, и мы должны противопоставить ему свою конницу.

— Я согласен с тобой, — поддержал Хаджумара председатель Совета. — Только учти, времени в обрез.

Эти дни промчались с непостижимой быстротой. И вот наступил час отъезда.

Так же, как и в декабре, был поздний вечер. Фонарь обходчика медленно плыл от вагона к вагону, и когда он пройдет последний — состав тяжко дернется и, звяк-

нув буферами, сначала лениво, а потом все быстрее и быстрее пойдет вдоль перрона, оставляя людям разлуку.

Хаджумар держал на руках Кермена и, как когда-то давно, в Тифлисе, не мог оторвать взгляда от Юлии. Сын крепко обнял отца за шею и что-то бессвязно шептал ему на ухо. Юлия смотрела на них сухими глазами, боясь не сдержаться и расплакаться. Ведь Хаджумар не любил, когда провожают в дорогу со слезами.

Гремела медь оркестра, грохал барабан. Кажется, весь Канск пришел провожать отряд. Беззвучно растягивались гармошки, не слышимые в этом шуме и гаме, отбивали неслышимую дробь веселые плясуны. Но лица женщин были строги и печальны. И никто не знал, что пламя войны через несколько недель захлестнет и маленький Канск и что придется этим женщинам оплакивать безвестную судьбу своих кормильцев.

Но вот, прорезая сумятицу звуков, ударили колокол, раздалась команда коменданта эшелона, и кучки людей стали дробиться, растекаться по перрону. Красноармейцы по одному пятались к вагонам, прощально взмахивая руками. Хаджумар расцеловал сына и жену, ласково и твердо отстранил Юлию и шагнул на подножку медленно проплывавшего мимо вагона. Во всю его стену кто-то размашисто написал белой краской: «За власть труда умрем, но не сдадимся!»

Скрылся из глаз многолюдный перрон, далеко позади входной семафор, а Хаджумар все смотрел, не отрываясь, туда, где остались Юлия и малыш Кермен. И невольно подкралась мысль, что не скоро, видимо, суждено ему увидеть их вновь. От этого недоброго предчувствия Хаджумар никак не мог освободиться всю дорогу, до самой станции Карымской.

В Иркутске отряд сделал остановку, и Хаджумар отправился в штаб, чтобы доложить о боеспособности отряда. Через несколько часов эшелон покатил дальше, на восток. По Кругобайкальской дороге Хаджумару прежде не доводилось ездить, и он, как и многие красноармейцы, с любопытством смотрел в раскрытую дверь теплушки.

Ослепительно сверкал под лучами майского солнца Байкал, его вода, голубая и хрустально чистая, несла прохладу и свежесть, а сквозь толщу ее видны были

огромные обомшелые камни. Зеркальная гладь Байкала отражала высокие разноцветные горы и зеленые леса побережья. В прозрачном воздухе величаво проплывали облака, лучи яркого солнца столбами уходили в аквамариновую глубь озера. На восточном берегу громоздились заснеженные хребты Хамар-Дабана. Поезд с оглушительным грохотом врывался в тоннели, становилось темно, как в преисподней, и когда вырывались из этой кромешной тьмы, все облегченно переводили дух, радуясь живому многоцветью. Особенно долгим и зловещим показался трехкилометровый тоннель между Слюдянкой и Танхоем.

— Товарищ командир, — обратился к Хаджумару молодой и расторопный пулеметчик, которого все звали Кешей, — какие новости вы узнали в штабе? Каково положение на фронте? Не опоздаем мы сразиться с Семеновым?

— Сейчас по порядку отвечу на твои вопросы, — засмеялся Хаджумар, видя его нетерпение. — Центросибирь восьмого мая издала декрет. Семенов объявлен врагом народа и трудовой республики Советов, стоящим вне закона. Этим же декретом вне закона объявлены все лица, которые тайно или открыто, прямо или косвенно, путем ли вооруженной поддержки, снабжением боевыми или продовольственными припасами будут содействовать Семенову и его бандам. К этим же лицам причислены и те, кто путем агитации, устной или письменной, расчищают путь Семенову. Декрет этот устанавливает кару — конфискация имущества в пользу РСФСР.

— Правильно! — зашумели разноголосо.

— Декрет заставит многих задуматься, связываться ли с Семеновым. В том числе и забайкальских казаков, — выкрикнул Кеша, — сейчас они качаются то в одну сторону, то в другую. Ведь с Семеновым воюет их не так уж много, остальные сидят — выживают.

— Значит, слабо мы ведем разъяснительную работу, Кеша, — сказал Хаджумар, — а этим пользуются агенты Семенова, восстанавливают их против Советов.

— Вот приедем на место и пошлем нашего Кешу агитатором в станицы, — предложил кто-то, и непонятно было, то ли в шутку, то ли всерьез, — пусть организовывает молодых парней на борьбу с атаманом.

— Я согласен, меня не надо уговаривать, — Кеша лихо сдвинул на ухо барашковую папаху. — Казаки тутодумы, их раскачать надо, а вот когда они проникнутся идеей пролетарской солидарности, они все, конечно, кроме богачей, поднимутся против Семенова.

— Молодец, Кеша, — похвалил Хаджумар, — верно рассуждаешь. Все трудовые люди должны взяться за оружие, чтобы дать мощный отпор наймиту мировой буржуазии. Кто же кроме нас сможет защитить рабоче-крестьянскую революцию? Сейчас на Даурский фронт отовсюду идет подмога. Красные войска перешли в наступление и под Троицкосавском, и под Дарасуном, и под Акшей. Так что мы, Кеша, подоспевем вовремя, — похлопал Хаджумар парня по плечу.

В Чите эшелон стоял недолго, но Кеша сумел где-то раздобыть кусок кумача и успел написать на нем лозунг: «Все под ружье! Вставайте в ряды борцов за Советскую власть, против атамана Семенова». Поезд тронулся, когда Кеша и еще один такой же молодой красноармеец натягивали алое полотнище над теплушкой, укреплять его им пришлось уже на ходу под одобрительные выкрики остальных бойцов.

Ранним майским утром отряд прибыл наконец на станцию назначения — Адриановка. Вокруг молодо и ярко зеленела тайга, на склонах сопок пурпурно рдел цветущий багульник, и хотя все понимали, что предстоящий им бой совсем близок, думать о боли и тяготах его среди этой красоты и тишины не хотелось. Хаджумар распорядился о выгрузке отряда и пошел искать штаб, чтобы доложить о прибытии.

У здания станции стоял высокий, стройный, одетый в суконную гимнастерку и галифе человек и, прищурившись от яркого солнца, всматривался в подходящего Хаджумара.

— Сергей, — обрадованно воскликнул Хаджумар, — вот уж не думал о таком почете — сам командующий Фронтом нас встречает, — пошутил он.

— Гора с горой не сходятся, а человек с человеком встречается, — сказал Лазо, пожимая руку Хаджумара. — Чем порадуешь?

— Канский конный отряд, триста бойцов в вашем

распоряжении, товарищ Лазо, — коротко отрапортировал Хаджумар, пристально разглядывая его: ведь они не виделись с декабрьских событий в Иркутске. Вид у командующего был усталый, а пыльные сапоги свидетельствовали о том, что в штабе сидеть ему не приходится.

— Это очень кстати, придется вам почти с ходу вступать в бой. Красноармейцы совсем не обстреляны? — озабоченно спросил Лазо.

— Человек двадцать были со мной в декабре в Иркутске, — ответил Хаджумар. — Остальные новички.

— Значит, завтра получат боевое крещение, — задумчиво сказал Лазо. — Не срబеют в бою, под огнем врага? У семеновцев есть и пушки, несколько броневиков, правда, стреляют они неважко, но страху нагнать могут.

— За своих красноармейцев ручаюсь, — сказал Хаджумар твердо. — Ребята рвутся в бой, и настроение у них соответственное, все, как один, — добровольцы.

— Будем считать, что нашего полку прибыло, — весело сказал Лазо. — У нас сейчас каждый штык на счету, и особенно такой, если на него можно положиться в бою. Нам нельзя терять наступательный порыв, иначе семеновцы закрепятся на удобных позициях и оттуда их не скоро выкуришь. Под Оловянной есть такие места для обороны, да и под Мациевской тоже, одна Тавын-Толой, пятиглавая сопка, много стоит, если ее с умом оборудовать. По данным нашей разведки в штабе у Семенова сейчас появилось много опытных, боевых офицеров, бежавших из Иркутска и других мест. И сейчас они проводят операции по всем правилам полевой войны... К тому же сам Семенов — кадровый офицер, и местный. Это тоже немаловажно.

— А откуда он? — спросил Хаджумар. — Неловко мне перед красноармейцами, спрашиваю, а я толком ничего не знаю.

— Забайкальский он, родился и вырос в станице Дурулгуевской, отец его крупный скотовладелец. Летом прошлого года Семенов, он тогда находился со своим полком в Персии, обратился к Керенскому с просьбой разрешить ему сформировать добровольческий монголобурятский полк. Керенский дал разрешение, и более того, Семенов стал комиссаром по организации добро-

вольческих конных отрядов в Забайкальской области, сам разъезжал по станицам, вербую зажиточных казаков, бурятских богатеев, кулаков и их сыновей в эти отряды. А в ноябре прошлого года сформировал Особый маньчжурский отряд и начал борьбу против Советской власти. На станции Маньчжурия — она до сих пор является базой семеновских банд — захватил большие запасы оружия, обмундирования, продовольствия. И уже тогда его стали финансировать и снабжать всем необходимым японцы, французы, англичане, да и американцы не остались в стороне. А к зиме Семенову удалось уже захватить железную дорогу от границы и до станции Дауря.

— Но ведь зимой Семенова крепко прижучили красногвардейцы, — сказал Хаджумар, внимательно слушая рассказ Лазо.

— Верно, — подтвердил Лазо. — Я прибыл сюда в конце февраля. Положение тогда здесь было очень тяжелым. Советские отряды слабые, малочисленные, организованные как бог на душу положит, а потому герпели поражение за поражением. А Семенов рвался к Чите, собственно, он и сейчас к ней рвется. Рассечь Сибирь надвое, отрезать Приморье, чтобы его захватили японцы или американцы, — вот его цель. Второй съезд Советов Сибири наделил меня чрезвычайными полномочиями как командующего революционными войсками по борьбе с семеновской контрреволюционной авантюкой. С большим трудом удалось здесь организовать боеспособную армию; красногвардейцы были измотаны непрерывными боями до предела. Только Первый Аргунский казачий полк отличался слаженностью и дисциплиной, им командует Зиновий Метелица, ты познакомишься с ним и убедишься, какой это умница, он прирожденный военный. И как бы ни было трудно, первую свою задачу мы выполнили — остановили продвижение семеновцев, а потом в марте наголову разбили отряд Семенова у станции Мациевской.

— Но передышка получилась короткой, — сказал Хаджумар. — Я помню о переговорах с китайцами, они ведь обязались не пропускать семеновцев в Забайкалье до пятого апреля.

— Правильно, — подтвердил Лазо, — мы знали, что предстоит упорная борьба с Семеновым, понимали, что

он использует передышку, чтобы заново вооружиться и пополнить свои силы. И мы времени не теряли даром, обучали новичков, формировали новые отряды из прибывающего пополнения, воспитывали их в духе революционной дисциплины. А как в твоем отряде обстоит дело с ней? — неожиданно спросил Лазо Хаджумара.

— Мои ребята взялись за оружие по зову сердца, — ответил Хаджумар. — Порядок в отряде революционный, настроение «вольных казаков» беспощадно пресекается, да случаев таких, по сути дела, и нет. Ни один красноармеец не отстал от эшелона на всем пути от Канска и до Адриановки, — подчеркнул он с гордостью.

— Что ж, факт красноречивый и похвальный, — сказал одобрительно Лазо и продолжил свой рассказ: — Пятого апреля Семенов перешел китайскую границу. Теперь в его банде было больше штыков, чем зимой. И наши отряды с боями стали отступать. Мы заминировали мосты, железную дорогу и при отходе взрывали их, не давая Семенову использовать против нас бронепоезда. Семеновцы имели большой численный перевес, им удалось взять штурмом станцию Борзя, и они рассчитывали окружить нас под Оловянной, но из этого ничего не вышло. Мы отошли организованно...

— А как казаки вели себя в это время? — спросил Хаджумар.

— Богатое казачество, попы, кулаки, конечно, встают на сторону атамана, — ответил Лазо. — Но в целом, объявленная Семеновым мобилизация казаков Забайкалья не дала ему желаемых результатов. Правда, силы его численно возросли, в основном за счет офицерства и станичных богатеев, но казаки в своей массе не захотели служить атаману, хотя он и сулил им золотые горы, благо, что посулы эти ничего не стоят. Сочувствовавших Советской власти пытался запугать, угрожал им кровавой расправой. В одной листовке за подписью атамана было написано так, — Лазо нахмурил брови, припоминая текст. — «Считаю долгом совести предупредить, что с движением моим по Забайкалью буду предавать смертной казни всех тех, кто будет оказывать противодействие моему отряду». Но беднота забайкальского казачества не испугалась угроз атамана и взялась за оружие. Сейчас у меня несколько казачьих полков;

около пяти тысяч сабель, а тогда, в апреле, их не было, потому и не смогли мы своими силами справиться с атаманом.

— Теперь времена другие, — сказал Хаджумар. — Красные войска наступают, а семеновцы бегут.

— Эти бандиты, отступая, оставляют после себя мертвые, сожженные села и трупы на перекладинах, — сказал с горечью и гневом Лазо. — За одни слезы сирот Семенова следует вздернуть на виселице, иной участникою он не заслуживает. Вот видишь, — Лазо мягко и застенчиво улыбнулся, — за разговором незаметно пришли к штабу, он расположен вон в том доме. Зайди, представься начальнику штаба Петру Клавдиевичу Голикову, от него получишь дальнейшие распоряжения. Я рад, что мы вместе будем воевать. Я часто вспоминаю Иркутск, декабрьские дни, ведь тогда я как красный командир получил первое боевое крещение, — сказал Лазо все с той же мягкой, застенчивой улыбкой. — Там, в Иркутске я узнал многих прекрасных людей. Взять хотя бы красавца-латыша Роберта Эйдемана или Павла Постышева. Кстати, где сейчас Эйдеман? — спросил Лазо. — Ты с ним продолжаешь работать в Канске?

— К сожалению, нет, — вздохнув, ответил Хаджумар. — В начале года Роберт уехал в Петроград на Третий Всероссийский съезд Советов. Завидую я ему по-хорошему, — признался он, — посчастливилось слушать Ленина, видеть его, а может быть, даже разговаривать с Владимиром Ильичем.

— Я тебя понимаю, — положил руку на плечо Хаджумару Лазо. — Не могу тебе словами передать, как повлияла на меня, на мою судьбу и на мои представления речь Владимира Ильича, которую я слышал утром третьего июня на Первом Всероссийском съезде Советов. Меня послал туда Красноярский Совет в качестве гостя. Одно только скажу, я стал зрячим в политике. И Роберт тоже получит зарядку на всю жизнь. Он так и остался в Петрограде?

— Кто-то мне говорил, что его послали в Омск, и работает он в штабе Западно-Сибирского округа.

— Наверное, формирует Сибирскую Красную Армию, — высказал предположение Лазо, — командир из него получится отменный, человек он решительный, я это увидел еще по боям в Иркутске.

— Я согласен с тобой, — кивнул Хаджумар, — жаль, что Роберта здесь нет.

— Ну, тогда сожалениям не будет конца, — засмеялся Лазо. — Мне самому очень хочется, чтобы рядом были многие люди, но они нужнее на своих местах. Трудно не только здесь, но и повсюду. Однако у нас особая трудность — нехватка людей и оружия усугубляется еще и разбросанностью войск. Распыленность сил здорово вредит нам, как и недисциплинированность отдельных частей, — и в голосе Лазо прозвучала горечь.

— В своем отряде я не допущу нарушения революционной дисциплины, — пообещал Хаджумар.

— Дал слово — крепись, товарищ Гетоев, — засмеялся Лазо и протянул руку Хаджумару. — Ну, я прощаюсь. — Он козырнул и направился к маленькому приземистому домику, стоявшему позади штаба.

...Незаметно наступил весенний вечер, солнце вот-вот спрячется за синими облаками, и непроглядная ночь окутает тайгу. По приказу Лазо красные войска продвигались к станции Могойтуй, там сосредоточились ударные силы атамана Семенова, заняли высоты на подступах к Могойтую. Надо было подойти и внезапным ударом выбить семеновцев с тех высот. Головным шел интернациональный отряд, Гетоев со своими конниками — в середине, прикрывал артиллерию.

Бой начался ранним утром, когда легкий туман сползл с сопок в низины. По условному сигналу бросились в атаку на высоту красная пехота и конница. Хаджумар мчался впереди своего отряда, время от времени оглядываясь назад, и радовался, что его ребята хорошо держат строй. Резко и гулко ударили пушки, на высотах вздыбилась земля, черные комья взлетели в воздух. Отрывисто застучали пулеметы врага, но было уже поздно: красноармейцы ворвались на позиции семеновцев. Хаджумар птицей понесся на группу беляков, которые, отстреливаясь, медленно отступали к железной дороге. Клинок в его руке сверкал молнией, и немало семеновцев нашли смерть от его разящего удара. Булавый конь под Хаджумаром был рожден для таких схваток, он чувствовал опасность и вовремя отскакивал в сторону, когда семеновцы в отчаянном броске пытались достать всадника штыком. Хаджумар

вертелся чертом в самой гуще врагов, пуская в ход то шашку, то маузер. Горячий бой опьянил его, и он, забывая о смертельной опасности, думал лишь о том, как бы побольше уложить врагов. Смерть всегда бывает милостивой к храбрецу, в том жарком бою ни пуля, ни штык не задели Хаджумара. И хотя враг отчаянно сопротивлялся, он был смят, и началось его беспорядочное бегство. Отряд Хаджумара одним из первых ворвался на станцию Могойтуй. Успех окрылил красные войска, и на следующий день они взяли станцию Ага, семеновцы в панике отступили к станции Оловянная.

Командование Даурского фронта из данных разведки знало, что Семенов сильно укрепил позиции на Оловянной, поэтому было решено дать два дня отдыха войскам на перегруппировку, пополнить свежими силами.

Хаджумар с командирами взводов делал разбор действий отряда в боях под Могойтуйем и Агой, когда кто-то из красноармейцев громко крикнул: «Ребята, товарищ Лазо к нам едет!» В одну минуту вокруг командующего фронтом собирались все бойцы отряда. Лазо интересовался настроением, расспрашивал о боевых впечатлениях и, довольный ударным духом бойцов, похвалил Хаджумара.

— А теперь, товарищи, перед нами очень сложная задача, — сказал он, на минуту нахмурившись. — Мы будем штурмовать Оловянную, не скрою, бой предстоит жестокий. Нам придется переправляться через горную реку Онон, быструю и глубокую. Мост через Онон взорван, поэтому надо проявить смекалку и взаимовыручку, чтобы успешно провести наступление. Вы доказали, что можете громить превосходящие силы врага. Сильнее силы — правда, поэтому мы побеждаем. Ваш отряд показал себя храбрым и самоотверженным, надеюсь, и в грядущих боях вы не уроните чести своего красного знамени. Один французский революционер сказал: «Нам нужна смелость, еще раз смелость, всегда смелость!» Пусть его слова будут вашим знаменем в боях! Да здравствует победа над врагами Советской власти! Ура!

Красноармейцы громко и восторженно подхватили, и раскатистое «ура» пронеслось эхом над горами. Лазо приветственно махнул рукой и вскочил на коня, тот с места понесся вскачь.

Недалеко от Хаджумара стояла группа бойцов и оживленно переговаривалась:

— Я не знал, что Лазо такой молодой, ему, поди, и двадцати пяти еще нет, — сказал Игнатов, бывший кузнец, а сейчас оружейник отряда, меткий пулеметчик. — А как зажигательно говорит! Горячий человек. Из каких он краев? Кто знает, братцы?

— Я слышал, когда был в Иркутске, — быстро отозвался молоденький Бляхин, гармонист и запевала, — будто он из Бессарабии. Так ведь, товарищ командир? — обернулся он к Хаджумару.

— Ты правильно сказал, Бляхин, — подтвердил Хаджумар. — Товарищ Лазо родом из Бессарабии, учился в Москве, в университете, во время первой мировой войны его мобилизовали и послали в военное училище, после он служил в Красноярске, устанавливал там Советскую власть, а в декабре подавлял юнкерский мятеж в Иркутске.

— Ребята, которые здесь с зимы, рассказывали мне, — подал голос Игнатов, — что Лазо отчаянной храбости человек, в штабе не сидит, в каждом бою сам идет в атаку с красноармейцами. По моему разумению, зря он рискует своей головой, командующий фронтом должен все обмозговывать, направлять войска на врага, а неходить с винтовкой в атаку. Так я рассуждаю, товарищ Гетоев, — обратился он к Хаджумару.

— Личная смелость командира — большое достоинство. Когда он в одной шеренге с бойцами, у тех прибавляются новые силы, крепнет уверенность в победе над врагом. Ну, а война без риска — немыслима. Лазо по натуре такой, потому ему и не сидится в штабе; хочет своими руками пощупать противника, а это необходимо любому командиру.

— Ты, товарищ Гетоев, так говоришь, потому что сам в этих делах похож на Лазо, — сказал Игнатов под одобрительный смех конников, — не переубедил ты меня. Незачем командующему фронтом подставлять голову под дурацкую пулю, с него спрос не за один бой, а за целую кампанию. Сейчас здесь самый основной фронт, вот и кумекайте, прав я или нет.

— При удобном случае скажи сам об этом товарищу Лазо, — засмеялся Хаджумар, — может, он тебя переубедит, а я, как ты говоришь, не сумел этого сделать.

— И скажу, не сробею, — решительно пробасил Игнатов. — Таких командиров, как Лазо, надо беречь.

— Ну, а таких, как я? — шутливо поддел Хаджумар и вдруг почувствовал, что с нетерпением ждет ответа от этого рассудительного, откровенного и искреннего бойца.

— Так ты пока не командующий фронтом, — прямодушно отрезал Игнатов, — каждый на своем месте. — И добавил: — Не серчай на меня, ежели что не так сказал.

— И здесь ты прав, Игнатов, — усмехнулся Хаджумар, — таких командиров у Лазо несколько десятков, да и замена всегда найдется, так что масштаб у меня не тот, — едва уловимая обида проскользнула в голосе Хаджумара, хотя он понимал, что не должно быть этому причины. Для бойцов его авторитет непререкаем, еще ни разу ему не пришлось дважды повторить приказа. Да и по-человечески все в отряде относились к нему с искренним уважением, даже люди старше его по возрасту...

Бляхин во всю ширь растянул свою гармонь, пальцы его ловко и неуловимо прошлись по ладам. Парень на глазах преобразился, его удалой чуб придавал ему вид задористый и веселый. Ломким баском Бляхин гаркнул частушку:

Ну-ка, Трошка, двинь гармонь,
Бей бандитов белых.
Революции огонь
Разжигай-ка смело!

Неожиданно для Хаджумара, да и для всех остальных бойцов, грузный Игнатов гоголем прошелся по кругу, выкрикивая одну за другой частушки:

Победить иль умереть,
Бросим вызов смело,
Буржуазию стереть
Сможем мы умело.

Проживем мы без царя
И без царского псаря,
Надоел нам царский кнут,
Русью правит вольный труд!

На голос гармошки потянулись люди из других отрядов. Они еще издали улыбались, предчувствуя ра-

дость коротких, веселых минут отдыха перед новым боем.

Шустрый, подвижный, как ртуть, молодой казак пустился в пляс, на одном дыхании выпалил:

Ты, Семенов, не кичись,
В тебе толку мало.
Хоть с японцами явись,
Твое все пропало.

Пусть попробует Семенов
Только сдвинуться с крыльца,
Пожалеем ли патронов
Для такого подлеца?

Бойцы засмеялись, громко захлопали в ладоши, еще теснее сомкнулся круг, еще заливистей и задорней звучала гармонь. Донельзя довольный Бляхин в упоении притоптывал, сверкая ослепительной улыбкой. Хаджумар от всей души расхохотался, когда услышал частушку, пропетую тщедушным казаком, к удивлению, обладавшего густым рокочущим басом:

Красны Борзю занимали,
Пулеметы такали,
Офицеры удирали,
Только шпоры брякали...

Хаджумар с сожалением покинул веселых бойцов: за ним прискакал посыльный из штаба, который разместился в вагоне-теплушке. Не всех собравшихся командиров знал Хаджумар, поэтому с любопытством оглядывался, заметив это, Борис Кларк подсел к нему и шепотом стал называть людей:

— Вот те трое — Балябин, Метелица, Бронников, они из Первого Аргунского революционного казачьего полка, рядом сидят ребята из Первого Дальневосточного социалистического отряда, командир Бородавкин и комиссар Губельман, чуть поодаль от них Серышев, он командует батальоном Красной гвардии, ну, а остальных ты успел узнать.

С Борисом Хаджумар сошелся как-то особенно быстро. Сын ссыльного революционера, Борис и родился в ссылке, в одной из юрт бурятского улуса, раскинувшегося на берегу Ангары близ Балаганска. Царское правительство превратило его в постоянное место ссылки политических. Как и Хаджумар, Борис шестнадцатилетним подростком участвовал в революционных событиях

1905 года в Чите, раздавал оружие железнодорожникам. Потом арест, ссылка, побег с Акатуйской каторги, опять арест и опять побег... Видимо, это общее в судьбах сближало их и делало многое одинаково понятным.

Лазо стоял около стола, покрытого, как скатертью, огромной картой-двуверсткой, он обвел всех внимательным взглядом и сказал:

— У станции Оловянная Семенов сконцентрировал свои основные силы. И мы должны их разбить, устранив тем самым угрозу рассечения Забайкалья. По данным разведки Семенов тоже готовится к наступлению, мы обязаны перехватить инициативу, что во многом решит исход боя за Оловянную. Прошу присутствующих командиров доложить о боевой готовности вверенных им частей и настроении бойцов.

Выслушав короткие доклады, Лазо объявил приказ о наступлении на Оловянную.

— Атака должна быть дружной и стремительной, — подчеркнул он. — Атакующих будет поддерживать артиллерия и две бронеплощадки. Еще раз напоминаю, не забывайте — у семеновцев превосходство в численности и вооружении. Значит, мы должны противопоставить этому умелую тактику и умный маневр. А сейчас получите у начальника штаба детальные указания на завтрашний день.

Хаджумар получил приказ пройти против течения Онона вдоль берега верст на десять, найти удобное место для переправы и постараться оказаться на вражеском берегу до рассвета. А с первыми лучами солнца ударить Семенову в тыл.

Под вечер отряд двинулся в поход. Рядом с отрядом Гетоева маневр проводили казаки-аргунцы Зиновия Метелицы и Особая кавалерийская сотня Бориса Кларка. Такое боевое окружение успокаивало Хаджумара.

Посланные вперед разведчики нашли место, где можно начать переправу. Хаджумар спешился и, держа коня в поводу, первым стал спускаться к воде. Он оглядел пенистую реку. Она напомнила ему родные реки родины, через которые столько раз приходилось перебираться вплавь, и, обращаясь к конникам, сказал:

— Верхом переплыть нельзя — тяжело для лошади. Придется плыть рядом, держась за гриву или за

хвост, не бойтесь, лошадь хорошо плавает. Но когда достигнете берега, от лошади отплывите в сторону, иначе может ударить копытом, когда будет выбираться на берег.

Майская вода быстрого, бурливого Онона была обжигающе холодна, то тут, то там слышались приглушенные вскрикивания и чертыхания. Хаджумар переплыл реку первым, быстро отжал одежду и теперь устало смотрел на бойцов, один за другим карабкавшихся из воды. Звенели стремена, похрапывали лошади. Чтобы не обнаружить себя, решили не разводить костры, а майские ночи в Забайкалье прохладные, холода и мокрая одежда. Дремали неподвижными великанами могучие сопки, в высоком небе пугливо дрожали редкие звезды, от реки пополз жидкий туман, пробиравший до костей. В тишине был слышен малейший шорох, и казалось, оглушительно громко хрустят лошади молоденькой, едва пробившейся травой. Ночь быстро проходила, и сотни глаз в ожидании поднимались к небу. Но сигнал к наступлению, как всегда, показался неожиданным. Крутой дугой взвилась красная ракета, и конники помчались на врага...

Станция Оловянная была взята, но семеновцы не захотели мириться с ее потерей, получив пополнение, они бросились в контратаку. С раннего утра и до вечерней зари кипел ожесточенный бой. Красные бойцы не только отбили атаки врага, но и обратили его в бегство. Поражение на Оловяннинских высотах обескураживающее подействовало на семеновцев, они десятками стали дезертировать, две тысячи хунхузов отказались воевать и ушли в Маньчжурию. В тылу войск Семенова появились партизанские отряды, они сумели установить связь со штабом Лазо и стали действовать по единому плану с командованием красных войск. Земля горела под ногами атамана, он начал понимать, что поражения его не случайны. И все больше зверяя, вымешал свои неудачи на мирных жителях. Над селами заклубился дым пожарищ — семеновские бандиты жгли дома тех, кого они подозревали в сочувствии красным. Да, против безоружных людей они были храбрецами, но схваток с красными избегали, не принимая боя, они, настегивая нагайками коней, бросались наутек... Для Красной Армии наступил период относительного отдыха.

Хаджумар чистил своего буланого, когда к нему подскакал на взмыленном коне ординарец Лазо.

— Товарищ Гетоев, командующий приказал вам немедленно явиться к нему, — прокричал он и умчался прочь.

Не мешкая, Хаджумар оседлал коня и поехал в штаб. Лазо быстрыми шагами ходил по комнате, лицо его было сумрачным, в темных глазах застыла боль. Таким Хаджумару не приходилось еще видеть командующего.

«Что могло стрястись, — недоумевал Хаджумар. — На фронте небольшое затишье, Семенов откатился до самой Борзи. А ведь случилось что-то из ряда вон выходящее».

Лазо пристально оглядел Хаджумара и сказал:

— В Западной Сибири и на Урале чехи и белогвардейцы подняли антисоветский мятеж. По приказу Центросибири ваш отряд завтра должен отправиться на Нижнеудинский фронт. Дополнительные указания получишь в Иркутске.

— Когда это произошло? — спросил Хаджумар, сам толком не понимая, зачем ему знать точную дату. Сообщение Лазо ошеломило его, и он на какое-то время чуть не растерялся. — Ведь их несколько десятков тысяч, а наши войска в основном здесь, на Даурском фронте.

— Вот поэтому мне приказано отправить несколько наиболее боеспособных частей на Нижнеудинский фронт. Выступили чехи несколько дней назад, их эшелоны растянулись по всей Сибирской магистрали, это представляет большую угрозу для Советской власти в Сибири, — сказал задумчиво Лазо. — И может так случиться, что они пойдут с двух сторон. Ведь во Владивостоке их скопилось немало. Ситуация сейчас сложная. Желаю твоему отряду успехов, — протянул руку Лазо и обнял Хаджумара, троекратно поцеловав.

— Спасибо тебе за выучку, Сергей, от меня и моих бойцов, — поблагодарил Хаджумар. — Теперь мы умеем воевать не только на улицах, но и в поле, и в горах. Опыт мы здесь приобрели поистине бесценный. И мы не забудем нашу боевую дружбу...

Замелькали мимо знакомые станции, путь от Читы до Иркутска занял времени меньше, чем предполагал

Хаджумар. В иркутском штабе ему сказали откровенно, что положение на фронте исключительно тяжелое.

Враг превосходит численно наши отряды, идет неравная борьба. Чехи хорошо вооружены, имеют множество пушек и пулеметов, их союз с белогвардейцами направлен против Советов. Пала Советская власть в Томске, Нижнеудинске, Омске, Канске.

У Хаджумара все внутри похолодело, когда он узнал, что Юлия с сыном осталась в захваченном контрреволюционерами городе, выехать из него ей не удалось. Прошел лишь месяц, как он расстался с семьей, и вот сейчас никто не может сказать, когда они встретятся, да и встретятся ли. В душе Хаджумар надеялся на Юлию, на ее смелость и находчивость, она сумеет спрятаться с сыном, хотя Хаджумар и понимал, что в маленьком Канске это слишком сложно. Найдутся наверняка такие, кто с радостью выдадут его семью на расправу контрреволюционерам. И эти кровавые псы будут глумиться над женой начальника канской милиции и Красной гвардии, злобно мстя за пережитый свой страх. Сейчас они все вылезли из подполья, считая, что настал их час, и празднуют его кровавым разгулом. Хаджумару приходилось видеть эти жуткие картины...

Мрачные мысли не покидали Хаджумара всю дорогу, пока он ехал на Нижнеудинский фронт. А там он попал в такой водоворот событий, какого ему прежде не доводилось и видеть. Ход боев на Нижнеудинском фронте носил совсем иной характер, чем в Даурине. Пользуясь своим численным преимуществом, чехи и белогвардейцы теснили слабые отряды красных войск вдоль железной дороги, и те медленно откатывались, оставляя за собой взорванные пути и тоннели. Хаджумар недолго командовал своим конным отрядом, вскоре его назначили членом Сибирского военного комиссариата, и началась кочевая жизнь Хаджумара — фронт, мобилизация населения, подготовка боевых позиций, опять мобилизация и опять фронт. Эта кочевая жизнь до предела изматывала Хаджумара, к этому добавлялась еще и душевная мука о неизвестной судьбе Юлии и сына. Ему удалось разыскать нескольких беженцев из Канска, но они не могли сказать ему ничего утешительного. И лишь через месяц, в августе, окольным пу-

тем дошла до Хаджумара печальная весть об аресте Юлии. Сына спрятали надежные люди. А фронт откатывался и откатывался к Байкалу...

Штаб Прибайкальского фронта разместился на маленькой станции Танхой на самом берегу Байкала. Хаджумар возглавлял оперативный отдел, и так получилось, что ближе всех в эти грозные дни он сошелся с Федором Лыткиным, политкомиссаром фронта. И благодарил судьбу за нового товарища. Может, потому, что молодой и порывистый Федор напоминал Хаджумару его юность, а может, потому, что и обличием, и манерами напоминал Хаджумару его родной далекий Кавказ. В Федоре текла горячая кавказская кровь: его отцом был горец Агит Полат-бек. И Федор тянулся к внешне сумрачному, но доброму и отзывчивому в душе Хаджумару. Поэтическая натура Федора, писавшего памятные стихи, жаждала необыкновенного, и это необыкновенное видел он в судьбе Хаджумара и начальника штаба Трилиссера, прошедших через каторгу и многолетнюю ссылку, но не утративших неистового стремления к борьбе за торжество революции.

Хаджумар и Федор часто беседовали, порой спорили, расходясь в оценке событий. Но эти споры еще больше сближали их и разжигали взаимное любопытство друг к другу.

Ночь вступила в свои права, зеленоватые звезды качались в темной байкальской воде, от недалекого костра доносился горьковатый запах дыма. Шорох ленивых волн почти не нарушил тишины. Друзья сидели на камнях, которые еще не успели отдать дневного тепла. Приятная вечерняя прохлада освежала тело, и усталость потихоньку проходила.

— Федор, — окликнул Лыткина Хаджумар, — вчера я услышал, что ты в июне вел переговоры с чехами. Расскажи подробно о переговорах, ведь я совсем ничего не знаю об этом. Выходит, ты и поэт, и комиссар, и дипломат.

— Прямо по пословице: и жнец, и на дуде игрец, — засмеялся Федор и сразу сделался серьезным. — Участие в переговорах мне самому на многое открыло глаза. Еще в конце марта нам в Центросибири стало известно о враждебном отношении чехословаков к Совет-

ской власти, они нарушали договоренность и везли с собой оружия в несколько раз больше, чем было обусловлено. На время чехи притихли, даже печатно заявили, что не намерены вмешиваться в наши дела и не будут помогать контрреволюционерам. Их Национальный Совет клятвенно заверял: с русскими нам незачем вступать в вооруженные столкновения. Но в конце мая в Иркутске пришлось с боем разоружать воинственно настроенный эшелон чешских солдат. Да и в других местах они отказывались разоружаться. Мы надеялись, что стычки эти носят случайный характер. Но вскоре чехи подняли мятеж сразу в нескольких городах и стало ясно, что это организованный мятеж. Мы пытались мирным путем уладить вооруженный конфликт. По поручению председателя Центросибири Яковлева я ездил в Мариинск для переговоров с командованием чехословацких частей. К этому времени нам удалось заключить соглашение с представителями частей, находившихся к востоку от Иркутска. Это давало нам надежду на успех переговоров в Мариинске. Там я встретился с Рудольфом Гайдой, который командует сейчас всеми частями чехов и белогвардейцев, наступающих на нас.

— И что он из себя представляет? — поинтересовался Хаджумар.

— В чине капитана, лет ему около тридцати. Держался высокомерно, вызывающе грубо. Чувствовалось, что временный успех вскружил ему голову и он перестал считаться с реальностью, всерьез думает, что сможет свалить Советскую власть в Сибири.

— Ну Гайду и его полки мы не раз заставляли показывать спину, — напомнил Хаджумар. — Это было под Тулуном, сейчас вот под Пеньковкой и Выдрино чехи отступили. И если бы мы были вооружены, как они, гнали бы их, пока они пощады не попросили. Ну и что дальше было с переговорами?

— Чехи заключили перемирие на шесть суток, — продолжал рассказ Лыткин. — Теперь стало ясно, что они использовали переговоры для того, чтобы подтянуть свои эшелоны, сконцентрировать силы, добиться полной согласованности действий. Чехов ободряла прямая, незамаскированная поддержка представителей держав Антанты...

— Приходилось тебе встречаться с рядовыми? —

спросил Хаджумар. — Почему мы не смогли открыть глаза ослепленным чешским солдатам?

— Офицеры, а они все настроены контрреволюционно, тщательно оберегали рядовых солдат от общения с нами. В Мариинске мне не удалось ни с кем из них поговорить. А вот в Нижнеудинске состоялся короткий разговор. Я понял, что среди солдат есть колеблющиеся, но все они поддались антисоветской обработке. Когда я спросил их: «Разве вы не видите, не понимаете, что вас используют для того, чтобы отнять у трудового народа кровью завоеванную свободу, и помогаете вы темным силам реакции, несмотря на данное слово не вмешиваться в русские дела?» В ответ раздались выкрики: «Большевики действуют заодно с немцами и хотят нас выдать им, а потому отбирают у нас оружие. А только с оружием в руках мы можем пробить себе дорогу на родину». И я понял, что эсеры и меньшевики крепко поработали среди них с благословения офицеров.

— Самая большая опасность мятежа чехов состоит в том, что им удалось благодаря захвату Транссибирской магистрали рассечь Сибирь на районы, не имеющие между собой связи, изолированные друг от друга, — сказал Хаджумар. — И потому наши разрозненные удары пока не в состоянии остановить продвижение чехов и белогвардейцев.

— Если бы нам удалось мобилизация, — сказал Лыткин, — и мы могли бы вооружить мобилизованных, с мятежом было бы покончено в считанные дни.

— Могу тебя порадовать! — воскликнул Хаджумар. — Вечером я получил сводку с Даурского фронта. Лазо ночным штурмом взял высоты Тавын-Тологоя! Не помогли Семенову ни японские советники, ни их вооружение. Последнее змеиное гнездо семеновщины в Забайкалье раздавлено. Атаман сумел убежать, ни одного семеновца сейчас нет на земле советского Забайкалья.

— Весть действительно радостная, — вскочил Лыткин, — может, и мы здесь сумеем добиться перелома. Завтра обязательно будет призывная передовица в «Красноармейце», я уверен, весть о победе над атаманом воодушевит наших бойцов, вселит в них новые силы. И отсюда, от Танхоя, начнется наш победный путь. Часть своих сил Лазо направит нам, и это будет

большой поддержкой. Знаю по твоим конникам, Хаджумар, что бойцам, побывавшим на Даурском фронте, цены нет. Один стоит трех!

— Это ты правильно сказал, — подтвердил Хаджумар. — Тот, кто прошел выучку у Лазо, становится умелым воином. Был бы здесь Лазо, многое бы к лучшему изменилось. Сколько дорогое времени уходит на бесплодные говорения, заедает нас стихия митингов. У Лазо этого не было, он советовался с командирами, принимал их замечания и предложения, но когда отдавал приказ, строго требовал его неукоснительного выполнения.

— Да, это болезнь наша, — согласился Лыткин, — детская болезнь, — усмехнулся он, подумав. — Народ долго молчал, а теперь он хочет выговориться, забывая порой, что нужны не слова, а дела. Сложная сейчас обстановка, вот даже мы, вроде бы опытные люди, и то далеко не сразу можем правильно оценить происходящее, предугадать его последствия. А ты знаешь, Хаджумар, — неожиданно переменил разговор Федор, — год назад я ездил на Кавказ к отцу, в свой аул Хараба-Дигор.

— А где находится этот аул? — загорелся Хаджумар и весь подался к другу. Ему не верилось, что рядом сидит человек, который совсем недавно из его родных мест. Хаджумар с нетерпением ждал ответа Федора.

— Аул Хараба-Дигор соседствует с городком Алагез, в сорока верстах от Карса, — пояснил Лыткин.

— Так это рядом с Турцией, — разочарованно протянул Хаджумар. — А я было обрадовался, подумал, что ты гостил на Северном Кавказе и тогда мог бы мне рассказать, как сейчас там живут мои земляки. И как жаль, что мы оторваны от России, ничего не знаем, что делается в других местах.

— Это ненадолго, — подбодрил Федор. — К нам обязательно придет помочь из Петрограда, Москвы, с Урала, если мы не справимся своими силами. Скажи, Хаджумар, всюду на Кавказе аулы такие же бедные и маленькие?

— Я не могу похвастаться, что изъездил весь Кавказ, — пожал плечами Хаджумар. — А у нас, в Осетии, аулы действительно маленькие и бедные. Вот наш аул, Камат, ему уже не одна сотня лет, стоит высоко в

горах. Земли мало, лугов мало, да и то, что есть, принадлежит алдарам — помещикам. Берут в аренду у них крестьяне землю, цены за аренду грабительские. Вот почему в девятьсот пятом и поднялись так дружно на борьбу, невзирая на уговоры старейшин, хотя у нас в Осетии, как и везде на Кавказе, возраст уважаем и слово старшего — закон.

— А как у вас мужчины относятся к женщине, я слышал, что у горцев она чуть ли не рабыня? — спросил Федор.

Хаджумар весело рассмеялся:

— Женщину у нас называют ласково и уважительно: хозяйка-кормилица. Конечно, живет она замкнуто, лишена многоного. Но мужчина никогда не поднимет руку на женщину, а девушка приравнивается к цветку. И женщина так же свято чтит обычай, как и мужчина. Жена никогда не изменит мужу. А дети на замечания взрослых — никогда не возразят. Маленький мальчик считается ростком джигита, и его с детства приучают к трудностям. Неписаные вековые законы прочны, хотя от некоторых, таких, как кровная месть, уж лучше бы поскорее избавиться...

Хаджумар замолчал, и лицо его болезненно напряглось. Почему-то вспомнился давний, последний разговор с другом детства Бесланом Отаровым, которого он за предательство должен был убить. Вспомнились такие юные по сравнению с ним, теперешним, седым и морщинистым в свои тридцать четыре, — Бидзига и Габи. «Какими они были бы теперь?» — подумал Хаджумар, а вслух сказал:

— Сейчас мне вспомнилось одно сказание о «Нане Задалесской». Нана — бабушка, Задалесск — аул. Тебе, Федор, как поэту, интересно будет услышать это сказание. Правда, может, перевод будет корявый, но смысл я передам точно. И смысл его весьма и весьма значительный.

— Как говорят на Востоке: я повесил свои уши на гвоздь внимания, — отозвался Федор. — Ты начинай рассказ, а я тем временем запалю костерок, скоро будет светать, становится свежо.

Федор сноровисто разжег огонь, пламя высветило хмурое, сосредоточенное лицо Хаджумара; отблески огня задрожали на мелкой байкальской волне. С востока,

где должно взойти солнце, низко над водой плыли кло-
чья белесого тумана. Росой покрылись прибрежные ва-
луны, и костер сиялся весьма кстати.

— Тяжело было настало для Дигории, — напев-
ным речитативом начал Хаджумар. — Свирепые воины
Тимура тучей набросились на мирные села. Грозный
набат облетел всю страну, и гнали джигиты грудью
против полчищ врага. Как молнии мечи их сверкали, но
пали джигиты героями в неравном бою. Никого не ща-
дили кровавые псы Тимура, ни стариков, ни женщин,
ни младенцев. И утром, когда встало солнце, оно уви-
дело на месте аулов холодный пепел, затоптанные посе-
вы. И не стало славной Дигории. Лишь одинокая жен-
щина брела по дороге, рыдая, рвала на себе волосы,
проклиная воинов Тимура и матерей, родивших их.
В лесу нашла она детей, немых от страха, и повела их
полями сожженными, через хребты высокие в пещеру
Задалесскую. Оберегала их день и ночь от врагов и от
зверей. Ласка ее материнская отогрела души детей, и
стали они поправляться, с каждым днем крепли их си-
лы, и пришло время, когда Нана отпраздновала свадь-
бы осенние и появились у нее внуки весенние. И возро-
дилась вновь Дигория, поползли по горным кручам
стада тучные, и ожили пепелища, закипела жизнь в
аулах. А когда умерла общая мать — Нана Задалес-
ская — с почестями похоронили ее в той же пещере.
И не забывают ее и по сей день дигорцы! Каждую вес-
ну собираются к той пещере на праздник. В той пещере
и меня сберегла Нана Задалесская от царских жандар-
мов, — закончил, повеселев, Хаджумар.

— Прекрасная легенда! — воскликнул Федор. — Очень поэтично воспел народ несгибаемую силу духа, свое стремление к мирной жизни. Нана Задалесская — это символ несокрушимой мощи народа, его веры в счастье. Сказание это перекликается с нынешним днем, и сейчас народ ведет борьбу за свою свободу, и белогвардейцы ничем не лучше воинов Тимура, также кровожадны... Но восторжествует правда, и будут царить на нашей земле справедливость и счастье, несмотря ни на что.

Посерело небо, редкие перистые облака погасили звездную россыпь, солнце еще не показалось из-за горных хребтов Хамар-Дабана, а новый день уже начался.

Где-то далеко на западе ударили пушки, с пронзительным гудком тронулся поезд и направился в ту сторону, откуда доносилась орудийная канонада. Из вагонов, стоявших в тупике, высаживали бойцов, обгоняя друг друга, бросились к Байкалу, гремя подрами и котелками. Хаджумар и Федор загасили костер и несколько минут любовались красотой байкальского рассвета, прежде им не приходилось этого видеть. Заснеженные вершины Хамар-Дабана наконец выпустили из своего плена красновато-желтый диск солнца, и байкальская вода засверкала мириадом бликов; на глазах с прибрежных скал сползала ночная угрюмость. От пристани отчалил пароход, и пенистая волна стала лизать сизую гальку.

— А ты знаешь, Федор, — неожиданно признался Хаджумар, когда они шли к штабной теплушке, — двенадцать лет назад я поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, правда, учиться почти не пришлось: революционная работа отнимала все время, а потом судьба забросила меня в далекие от Казани края. Вот когда Советская власть окрепнет повсеместно, я займусь изучением истории родного народа, его творчества.

— Удивительное совпадение, — засмеялся Лыткин, — и я учился на филолога в Томском университете, правда, больше выступал на митингах, чем на семинарах. Сокровенная моя мечта — написать поэтическую книгу о людях, которые строят новый мир, не жалея себя, защищают его от посягательств врагов. Мы сейчас не только разрушаем старое, а и созидаем. Созидаем новые отношения между людьми, на наших глазах рождается новый человек — и в этом я вижу главное завоевание революции. Посмотри, как всколыхнулся народ, как страстно он тянется к новой жизни, как жертвует он многим ради ее торжества. И потому мы непобедимы, за нами будущее, которое строится сейчас нашими руками. И никто и ничто не в силах остановить ход истории. Чехи и белогвардейцы обманывают себя, думая, что они в состоянии подавить стремление народа к подлинной свободе. Народ не потерпит, чтобы иноземцы и прислуживающие им белогвардейцы вновь закабалили его. А они этого не хотят понять, ослепленные временным успехом...

— Вот именно, временный успех, — поддержал Хаджумар. — Если в сегодняшнем наступлении отрядам Хлебникова военное счастье улыбнется, мы добьемся перелома в свою пользу. Победа нам сейчас необходима, как воздух: бойцы держатся на пределе своих сил.

— Да, непрерывными боями они измотаны донельзя, — кивнул Федор. — Нужны свежие части, Лазо вряд ли сможет выделить нам много. Против Семенова придется держать хороший заслон, атаман не откажется от своего замысла отторгнуть Забайкалье и отдать его на разграбление японцам...

Хаджумар засиделся в своей теплушке до позднего вечера, писал донесение в Главный штаб о боевых действиях отрядов Хлебникова. Неожиданно на пороге появился Лыткин, юношеское лицо его горело гневом, в судорожно сжатой руке он держал какую-то бумагу.

— Вот до чего обнаглели эсераы, — с возмущением выкрикнул он. — Эту пакость привезли с собой анархисты. Им в Верхнеудинске кто-то рассовал по вагонам десятки подобных листовок. Вся белогвардейская нечисть выползла из своих щелей и как только может вредит из-за угла Советской власти, провоцирует массы на выступление против нее. Меньшевики и эсераы, сбросив маски миротворцев, стали застрельщиками в этом поозорном походе. Прочти сам, и убедишься, как они, вкупе с белогвардейцами, цинично клевещут на большевиков, призывают к крестовому походу против нас.

Хаджумар взял протянутую листовку и, пододвинув ближе коптилку, стал читать. Главным в этой листовке было стремление контрреволюции любыми путями столкнуть сибирских крестьян с большевиками.

— Программная листовочка, — с негодованием сказал Хаджумар. — Не нам, а белогвардейцам нужны реки крови, чтобы потопить в них всех, кто защищает власть трудового народа. Все пущено в ход эсераами — ложь, клевета, лишь бы настроить враждебно массы против большевиков. Да, трудно нам придется, если в нашем тылу начнутся кулацкие мятежи.

— Ну, до этого дело еще не дошло, — возразил Федор, — хотя ты прав. По всему видно, что агитация эсераов имеет успех у определенной части крестьянства, и с этим нам нужно считаться...

Федор помолчал и потом, как бы собравшись с духом, сказал виноватым голосом:

— Уезжаю я завтра, Хаджумар. Председатель Центросибири Николай Николаевич Яковлев вызывает меня в Благовещенск на переговоры с Дальсовнаркомом. Никак мы не можем добиться согласованных действий. Яковлев надеется, что переговоры приведут к положительному сдвигу. Сейчас, как никогда, необходимо единство действий всех советских органов Сибири и Дальнего Востока.

— Ты вернешься сюда? — спросил Хаджумар.

— Обязательно, как только закончатся переговоры, — быстро ответил Лыткин. — Я думаю, они просятся не дольше недели.

Но Федору не пришлось вернуться на Прибайкальский фронт. Отряды Хлебникова попали в окружение, и красные войска, потерпев поражение сначала у Мысовой, а потом под Посольской, отошли к Верхнеудинску. Силы для борьбы с чехами и белогвардейцами у сибирских Советов иссякли. После недолгого боя был оставлен и Верхнеудинск. Лыткин с группой работников Центросибири решил пробиться из Благовещенска на север, сначала в Якутию, а потом в Омск. Судьба центросибирцев была трагична — белогвардейцы настигли их в тайге.

На маленькой станции Хилок Хаджумар к великой радости своей встретил Лазо, идущего навстречу с отрядом.

— Наконец-то ты приехал к нам! — воскликнул Хаджумар, обнимая Лазо. — И было бы совсем хорошо, если бы это случилось три недели назад. Уверен, многое бы изменилось к лучшему.

— Раньше приехать не мог, — пояснил Лазо. — Нужно было на переговорах с китайцами добиться, чтобы они не позволили битому атаману вновь перейти границу. Правда, перемирие удалось заключить на пять недель, но тем самым мы обезопасили наш тыл. До начала сентября Семенов не ударит нам в спину. Сейчас мне поручили прикрывать отход красных отрядов сначала до Читы, а потом дальше на восток. Не узнал я тебя, Хаджумар: лицо измученное, ты совсем почернел.

— Каждая наша неудача оставляет в моем сердце

кровоточащую рану, — с болью сказал Хаджумар. — Я до сих пор не могу поверить, что Прибайкальского фронта больше нет, а есть лишь несколько сот бойцов, которые, конечно, не могут сдержать натиск врага.

— В чем, как ты думаешь, причина поражения? — задумчиво спросил Лазо. — Ведь Прибайкальский фронт несколько раз заставлял чехов и белогвардейцев отступить.

— Постараюсь ответить на твой вопрос, Сергей, правда, я пока не в состоянии все систематизировать, и поэтому мой рассказ, наверное, будет несколько сбивчивым и неполным, — он помолчал, собираясь с мыслями. — На Прибайкальском фронте было мало по-настоящему боеспособных частей. Анархистские отряды самовольно уходили с позиций, так было у села Култук, да и в других местах, и тем самым оголяли фронт. И в эту зияющую дыру устремлялись чехи. Они, кстати, часто делали глубокий обход наших позиций, и мы, боясь окружения, откатывались. Когда же чехи не могли нас сбить с позиций лобовым ударом, они, собрав свои силы в кулак, били по флангам, а они у нас всегда были слабо прикрыты. Мы держались за железную дорогу, и любой выход чехов в наш тыл, как правило, вызывал панику. Точнее, панику вызывали провокационные слухи, белогвардейская агентура часто прибегала к этому. Устраивала она и крушения наших бронепоездов. Наконец чехам удалось осуществить свой замысел — захватить нас в огненном мешке с запада и востока. Высадив десант в Посольской, они отрезали нам путь к отступлению. Измотанные в беспрерывных боях, мы пробивались из окружения под густым огнем врага, а сами берегли патроны — у каждого из нас их было лишь по пятку. Красноармейцы боялись попасть в плен, знали, что их ждет жуткая расправа.

— Ну, а почему Хлебникова постигла неудача? — спросил, еще более посуворев, Лазо. — Сначала он отбросил белогвардейцев.

— Хлебников здорово потрепал два полка, состоявших сплошь из белогвардейских офицеров. Увлекся преследованием противника, а занятых позиций не закрепил, не позаботился об устойчивой связи со штабом. Белогвардейцы небольшим отрядом вышли ему в тыл, а потом ударили в лоб и сумели окружить.

Бывало у нас и такое, когда мы переоценивали силы противника. И виной этому слабая разведка. Мы точно не знали сил противника, его планов.

— А как было насчет дисциплины? — спросил Лазо.

— По правде говоря, слабо. У многих командиров мало было боевого опыта. А анархисты вопили во все горло: «Всякая дисциплина — насилие над личностью, долой насилие». Подстрекали красноармейцев к неповиновению, распуская слухи, что командиры, не считаясь с усталостью бойцов, заставляют их защищать невыгодные позиции.

— Анархистские отряды надо было с первого дня отвести в тыл и переформировать, — возмущенно сказал Лазо. — Сколько крови они попортили мне на Дарурском фронте, если бы они не волынили, мы бы ни разу не отступили.

— А кем мы могли их заменить в то время? Отправили бы их в тыл и неизбежно оголили фронт, а это привело бы к еще более быстрой развязке.

— Ты же сам сказал, Хаджумар, что анархисты без приказа штаба покидали позиции. Без сознательной революционной дисциплины мы обречены на поражение! — воскликнул Лазо.

— Я согласен с тобой, твердая дисциплина — залог победы, — отозвался Хаджумар. — Но у нас хромала не только дисциплина, но и снабжение фронта патронами и снарядами. Я понимаю, нам давали все, что могли, но этого было мало. Чехи имели превосходство и в живой силе, и в плотности огня. Пушек у них было в шесть раз больше, чем у нас. Один пленный показал, что Гайда обещал разгромить Прибайкальский фронт за неделю. И все-таки мы продержались два месяца.

— Теперь, как я догадываюсь, ты скажешь, что Прибайкальский фронт сражался против вражеской кадровой армии. Ведь чехи несколько лет обучались ведению войны в полевых условиях, — устало усмехнувшись, добавил Лазо. — Ну, да ладно, нечего теперь голову вешать. Наши победы впереди. Теперь мы тоже кое-чему научились, а главное — доказали, что можем быть и такого противника, как чехи и офицерские полки белогвардейцев. Что собираешься дальше делать? — неожиданно спросил Лазо Хаджумара.

— Мы с Метелицей организовали отряд, сейчас в

нем пока около полутора сотен бойцов, но думаем, будет больше, и решили пробиться через Монголию в Туркестан. Там соединимся с Красной Армией.

— Этот кружной путь займет много времени, — заметил задумчиво Лазо, — да и сил отнимет уйму. Полторы тысячи верст вам придется идти через горы. А на носу осень, расхлябица, холода. Не надо забывать и о том, что в селах и станицах сейчас хоятчиают кулаки, они подмяли под себя бедняков, поэтому на поддержку населения особенно нельзя рассчитывать. Значит, будут трудности с продовольствием и фуражом для лошадей. Белогвардейцы сейчас оставляют гарнизоны во всех крупных селах, вам придется их обходить, и тратить дорогое время. Словом, на мой взгляд, ваш план трудно осуществим, потребует огромных лишений. И стоит ли идти в далекий Туркестан, чтобы продолжать борьбу? Я считаю, что бороться с белогвардейщиной можно и здесь, в Сибири. Какие бы неудачи не постигли нас, мы не имеем права прекращать борьбу. Сейчас закончился первый этап гражданской войны в Сибири и наступает новая ее фаза. Наш долг изменить тактику и стратегию, приспособить их к сложившимся условиям, собирать силы и готовиться к новым схваткам. Наше поражение временное, и сейчас, как никогда, нужна выдержка, сплоченность. Я уверен, Центросибирь создала в крупных городах подпольные группы и ячейки. Мы должны начать партизанскую борьбу.

— Этим и будет заниматься наш отряд! — воскликнул Хаджумар. — Со временем мы соберем всех уцелевших бойцов Прибайкальского фронта, которые, пробившись из окружения, сейчас скрываются в тайге, в тылу белогвардейцев. Станем нападать на вражеские гарнизоны, на железную дорогу, ну и кулакам, конечно, спуску давать не будем, не счесть бойцов, погибших по их вине, выданных на растерзание офицерам... Но меня и Метелицу слишком хорошо знают, значит, если мы останемся здесь, начнется охота на нас...

— Вам виднее, как поступать, — заметил Лазо и в голосе его просквозила нотка недовольства. — Меня знают всюду не хуже чем вас, но я не собираюсь идти в Туркестан. Я говорю это не в упрек, — добавил Лазо, — просто еще раз напоминаю, что план ваш уязвим со многих сторон. Бороться можно и здесь...

— Решение пробираться в Туркестан приняли не только мы с Метелицей, а и все красноармейцы нашего отряда. Они считают, что, оставшись здесь, их ждет неминуемая смерть. И наш долг сохранить отряд как боевую единицу. И мы не в праве отказываться от этого, — Хаджумар, огорченный таким поворотом разговора, смотрел на измученное усталостью и бессонницей лицо Лазо и ему казалось, что оно стало чуточку чужим. Видно было, что Лазо целиком не согласен с их планом, но не хочет навязывать свою волю. И эти размышления причиняли Хаджумару душевную боль. Издерганный неудачами, он сейчас болезненно и обостренно воспринимал все, что касалось его судьбы, а она, к сожалению, была покрыта завесой неизвестности.

— А вы что собираетесь делать дальше? — спросил Хаджумар Лазо.

— Со своим бронепоездом, — Лазо указал на стоявший рядом состав, — буду сдерживать чехов, чтобы могли эвакуироваться раненые, советские учреждения. Надо угнать все исправные вагоны и паровозы. Команда бронепоезда будет уходить последней, взорвав перед этим мосты, водокачки, входные стрелки. Жаль разрушать железную дорогу, но этого требуют интересы борьбы. Иначе нельзя задержать продвижение врага. А вы запаслись картами, нашли надежного проводника? — спросил участливо Лазо.

— Карты есть, а вот проводника пока не подыскали, надеемся в Чите найти.

— Значит, еще раз там увидимся, — прощаясь сказал Лазо. — Передай привет Метелице и скажи ему мое мнение о вашем плане...

Глава одиннадцатая

Тяжело орлу в неволе

Но не довелось больше встретиться Хаджумару с Лазо. Когда конный отряд Метелицы и Гетоева покидал Читу, в городе хозяинчиали контрреволюционеры. Под обстрелом удалось прорваться к окраине, и отряд спешно двинулся сначала по Верхне-Ингодинскому тракту, а потом запетлял охотничими тропами, минуя

крупные села. Долиной Ингоды они хотели выйти к монгольской границе.

Узкая, как нитка, тропа вела их уж несколько дней вдоль крутого берега, мимо нависших скал к синеющим на юго-западе, как казалось, у самого края неба угрюмым хребтам. Двигались гуськом, один за другим, отряд растянулся на сотни метров, разведчики вместе с проводником уходили далеко вперед, чтобы предотвратить неожиданность нападения. Тайга густой высокой стеной обступала со всех сторон, красавица Ингода змеилась между зелеными сопками. Тишину нарушал лишь мерный переступ копыт по засыпанной хвоей тропе. Солнце медленно опускалось за горы, и они багрово пламенели — близился вечер и долгожданный привал.

Впереди послышался неясный шум, стеганув коней, Хаджумар и Метелица, обеспокоенные, поскакали в голову отряда. Вскоре навстречу выехали разведчики, плотным кольцом окружив незнакомого казака на коне, со связанными руками.

— На дороге перехватили голубчика, — весело доложил старший из разведчиков. — При нем пакет, — и он протянул конверт из серой оберточной бумаги Хаджумару.

— Развяжите его, — приказал он бойцам. — Откуда ты?

— Из Титовской станицы, — быстро ответил казак, боязливо оглядывая обступивших его красноармейцев. — Атаман послал в Старо-Доронинск с пакетом, а ваши схватили меня на тракте, я и пикнуть не успел. Ловкачи! — сокрушенно сказал казак. — Не зря я прощался дома со своими.

Хаджумар быстро разорвал пакет, достал вчетверо сложенный лист, прочел вслух:

«Из Читы через Доронинск на Ново-Салию отступает конный отряд красных, на своем пути он все уничтожает, сжигает села, грабит крестьян, отнимает у них лошадей. Приказываю мобилизовать поголовно всех, устройте облаву на красных бандитов, убивайте их без пощады, как бешеных собак. Любой, кто даст им прогосольствие или фураж, будет наказан по законам военного времени. Станичный атаман Слипагев».

Бойцы возмущенно зашумели:

— Врет и не краснеет атаман!

— Нитки не взяли ни у одного крестьянина, не то что лошадь!

— Атаман хочет покончить с нами руками одураченных им крестьян! — сказал помрачневший Метелица.

— В нашей станице богатеи грозились завтрапуститься в погоню за вами, — неожиданно сказал казак. — К нам приехали белые офицеры и в станичном правлении отбирали казаков.

— Вот посмотри сам, — показал Хаджумар на бойцов отряда, — есть ли у нас что-либо награбленное? Белогвардейские офицеры клевещут на нас, злобными вымыслами пытаются восстановить против нас крестьян.

Казак беспрестанно вертел головой и охотно поддакивал, надеясь в душе еще пожить на белом свете.

— Возвращайся в свою станицу, — неожиданно для всех предложил Хаджумар.

— Он же выдаст нас, товарищ Гетоев, — раздалось дружно несколько голосов, — приведет по нашему следу беляков.

— Не могу я так возвращаться в станицу, — с всхлипом выкрикнул казак, — всыпят мне плетей или шомполов за то, что попал к вам в плен. Свяжите меня, дайте тумаков и оставьте на тракте, — взмолился казак, — иначе мне житья не будет.

— А с нами не хочешь остаться? — насмешливо спросил Метелица. — Тогда и тумаков тебе давать нечачем.

— Нет, избави бог, — перекрестился казак, — с вами остаться — верная смерть. Не сегодня-завтра офицеры обложат вас, со всех сторон...

— Ну, затянул панихиду раньше времени, — оборвал его Хаджумар. — Лучше скажи, выдашь нас?

— Христом богом клянусь, детьми своими — нет, не выдам, — молитвенно приложил руки к груди казак.

— Поверим, товарищи, — обратился к бойцам Хаджумар и добавил: — Если обманешь, мы тебя и под землей найдем. Отведите его на тракт, — распорядился он, — и сделайте так, как он просит.

Весь следующий день Хаджумар испытывал тревожное чувство ожидания — вот-вот из засады раздадутся предательские выстрелы. На дневном привале огня не разводили, чтобы не выдать своего расположения. Ав-

густовский бархатный вечер ласкал притихшую тайгу. Шумели в вышине вершины деревьев, прошелестела крыльями какая-то ночная птица. Хаджумар обошел посты, выставленные на дальних подходах к отряду, и вернулся к своему костру.

— Кажется, казак сдержал слово, — сказал Хаджумару Метелица, — сутки прошли, но все тихо, погони за нами нет. Вот выйдем к истокам Ингоды и тогда вздохнем свободно. Бойцы измучены дальним переходом, им нужен отдых, особенно в нем нуждаются раненые, фактически они у нас без всякой медицинской помощи, фельдшер лечит их травами да отварами. Перевязку сделать нечем, хорошо бы раздобыть холстины в какой-нибудь деревне.

— А что с нашим проводником? — спросил Хаджумар. — Я видел, как он пошел к фельдшеру.

— Сильно занедужил он, — сказал Метелица. — Старая рана открылась. Придется искать другого. Нука посмотри по карте, какая поблизости деревня?

— Николаевская, — ответил Хаджумар, занятый своими мыслями. — Двести верст почти отмахали мы от Читы.

— Раненых мы не можем оставить ни при каких условиях. Ускорить движение измученные люди тоже не в состоянии. И еще я опасаюсь, что за нами давно следят. Они нам перекрывают подходы к монгольской границе, на эту мысль наводит то обстоятельство, что казачьи разъезды появляются на нашем пути всякий раз, когда мы спускаемся с сопок к деревням.

— Завтра утром нужно послать смекалистых ребят, чтобы нашли проводника, — проговорил, подумав, Метелица.

Последние дни лета выдались жаркими, солнце пекло необычно сильно. Истомленная зноем тайга, казалось, дремала. Ни ветерка, ни шороха, даже птицы замолкли. Устало плелись кони, а люди мечтали о коротком привале. Путь преградила маленькая речушка, берега ее были обрывисты, по каменистому дну струилась вода, прозрачная и холодная. Кони ускорили шаг, почтя речную прохладу, сразу повеселели и люди. Здесь и догнали отряд разведчики, посланные в село, спешившись, они гурьбой подошли к Хаджумару и Метелице:

— Вот он вызвался стать проводником, — подтолкнул разведчик Шипов кряжистого мужика с ярко-рыжей бородой. В руке мужик держал берданку, у ног его вертелась, оскалившись, большая лохматая собака. — Все мужики отказались, — продолжал Шипов, — а этот догнал нас за околицей и согласился вести.

— Сделаю это за милую душу, до самой монгольской границы знаю я все звёриные тропы, промышлял каждый год, — уверенным баском сказал мужик.

— Что слышно в селе? — спросил Метелица, пристально разглядывая проводника.

— Тихо в селе, вот и ваши ребята могут это подтвердить, — указал рукой на разведчиков мужик. — Дня два назад приезжали офицеры, собрали сход и рассказывали нам, что комиссары-большевики ограбили банк в Чите, забрали золото в слитках и сбежали тайком. Надо, говорят офицеры, поймать этих грабителей и вернуть золото народу. На это золото, мы-де, то есть народ, у Америки и Японии можем купить все, что нужно крестьянину, — материю, сахар, соль, керосин...

Хаджумар и Метелица понимающие переглянулись, это не укрылось от цепких и быстрых глаз мужика.

— Ну и что же решил сход? — спросил Хаджумар.

— А что сход, послушали и разошлись по домам, — нехотя ответил мужик. — Сейчас такое время, когда друг дружку боятся и каждый без нужды носу не показывает из своей избы. А кто ни приедет в деревню, всяк тянет с мужика. Пропади она пропадом такая жизнь! — проводник смачно выругался и искоса взглянул на командиров.

— Через час тронемся дальше, — распорядился Хаджумар и подозвал к себе Шипова. — Вот что, друг, ты привел проводника, ты и будь неотлучно при нем, глаз не спускай, особенно ночью. Понятно?

— Будет исполнено, — козырнул Шипов, и глаза его посировели. — Пока, товарищ Гетоев, ничего плохого о проводнике сказать не могу. Хозяйство у него справное, ни белым, ни красным, как он говорит, не служил. Если начнет вилять, пристрелю, как куропатку, — и весь разговор. Мы, шахтеры, не приучены долго чикаться...

— Без самоуправства, Шипов, — резко одернул Хаджумар, — увидишь что-либо подозрительное, доложишь мне или Метелице немедленно.

До темноты отряд прошел еще верст двадцать и на ночлег расположился на небольшой поляне, окруженной вековыми кедрами. Сухой, настоящий на хвое воздух словно вливал силы, вечерняя прохлада снимала усталость. И в душе Хаджумара росла вера, что поход их закончится благополучно. Может, удастся еще увидеться с Юлией и потискать подросшего за лето Кермена. Но мысли о далекой, словно лишь в мечтах его существующей семье перебивали ежечасные заботы, которыми жил Хаджумар в этой реальной опасной жизни. С продуктами вот плохо, есть приходится то, что дает тайга, стреляли птицу, зверя и почти забыли вкус свежего ржаного хлеба. Беспокоил Хаджумара быстрый расход соли, а без нее дичь есть не станешь. И хотя бойцы бодрились, было видно, как они измотаны.

Тайга, одетая в густой сумрак, еще спала, когда проснулся Хаджумар. Он обошел бивак, поговорил с часовыми. Шипов и проводник спали рядом, увидев Хаджумара, собака глухо зарычала, но потом успокоилась. Хаджумар поднялся на невысокую сопку, солнце еще не показалось, но глаза резанул ослепительный блеск позолоченного купола высокой колокольни. Ни саму церковь, ни село не было видно, и трудно было сказать, как далеко они находятся. Прозрачный забайкальский воздух искажал действительное расстояние, в этом Хаджумар убеждался не раз. Где-то далеко-далеко заряжали кони, и все стихло...

И опять отряд шел по охотничьей тропе, которая, как заячий след, петляла между сопок, в полдень она круто завернула в распадок, заросший молодым лесом. Порывистый ветер с гор пригнал низкие свинцовые тучи, и августовская гроза разразилась внезапно. Партизаны спешились и укрылись от проливного дождя под деревьями. Темнота сгустилась, как в сумерки, за сплошной стеной воды скрылись сопки. Спотыкаясь и падая, к Хаджумару подбежал Шипов, тяжело дыша и широко разевая рот, прокричал:

— Нигде проводника нету, сбежал, сволочь!

— Ищи, может, где прячется от дождя, — приказал Хаджумар.

Бормоча ругательства, Шипов нырнул под секущие струи холодного ливня. Когда дождь стих, он вернулся и беспомощно развел руками.

Хаджумар с Метелицей проехали до конца распадка и поняли, что проводник завел их в каменный мешок. Наряд разведчиков направился обследовать тропу, по которой шел отряд. Партизаны стали выбираться из распадка, кони скользили по размытой дождем глине и падали, на узкой, зажатой высокой стеной деревьев тропе образовался затор. А притихший было дождь вновь усилился и шел не переставая. Вернувшиеся разведчики доложили, что по следам отряда идут белогвардейцы, все на конях, на двух подводах пулеметы, через час-полтора они доберутся сюда.

Хаджумар приказал:

— Приготовиться к бою! Патроны беречь, бить только наверняка.

Партизаны рассыпались по лесу и укрылись за деревьями, каждый понимал, что белогвардейцы могут зажать их в огненном мешке. Вперед пробиваться нельзя — непролазная чащоба, можно прорваться лишь через боевые порядки белогвардейцев, которые идут еще ощупью. Проводник-предатель, конечно, рассказал им о численности и о вооружении партизан, но не мог указать точно, где они заняли позицию. Этим и решил воспользоваться Хаджумар, посоветовавшись с Метелицей, он передал по цепи:

— Подпустить белогвардейцев поближе, огонь вести залпами, по команде поднимаемся на прорыв. Иначе белые отрежут нам путь к отходу.

Узнав от проводника, что отрядом командует Гетоев и Метелица, белогвардейцы обрадовались неожиданной удаче: по их сведениям, этот отряд вез с собой часть золотого запаса читинского банка. Атаман Семенов приказал найти во что бы то ни стало отряд Гетоева, и семеновская агентура без устали рыскала по деревням, вынюхивая следы партизан и подбивая на это всех охочих до наград. Проводник, взятый в Николаевском, быстро сообразил, что именно этот отряд разыскивают семеновцы, и сделал свое черное дело. Еще на этот иудин грех толкнула его и ненависть к непонятным ему красным голодранцам: дуракам привалило такое богатство, а они не умеют им распорядиться. Хотя, как он ни старался, выяснить, есть ли в отряде золото, не мог. Седельные сумки ему ощупать не удалось, этот чертов шахтер не оставлял его одного ни на минуту. Но

об этом он офицерам не сказал, а на их вопрос: видел ли слитки своими глазами, ответил утвердительно. Алчный азарт, охвативший офицеров, проник и в его продажную душу, овладел ею, поэтому проводник не захотел оставаться дома, а отправился с белогвардейцами в тайгу, надеясь и сам поживиться. Да, видно бес попутал его. Офицер, командовавший отрядом, приказал проводнику вернуться к партизанам, и, если будут допытываться, где пропадал, успокоив, сказать, что ходил разведывать дорогу, а в пути задержал дождь.

— Не губите, ваше благородие, — взмолился проводник.

Но офицер грозно прикрикнул:

— Ты, рыжемордый, красным дорогу показывать сам вызвался! Расстреляю за пособничество красным и тебя и твою семью. Даю тебе час на дорогу. Все, пошел!

Мужик постоял, раздумывая, понуро опустив голову, нехотя шагнул в кустарник и скрылся. К партизанам он вышел по тропе из распадка. И вот он уже стоял перед Хаджумаром. Рослый партизан держал его за шиворот. Хаджумар напряженно всматривался в проводника, словно надеялся прочесть его мысли.

— Ушел от вас вперед, а тут дождь хлынул, вот и задержался, — лепетал мужик, избегая, однако, смотреть в глаза партизанам, озирая их исподлобья.

— Свяжите его, — приказал Хаджумар, — после боя разберемся, где он плутал и как ухитрился привести белых...

Мужик неожиданно рванулся в сторону и, петляя, как заяц, бросился бежать. Нестройно затрещали винтовочные выстрелы — и, сделав еще несколько шагов, он уткнулся в землю. Выстрелы эти послужили сигналом для белогвардейцев: как град по крыше застучали пулеметы, с деревьев посыпались листья и срезанные пулями ветки. Окружая партизан, они пошли в атаку. Грохот выстрелов, пулеметная стрекотня, разрывы гранат, тревожное ржание лошадей, крики разъяренных людей наполнили лес. Бой то усиливался, то стихал, перекатывался по распадку словно морская волна. Белогвардейцы умело использовали свое выгодное положение, стреляя сверху. И вот наступила решительная минута, когда партизаны по команде поднялись в атаку, на прорыв.

...Огненное кольцо прорвали немногие. Вокруг Хаджумара собирались все, кто мог стрелять, коротко посовещавшись, решили занять круговую оборону. Одно только радовало Хаджумара: Метелице и человекам тридцати все-таки удалось вырваться, и он надеялся, что они ударят по белогвардейцам с тыла. Где-то в стороне с новой силой вспыхнула перестрелка и вскоре стихла. И Хаджумар понял, ждать помощи неоткуда. Белогвардейцы перебежками, прячась за деревья, подходили все ближе, все туже стягивали кольцо; экономя патроны, партизаны стреляли редко. Лесной бой заканчивался в пользу белогвардейцев, и, зная это, они не рисковали, не подставляли головы под пули.

— Если мы продержимся до темноты, — сказал Хаджумар партизанам, — можно считать, что мы спасены.

В этот момент со стороны белых кто-то громко закричал:

— Ребята, ваша песенка спета, если вы выдадите своих комиссаров и большевиков, мы вас простим и отпустим. Переходите на нашу сторону! Сопротивляться бесполезно, вы окружены...

Партизаны ответили залпом. Какое-то время со стороны врага раздавались лишь одиночные выстрелы, и Хаджумар был уверен, что белые придумали какую-то каверзу. Он переползал от бойца к бойцу, подбадривая людей, и с горечью видел в их глазах обреченность, они напряженно вглядывались в чащу леса, настороженные к каждому шороху. Тонко, по-осиному жужжали пули, кружились в воздухе потревоженные боем птицы. Закатное солнце пробило вдруг тучи, ярко осветив сопки и распадок. Легкий пар поднимался от земли, и пахла она уже по-осеннему горьковато. Крупные сверкающие капли воды, как слезы с ресниц, срывались с листьев, уже подернутых желтизной. И Хаджумару не хотелось думать, что видит он это, может быть, в последний раз, что текут последние минуты его жизни. Он вздрогнул, когда с позиции белогвардейцев кто-то назвал его фамилию:

— Гетоев! Не стреляй, я хочу поговорить с тобой. — Из-за деревьев на коне появилась фигура в казачьей форме. И только когда человек подъехал ближе, Хаджумар узнал — Тараева. Весной семнадцатого года ему

часто приходилось спорить на митингах с Тараевым — эсером, который уговаривал солдат бороться с Германией до победного конца, убеждал их, что поражение России в войне с Германией явится также и поражением революции, поражением в борьбе за свободу. «Если победит Вильгельм, — заклинал Тараев, — Российская республика неминуемо погибнет, свобода, завоеванная народом, будет попрана немецким сапогом!» Потом Тараев вынужден был уехать из Канска, Хаджумару говорили, что он обосновался в Чите или Сретенске. И вот теперь Тараев завершил свой путь предательства интересов народа — стал служить белогвардейцам.

— Хаджумар, — крикнул по-осетински Тараев, — я предлагаю тебе почетные условия плена...

— Я считаю позором для себя говорить с предателем, — оборвал его Хаджумар и вскинул карабин.

Тараев поднял коня на дыбы, пытаясь ускакать, но меткая пуля догнала его, и он мешком вывалился из седла. Конь заржал и бросился в сторону, но потом вернулся к хозяину и встал, как вкопанный, рядом. Белогвардейцы со штыками наперевес кинулись на партизан. Закипел жестокий рукопашный бой. В горячке схватки Хаджумар не сразу почувствовал, что ранен в плечо. Он отбивался от наседавших на него казаков.

— Живым! Живым берите его! — командовал кто-то властным голосом. Несколько казаков повисли на Хаджумаре, он пытался их отштанивать, но не мог сдвинуться с места, ему вывернули руки за спину и чем-то ударили по голове. Ноги у Хаджумара подкосились, и он осел на землю, сознание покинуло его. Очнулся он оттого, что в лицо ему плеснули холодной водой, в глазах все плыло, качались деревья, вздрогивала земля.

— Атаман будет доволен, что взяли его живьем, — говорил кому-то усатый казак. — От самой Читы гнались мы за ними. А стреляет этот кавказец важно, я сам видел, как он навскидку, не целясь, уложил нашего поручика.

Хаджумара со связанными руками посадили в седло, с двух сторон, стремя в стремя, ехали два молодых казака.

Сначала Хаджумара привезли в село Танга. Здесь он увидел нескольких бойцов своего отряда, они были избиты до неузнаваемости и почти догола раздеты. Не-

сколько десятков верст казаки гнали их пешком до станции Ингода. Бежать не было никакой возможности, казаки секли нагайками любого, кто выбивался из ряда или отставал. Из Ингоды в пульманских вагонах партизан повезли на станцию Даурия, в семеновский застенок. Здесь Хаджумара разлучили с товарищами.

Два с половиной месяца провел Хаджумар сначала в карцере, а затем в одиночке Читинской тюрьмы, и они слились для него в один день кошмаров, издевательств и пыток. Чтобы сломить его, семеновцы всякий раз начинали допрос глубокой ночью.

— Где золото? — как попугай, задавал один и тот же вопрос семеновский офицер. — Укажи место, и ты свободен, мы даже выдадим тебе необходимые документы, и ты сможешь уехать на свою родину.

— Эти песни я слышал десять лет назад от царских жандармов, — говорил Хаджумар. — Вы превзошли их в палаческом ремесле, без суда и следствия убиваете тысячи и тысячи людей лишь за то, что они решили строить жизнь по-новому.

— Вот и ты будешь в их числе, если не скажешь, где спрятано золото из Читинского банка. У нас есть точные сведения от анархиста из отряда Пережогина — отряд Гетоева и Метелицы вывез его в тайгу.

— Этого Пережогина, злейшего врага революции и народа, я расстрелял бы собственными руками, — стиснул зубы Хаджумар. — Благодаря таким, как Пережогин и его братия, вы и торжествуете победу над нами.

— Я спрашиваю, — вскинул офицер, — не о том, кто такой Пережогин, мы ему цену знаем, а где спрятаны слитки.

— Неужели до сих пор не ясно, что я ни на какие вопросы отвечать не намерен, — сказал Хаджумар. — И мне не страшны ни ваши пытки, ни смерть, которая ждет меня.

По приказу офицера Хаджумара избивали до тех пор, пока он не потерял сознание, потом отволокли в темный карцер и с размаху бросили на цементный пол.

Через день офицер зашел к Хаджумару и сказал:

— Напрасно упорствуешь, Гетоев, мы и без тебя узнаем все, что нам нужно. А ты пойдешь следом за Метелицей, вчера его изрубили на куски. Не сегодня, так завтра ждет и тебя такая участь.

На несколько дней Хаджумара оставили в покое, он совсем обессилел, гноилась рана в плече, колотил озноб. Но изнуряющий жар бросал его в сладостное забытье, ему часто грезился улыбчивый, щуплый Зиновий Метелица, последний бой в тайге. Хаджумар явственно слышал, как со скрипом гнулись деревья, волнами перекатывались раскаты грома, фиолетовые молнии прошивали аспидно-черное небо. А иногда приходила к нему Юлия, золотоволосая, юная и веселая, какой была она еще во Владикавказе.

— Дицинаг, — звал он ее. А она, удаляясь, говорила: «Я с тобой», — и упывала золотым облаком.

После таких снов было особенно тяжело.

Тюремной азбукой Хаджумар перестукивался со своими соседями сбоку, сверху и снизу. От них он узнал, что в тюрьме находится и Василий Бронников, с ним Хаджумар был семеновцев на Даурском фронте. Подтвердились и слова семеновского офицера о гибели Метелицы. Хаджумар подбадривал товарищей, он знал, как много значит для узника слово поддержки, дружеского участия.

Камера Хаджумара была крошечной, низкий сводчатый потолок можно было достать рукой, свет едва-едва проникал через зарешеченное оконце. На полу ваялся набитый сенной трухой матрас, рваная мешковина служила одеялом. В день выдавали полтора фунта черного, тяжелого и липкого, как глина, хлеба и немногого какой-то баланды. Каждый вечер старший надзиратель входил в камеру и обстукивал решетки, не подплены ли они. Хаджумар понимал, что отсюда ему не вырваться на свободу. Здесь и в помине не было тех маленьких вольностей, которые существовали в царских тюрьмах — ни свиданий, ни передач, ни прогулок. Только разгул диких расправ над узниками.

Однажды рано утром, в неурочный час, раздался скрип отпираемых замков и в камеру вошел статный офицер в полковничих погонах. Он махнул рукой, и

надзиратель поспешил скрыться за дверью. Полковник встал напротив Хаджумара и какое-то время рассматривал его.

— Я вижу, с вами дурно обращаются,— с притворным участием сказал он. — Я пришел к вам по поручению господина атамана Семенова, и мне даны большие полномочия. Могу сообщить вам, если наши переговоры окажутся положительными, то я имею право освободить из тюрьмы любого арестованного, какие бы обвинения ему не предъявлялись.

— Мы здесь все сидим без вины, — отрезал Хаджумар. — Ваше офицерье без суда и следствия чинит расправу над пленными красноармейцами.

— Мне неизвестны такие факты, — усмехнулся подполковник. — Расстрелу подлежат лишь те, кто объявлен господином атаманом Семеновым вне закона, на остальных распространяется обычная юрисдикция... Но не будем забираться в дебри судопроизводства, это не входит в мои обязанности. Моя цель — убедить вас и ваших единомышленников в том, что вы избрали неправый путь, а потому потерпели крах. — Увидев недовольство и гнев в воспаленных глазах Хаджумара, полковник сделал шаг назад и предостерегающе поднял руку. — Сейчас я вам это докажу. Атаман Семенов и все мы, хотим только одного, чтобы Россия вновь стала великой державой.

— И поэтому вы продались с потрохами японцам, поэтому устилаете землю трупами рабочих и крестьян, — яростно выкрикивал Хаджумар. — Такого отвратительного лицемерия я еще не видел. Вы кровавые палачи, и на интересы народа, на интересы России вы плюете, вы продажны, как самые непотребные девки! Поголовные порки в селах, виселицы и расстрелы показывают подлинное лицо кровавой власти «народного заступника» атамана Семенова. Трудовой народ вновь поднимется с оружием в руках, ряды борцов умножатся во сто крат — народ победит. И вас не поддержат никакие чужеземные штыки.

Полковник злорадно засмеялся:

— Пока вы делаете прогнозы, наши армии взяли Урал, заняли Казань и сейчас продвигаются к Москве. Большевикам осталось жить неделю-две, не больше.

Полковник замолчал и внимательно посмотрел на

Хаджумара. «Реакцию проверяет», — усмехнулся в душе Хаджумар.

— Я предлагаю вам самые почетные условия, — сказал вкрадчивым голосом полковник, — о них не будет знать ни одна живая душа. В обмен на сведения о золоте, я выпускаю вас из тюрьмы, снабжаю документами и приличной суммой денег. В сложившихся условиях ваша героическая поза просто смешна, никто и никогда не оценит вашего мужества, я признаю, вы проявили его и на чешском фронте, и в партизанском отряде. Об этом мы осведомлены достаточно полно и точно. Нам неизвестно только одно — где спрятано золото...

— От меня вы этого не узнаете, — отрезал Хаджумар. — Напрасно тратите время, полковник. Если пытками не добились этого, то сладкими речами и погибло.

— Ну что ж, — зловеще проговорил полковник, — я давал вам шанс спасти свою голову, вы им не пожелали воспользоваться. И тем самым подписали себе смертный приговор...

— Хватит лицемерить, полковник, — оборвал Хаджумар, — смертный приговор мне и моим товарищам вынесен с той минуты, как мы попали в ваши руки.

Полоснув Хаджумара взглядом, полным ненависти, полковник распахнул дверь и крикнул надзирателю:

— Гетоева немедленно в камеру смертников, — и, уходя, добавил: — Что ж, «желающего судьба ведет, а не желающего тащит...»

— Ошибаетесь, полковник, — возразил Хаджумар, — я сам выбрал свою судьбу и ни разу не отступил от пути, по которому она меня ведет.

Холод забайкальской осени особенно ощущался арестантами. Серые стены в потеках, с потолка капало, в разбитое окно порывы ветра задували снег, и он, медленно кружась, падал на цементный пол и застывал ломкой ледяной корочкой, которая искрилась, когда надзиратель вносил керосиновую лампу.

Чтобы согреться, Хаджумар, как заведенный, без устали ходил, а точнее, топтался по камере. Каждую минуту он ожидал, что вот он, наступил его смертный час. Не раз он слышал, как грузно топали в ночной ти-

шине надзиратели, позякивало оружие, доносились придушенные возгласы уводимых.

«Много хороших людей, — думал Хаджумар в бес-
сонные ночи, — погибло за правое дело, и еще немало
сложат свои головы в тяжелой борьбе против кровавой
диктатуры контрреволюции. Но каждая жизнь, отнятая
палачами, будет отомщена. Ни одна капля крови пав-
ших борцов за свободу не пропадет даром. Никому не
дано задушить революцию, как нельзя уничтожить на-
род. Контрреволюционеры захлебнутся нашей кровью.
Наверное, был прав Лазо, когда советовал идти из
Читы на восток, может, и судьба наша сложилась по-
другому. Перед глазами Хаджумара возникло смуглое,
исхудавшее лицо Сергея Лазо. Темные глаза смотрели
из-под черных бровей требовательно-вопрошающе, буд-
то в чем-то укоряли. Да, Сергей, — качал виновато
головой Хаджумар. — Не смогли мы с Метелицей со-
хранить отряд и выполнить задуманный план. Мудрость
приходит в деле. Но если бы пришлось жить заново, то
я бы повторил свой путь. Путь этот оказался коротким,
но я счастлив, что это был путь борца. И я без страха
встречу смерть, с верой в будущее. На воле остались
товарищи — они продолжают борьбу. Жаль, что не
придется увидеть этот радостный день победы. Я верю,
что новые и новые бойцы встанут под Красное знамя,
поэтому наша революция непобедима.

Юлия, родная, — мысленно обращался Хаджумар к
жене, — я чувствую, что скоро пуля оборвет мою
жизнь. Я даже не могу написать тебе. Отсюда на волю
тюремщики не выпускают ни клочка бумаги. Заклинаю
тебя, будь тверда, не падай духом, когда узнаешь о мо-
ей участи. Ты сильная, и ради сына нашего прошу —
береги себя. Знаю, тебе будет трудно одной вырастить
его, но я верю, что ты воспитаешь его достойным чело-
веком, верным делу, которому я отдал жизнь. И уми-
рая, я буду мысленно с вами, знайте, палачи меня не
сломили. Жалею лишь об одном, что первую годовщину
пролетарской революции встретил не в схватке с вра-
гом, а в тюремной камере...»

Хаджумар задумчиво смотрел на тусклое ноябрьское
солнце, что-то подсказывало ему, что видит он закат в
последний раз. В голове гулко пульсировала кровь, на
душе было тревожно, словно он стоял на краю бездон-

ной пропасти и должен был шагнуть туда. Сердце замирало, толчками отсчитывало секунды. Стемнело, а надзиратель не приносил лампы, не было, как обычно, в этот час и поверки.

Полузабытье охватило Хаджумара, унесло его на родину, в Осетию. Словно наяву видел он отца, мать, в окружении сестер стояла Юлия, и глаза их были полны слез. На плечах у отца сидел Кермен, и оба они смотрели на Хаджумара с безмерной печалью. Мать силилась что-то сказать, но не могла и лишь часто-часто крестилась. В ушах Хаджумара звенели осетинские слова, но он не понимал их смысла: они сливались в одно длинное-длинное слово, будто кто-то затянул песню и никак не мог остановиться. Хаджумару пригрезилось, что он играет на свирели, и горы вторили незатейливой мелодии. Никогда он не видел такого ясного неба, просторного и чистого, пики заснеженных вершин вонзались в безоблачную синеву и словно притягивали к себе взор. Хаджумар взял пастушечий посох и стал карабкаться вверх, туда, где свистел вольный ветер, где парили вольные орлы, они медленно кружились, призывный их клекот явственно звучал в ушах Хаджумара...

В тот вечерний час начальник Читинской тюрьмы по телефону вел переговоры, которые решали судьбу Хаджумара и еще нескольких большевиков. В тюрьму явился в сопровождении десятка солдат семеновский прaporщик и вручил начальнику тюрьмы предписание: «Спешно. На основании приказа начальника гарнизона передайте немедленно, сейчас же по предъявлении требования, арестованных: Гетоева, Ботко, Недорезова, Зверева, Попкова в юридический отдел штаба атамана Семенова. Об исполнении сообщите». Начальник тюрьмы, ссылаясь на инструкции, сказал, что вечером он никого из тюрьмы выдавать не имеет права. Прaporщик позвонил в штаб, и оттуда приказали исполнить предписание.

Хаджумар очнулся от железного скрежета засовов, он не успел подняться с тюфяка — как на него навалились и проволокой скрутили руки за спиной. Подталкивая прикладами, погнали по коридору. Но около две-

ри соседней одиночки он все-таки остановился и крикнул:

— Вася! Бронников! Прощай! Ведут на казнь! Эх, винтовку бы мне сейчас!

За воротами тюрьмы обреченных встретил обжигающий холодом ветер. Солдаты, злобно ругаясь на погоду, тесным кольцом окружили Хаджумара и его товарищей, погнали на окраину Читы. Именно в такие темные и тоскливые ночи вершат палачи свое подлое, черное дело.

Вот и Сухая Падь, заросшая лесом и кустарником, ее избрали семеновцы местом казни красных бойцов.

— Мы погибнем, — громко выкрикнул Хаджумар, — но будет жить Революция! Новые бойцы встанут на наше место и победят! С верой в это не страшно умирать...

Стремительно неслись низкие тучи, почти касаясь вершин сосен и лиственниц. Изредка проблескивали звезды сквозь их разрывы, мелкий, льдистый снег сек лицо...

Хаджумар уже не чувствовал холода...

Но будет жить Хаджумар Гетоев. Всегда будет жить в наших сердцах! Ведь сколько бы ни прошло лет, время не в силах отдалить от нас живое, обжигающее дыхание Революции, ее героев. Таких, как Хаджумар. И потому — нам знать, помнить и утверждать сказанные им слова:

«Если бы пришлось жить заново, я бы повторил свой путь. Путь этот оказался коротким, но я счастлив, что это был путь борца».

**Поступь
времени
Рассказы**

Сказание это родилось давно, лет двести назад. Кому-то сейчас оно может показаться по-детски наивным, мол, почему люди столько времени терпели богачей и даже в историях, которые рассказывали бедняки друг другу, одерживали они верх лишь над одним из своих притеснителей, — вместо того, чтобы прогнать всех сразу.

Что ж... Теперь легко гарцевать над прошлым столь лихим всадником, легко проскакать эти двести лет за один школьный урок и стать таким умным, что о своих предках отзываться со снисходительным сожалением, как о детях.

Лучше послушаем наших стариков — ведь мы уважаем седобородых не только потому, что принято их уважать согласно обычаю, — давайте послушаем, как приходила к нам мудрость...

В те давно минувшие времена, рассказывают, жил в Дигории богатый алдар. Конечно, не один он здесь жил, сколько еще алдаров сидело тогда на шее бедняка, но Муртазали был особенно богат. На северных склонах гор паслись тысячные отары его овец, на лесных полянах жевали жвачку сотни его коров, по равнине носились бесчисленные косяки его лошадей. Алдар держал много кусагов¹ и изо дня в день становился все богаче. Ведь говорят, что богатством и черт не насытится.

Но Муртазали мало было знать счет своим сокро-

¹ Кусаг — работник, батрак.

вищам, он хотел, чтобы все вокруг ежечасно помнили о его богатстве и славили его, могучего. А так как он не был богом и не верил, что люди возносят ему молитву у себя дома, он то и дело приказывал аульному глашатаю собрать народ на площади.

Вот и сойдутся оборванные, голодные люди... Пона-чалу они приходили на площадь с надеждой: а вдруг именно сегодня объявит им алдар о том, что прощает застарелые долги, или раздаст хлеба детям, или разрешит отдохнуть хоть денек от непосильной работы.

Не тут-то было! Выходит Муртазали в ярком и дорогом наряде. Блеск золотых ножен его кинжала слепит глаза. На нем атласный бешмет, серебряные газыри, узкий ремень с чеканными бляшками, черкеска из лучшего домотканого сукна, каракулевая папаха, расшитые сафьяновые чувяки. Подбоченясь, он самодовольно поглядывает на народ.

Бедняки стоят понурившись, а он спрашивает высокомерно:

— Ну, мои кусаги, отвечайте: есть ли в нашем крае хоть один человек знатнее и умнее меня?

Еще ниже склоняются головы. Люди понимают, что и на этот раз ничего хорошего не ожидать им от повелителя: опять он только и будет, что хвастаться своими богатствами. Все молчат, опустив глаза в землю. Скорее бы уж, думают, кончал он свою похвальбу — все равно потом и за этот день спросит с них работу.

— Я самый богатый, я самый могучий, а потому вы должны мне подчиняться. И не вздумайте роптать и противоречить! Ведь каждый из вас, по сравнению со мной, — ничтожная былинка, жизнь ваша в моей воле. Вот стойте вы сейчас передо мною, как трава перед ветром. И я говорю вам, что все вы глупее и трусливее любой из моих овец, и говорю это потому, что я богаче всех вас, вместе взятых.

Но однажды случилось так... Вышел вперед бедно одетый юноша и, глядя прямо в глаза богачу, сказал:

— Знай, алдар, что и в нашем глухом краю есть люди и умнее, и смелее, и могущественнее тебя.

Теперь, может, кто-нибудь из слушателей и усмехнется в этом месте сказания, мол, нужно ли было этому парню ни за что ни про что подставлять свою голову, пускай тот хоть лопнул бы от важности, не корову же

он у него этим отнимал. Только забудет этот слушатель, с чего начиналось тогда недовольство своей жизнью у бедняков, которых веками убеждали в том, что сам бог разделил людей на богатых и бедных. Но они-то знали, что хороший человек не хвалит себя, и потому каждый из них в душе одобрил слова юноши.

Алдар же так опешил, что не знал, как ответить смельчаку. Зато, словно свора собак, загавкали его подручные:

— Кто позволил говорить этому дерзкому мальчишке?

— Убирайся, Хетаг, убирайся по-хорошему!

— Смотри, как бы тебя не постигла участь твоего отца!

— Не приведи бог рассердить нашего могущественного властелина!

Глаза алдара налились кровью, от злости у него все кипело внутри. Но он сдержался и, движением руки удержав своих слуг, готовых уже наброситься на Хетага, сказал:

— Я бы мог уже сейчас отрубить тебе голову, но я еще успею это сделать. Пусть народ мне ответит: есть ли скакун, который обогнал бы моего скакуна?

Собравшиеся по-прежнему стояли молча, и вновь раздался голос Хетага:

— Отец учил меня всегда говорить правду. И я скажу тебе, алдар, что ты еще не видел по-настоящему быстрых коней, которые легко обгонят твоего.

Сердце алдара зашлось от злобы. Но он изобразил на лице своем подобие улыбки и прошипел, как змей:

— Я вижу, ты решил проститься с жизнью, раз вздумал мне дерзить. Пусть скажут мне люди: есть ли в нашем краю человек, который бы обладал большей властью?

— Да, алдар! Я знаю, что найдутся у нас люди, которые и богаче и щедрее тебя.

Теперь алдар забыл обо всех, собравшихся на площади людях, и говорил только с юношней.

— Так, может быть, ты скажешь, что найдется у кого-то и клинок острее моего?

— Ты можешь казнить меня, но я не покривлю душой. Есть клинки гораздо острее твоего. Если бы ты увидел такой, то никогда бы уже не хвастал своим клинком.

Народ был смущен и обрадован такой смелостью, и Муртазали уже не улыбался.

— Кто смеет так нагло мне противоречить, тому не место среди моих батраков, — завопил он. — Отрубить Хетагу голову! И знайте все, что я казню его не за дерзость, а за ложь.

Тогда старейшины стали просить алдара если не простить юношу, то хотя бы отсрочить время казни, чтобы он мог доказать правоту своих слов.

— Хорошо, — согласился Муртазали. — Даю ему три дня.

Хетаг отправился в путь. Он проехал через многие селения, стучался в двери богатых и знатных людей. Но у одного не было достаточно резвого коня, другой не был уверен в своем оружии, а третий и слышать не хотел о том, чтобы прийти на помощь бедняку в споре с алдаром.

Конечно, когда юноша осмелился возразить алдару, не думал он, к чему это приведет. Просто не мог он тогда стерпеть тех оскорблений, которыми богач осыпал бедных людей. И бедняки сочувствовали юноше и гордились им. А помочь ему ничем не могли.

Между тем срок истекал. И юноша ни с чем отправился в обратный путь. И вот, на месте, где сходились семь дорог, ему повстречался путник на коне.

— Доброго пути, юноша!

— Да будет добрым твой путь! — вежливо поклонился Хетаг.

— Садись позади меня на коня, поговорим дорогой, и путь нам покажется короче.

— Спасибо, добрый человек, но я вижу, что конь твой хромает. Как же можно на нем ехать вдвоем? — И Хетаг, поблагодарив всадника, хотел продолжать свой путь.

— Да что с тобой, юноша? Почему ты такой невеселый? — спросил незнакомец.

— Не знаю, что мне и делать, — ответил Хетаг. И рассказал незнакомцу свою историю. — Не жалко мне моей головы, а жалко, что опять алдар одержит верх над бедным человеком. Верю я, что правда на моей стороне, но как убедить в этом народ?

— Не падай духом, юноша. Я поеду с тобой в селение вашего алдара, вместе мы что-нибудь придумаем.

Когда алдар Муртазали узнал, что Хетаг вернулся ни с чем, он обрадовался и назначил назавтра его казнь.

И вот наутро перед глазами опечаленных земляков Хетаг с гордо поднятой головой шел впереди палача. «Все равно я знаю, что сказал правду, — думал он. — А правда светлее солнца».

В это время к алдару подошел путник, которого встретил Хетаг накануне, и сказал:

— Чтимый алдар, отпусти этого юношу.

— Я сам знаю, как мне поступать с моими батраками, — высокомерно сказал алдар. — Хетаг заслужил смерть, он будет казнен.

— Так знай же, что я тот самый человек, которого искал юноша.

Муртазали смутился. Теперь ему предстояло состязаться с гостем. Он приказал выбрать для себя в табуне самого лучшего скакуна и сказал незнакомцу:

— Ну что же, испытаем наших коней. В темном ущелье за горой есть озеро, в нем резвятся две золотые рыбки. Тот из нас победит, кто на своем коне первым доскачет до озера, поймает одну из этих рыбок и привезет сюда.

— Но я не знаю дороги к озеру, — сказал гость.

Тут вызвался Хетаг:

— Я знаю дорогу! Позволь, добрый человек, ехать на твоем коне вместо тебя.

Хорошо, только выслушай, что я тебе скажу, — и незнакомец стал что-то вполголоса объяснять юноше. Но алдар был уже в седле. Кровь кипела в нем от ярости: «Этот дерзкий мальчишка все-таки думает со мной состязаться!» — И он помчался во весь опор.

Сел юноша на хромого коня и потихоньку затрусили прочь от аула. А когда алдар был уже на полпути к озеру, Хетаг хлестнул коня так, как научил его незнакомец, и сказал нужные слова:

— Ну что ты плетешься? Если ты дашь обогнать себя алдару Муртазали, не будешь достоин своего хозяина!

Конь понесся подобно птице, Муртазали только глазами захлопал, когда Хетаг промчался мимо.

Прискакав к чудесному озеру, Хетаг пустил коня пастись на сочном лугу, а сам прилег отдохнуть в тени

развесистого дерева. Он не торопился. Растигнувшись на бурке, он глядел на безоблачное небо, на деревья, покрытые бархатистой листвой. Соловей пел ему звонкую песню.

«Как прекрасен мир, — думал Хетаг. — Небо, горы, луга и деревья, — все создано на радость человеку. Почему же такие, как Муртазали, омрачают нашу жизнь?»

Послышался стук копыт, юноша поднялся и увидел приближающегося алдара. Вот он добрался до берега и торопится поймать рыбку, но та ускользает от него. Тогда Хетаг бросился в воду и поплыл рядом с рыбкой. Золотая рыбка сама дала ему в руки. Муртазали так и остался стоять с разинутым ртом...

Удача Хетага обрадовала народ. А Муртазали прискакал мрачнее тучи. Выходит, есть на свете кони резвее его коня. «Ну ничего, — размышлял он про себя. — Со мной все мои богатства, а у путника ничего нет, кроме перметной сумы. Посмотрим, кто победит теперь». И он приказал согнать к аулу все свои стада и отары и табуны лошадей, раскрыть двери всех своих кладовых. Дивились люди великому множеству мешков с зерном и мукой, растерянно смотрели на горы насыщенных впрок овощей и фруктов, на огромные кувшины и бочки с вином — неужели Муртазали один все собирается съесть и выпить? И не у них ли отняты все эти припасы? Тускло поблескивало оружие на стенах, сияло золото и серебро, всеми цветами радуги переливались ковры и редкостные ткани... Наконец последняя кладовая была осмотрена.

— Ну, а теперь ты покажи, чем богат, — заранее торжествуя, обратился Муртазали к гостю.

— Идем, — отвечал тот и повел его на склон горы. Там лежал большой замшелый камень.

— Ну-ка, Хетаг, помоги мне! — обратился к юноше незнакомец. Они срубили два молодых дубка и, подсунув стволы под камень, с трудом сдвинули его с места. Словно желтая молния вспыхнула на черной поверхности горы — это была золотая жила.

— Вот лишь часть моего богатства, — сказал гость. — Жила эта начинается здесь, идет сквозь всю гору и выходит на той стороне. Прикинь-ка сам, Муртазали, сколько раз можно этим золотом оплатить все,

что ты имеешь и чем кичишься перед народом? Ты опять проиграл. — Привалив на место камень, незнакомец, не оглядываясь, зашагал вниз по склону.

— Проиграл? — прохрипел в ярости Муртазали. — Зато сейчас ты на своей шее испытаешь остроту моего клинка! — И, выхватив кинжал, он кинулся вслед за незнакомцем, чтобы поразить его сзади.

Но Хетаг был начеку. Он вскинул свою дубовую палку и отразил предательский удар. Гость повернулся, сверкнул его клинок — и покатилась по земле голова алдара.

— Скажи мне, незнакомец, кто ты и как отблагодарить тебя? — спросил Хетаг.

— А разве не я должен благодарить тебя? Это ты обскакал алдара, это ты помог мне открыть золотую жилу, ты отвел от меня коварный удар и спас мне жизнь. Знай же, Хетаг, что я такой же простой человек, как и ты, как и другие пастухи и земледельцы. Любовь к правде, смелость и братская помощь — вот что поможет нам одолеть любого из наших врагов.

Наказ

отца

— Цола, ты всего лишь бедный пастух, — говорили Цоле соседи. — А сын твой непочтителен к уважаемым людям. Тебе надо хорошенько приструнить его, а то он никому не дает проходу.

Цола и сам знал, что сын его Гета растет озорником, носится целыми днями по аулу наперегонки с ветром. Бывало, так помчится вниз по крутой узкой улочке, что собаки разрываются от лая, а куры с громким кудахтаньем разлетаются в разные стороны. Не давал он проходу и детям богатеев. А в последнее время, когда в долине ниже селенья шли бои красных с деникинцами, несколько раз показывал соседским ребятам стреляные гильзы и боевые патроны.

— Вот что, хватит тебе озорничать, играть в альчики с ребятами, — сказал Цола сыну в тот вечер. — Если тебе некуда девать силы, будешь ходить со мной на пастбище, смотреть за стадом.

— Я согласен, дада! — обрадованно ответил Гета. — В ауле старшие все время что-нибудь да запрещают. А там приволье! Буду петь и скакать, сколько мне захочется!

На следующий день они погнали стадо вдвоем на горные пастбища.

Когда миновали перевал, прошли каменистую дорогу и вышли на луг, отец и сын разулись, заткнули обувь за пояс и, закатав штанины, пошли босиком, сбивая росу с высоких трав. Так началась для Геты трудовая жизнь.

Наступил полдень. Солнце нещадно жалило землю своими жгучими лучами. Неприхотливые черно-пегие коровы лениво лежали и медленно пережевывали жвач-

ку. И Цола, закутавшись в бурку, задремал в тени. А Гета, будто и не устал совсем, воткнул в землю чабанский посох, повесил на него старенькую баранью шапку и принялся приплясывать вокруг, хлопая в ладоши.

— Хеп! Хеп! — подбадривал он сам себя.

«Эх, недолгая детская пора, — в полудреме думал отец. — Беззаботные дни! Пусть пока позабавится вволю. А что я могу ему дать? Не одеваю в богатые одежды и накормить досыта не всегда удается. Только и радости, что поплясать, да и то под собственную песню». Отец приоткрыл один глаз и стал смотреть, какие затейливые фигуры выписывает Гета вокруг посоха. Он глубоко вздохнул: припомнились пастуху дни молодости, когда он тоже был полон лихости и веселья, и никто в ауле не мог его переплясать. Конечно, хорошо бы, чтобы Гета поскорее вырос, стал помогать семье. Да жалко лишать его забав детства.

— Ты, сын мой, не маленький, ума хватит, чтобы присмотреть за коровами и козами. Мне надо отлучиться в соседнее селение. К вечеру я вернусь, смотри, чтобы все было в порядке, — сказал он, поднимаясь.

Гета остался один. «Не время сейчас отплясывать вокруг чабанской палки, — сказал он себе. — Надо во все глаза смотреть за стадом — как бы волк не подкрался, как бы не отбился глупый теленок»...

Погода менялась. Со стороны Бештау подул холодный пронизывающий ветер. Черные тучи налетели из-за гор, распостили по небу свои мрачные крылья, погасили солнце. Сразу потускнели белоснежные вершины, закутались туманом леса на склоне, серая пелена повисла над равнинами. Дым от пастушьего костра петлями раскручивался над землей. Острее запахли луговые травы, чебрец и мята.

Цола вернулся затемно, он был угрюм и неразговорчив. Гета пытался развеселить отца, но тот молча сидел возле костра, устремив взгляд на жарко пылающие угли. За весь вечер он ни разу не улыбнулся.

«Что случилось? — думал мальчик. — Может быть, кто-нибудь в селении обидел отца?»

Через два дня Цола снова ушел и снова вернулся грустным и молчаливым.

Прошла неделя.

Однажды Гета подобрал на лугу большой кусок белого известняка. На стоянке около шалаша лежала длинная каменная плита, и Гета, высовывая кончик языка от напряжения, старательно вывел на ней: «Г. Ц. 1919». Отец подошел, глянул на надпись:

— Это что еще за каракули?

— Это не каракули, отец! Ребята научили меня, как писать некоторые буквы. — Гета довольно улыбнулся. — Вот видишь: «Г. Ц.» Это значит Гета Цолаев, а потом год — тысяча девятьсот девятнадцатый. Вот выучу все буквы, а потом буду книги читать, узнаю много такого, о чем ты и не слыхал!

Отец впервые за эту неделю улыбнулся и зашагал к стаду. Гета поднял глаза, задумался, вспоминая, какие он еще буквы знает, как вдруг увидел, что по противоположному склону ущелья скачут всадники. Вот они пропали из виду, вот снова появились на тропе. У каждого винтовка за плечами, все в фуражках, выгоревших на солнце. На плечах поблескивали погоны.

— Отец, — позвал взволнованный Гета. — Смотри, отец!

Через минуту Цола был у шалаша.

— Не иначе как это за мной, — побелевшими губами прошептал пастух. — Выходит, Тупчан меня выследил... Ах, негодяй! Да настигнет его раскаленная пуля! Слушай, Гета, если меня заберут, запомни и никому не говори: в пещере у поворота на Зеленую долину скрывается от деникинцев раненый комиссар. Я ему носил пищу, теперь ты меня должен заменить. Никому не доверяйся... Разве что Харитону, нашему соседу. Понял?

— Понял, дада, — словно во сне отвечал Гета. — Я сделаю все, как ты сказал...

Враги приближались. Вот один из белогвардейцев соскочил с коня и обращаясь к Цоле, крикнул:

— Иди сюда, красная сволочь!

Пастух не двинулся с места. Гета стоял, тесно прижавшись к отцу.

— Ты что, оглох? — заорал белогвардеец и бросился к нему, на ходу выхватывая наган. Он ударили пастуха по голове рукоятью, Цола зашатался. Гета вцепился белогвардейцу в руку, но тот легко отшвырнул мальчика прочь.

Когда окровавленного Цолу уводили, он пристально глянул на сына и сказал:

— Паси стадо да не озорничай...

Весь дрожа, смотрел Гета ему вслед. Он опомнился только тогда, когда белогвардейский разъезд скрылся в лощине.

Вечером Гета пригнал стадо в аул.

— Где отец? — вскрикнула мать, предчувствуя беду.

— Его увели белые, — ответил Гета. И больше уже не вымолвил ни слова.

Молча поел он и уже ложился спать, когда в саклю заглянул Харитон — высокий, широкоплечий мужчина, всегда веселый и приветливый. Но сейчас Харитон хмурился...

— Я уже знаю, что стряслось, — тихо сказал он мальчику. — Постарайся вести себя как мужчина. Недаром говорят: когда дерево падает, другие деревья его поддержат. Помогу вам и я, помогут и другие соседи. Придет пора страды, я позабочусь, чтобы устроили для вас зиу¹. — И, помолчав, вдруг спросил, понизив голос: — Скажи, Гета, отец твой мне ничего не передавал?

— Ничего, — глядя в пол, ответил Гета.

Некоторое время они стояли друг против друга. Потом Харитон положил свою тяжелую руку на плечо мальчика.

— Так ничего-ничего и не сказал?

— Ничего, — сказал Гета, не поднимая головы.

— Ну ладно. Ничего так ничего. Тогда я пойду. —

Харитон направился к двери, шагая чуть враскачуку.

— Дядя Харитон, — окликнул его Гета.

— Что такое?

— Отец велел обо всем спрашивать у тебя... Ответь, за что его забрали белые?

Харитон оглянулся на дверь.

— Ну что тебе сказать? Недавно в Зеленой долине был бой красного отряда с деникинцами. Красным пришлось отступить. Говорят, комиссар их был ранен и скрылся где-то поблизости. Теперь белые разыскивают его. Наверное, решили, что твой отец помог ему спрятаться. Ты знаешь Тупчана — он всегда был прихвост-

¹ Зиу — осетинский обычай, коллективная помощь односельчанам.

нем богатеев. Теперь он день и ночь рыщет в горах, хочет найти комиссара, получить обещанную за него награду. Он-то, наверное, и выдал твоего отца.

Тут дверь отворилась, и в саклю вошла мать Геты.

— О чем вы шепчетесь? — накинулась она на соседа. — Что ты задумал? Мало мне горя, что мужа увели, теперь ты и сына хочешь погубить?

— Не кричи понапрасну, женщина, — отвечал Харитон. — Мне твой Цола — как брат родной. — И, снова обернувшись к мальчику, добавил: — Завтра я вместо Цолы погоню стадо. Пойдешь со мной?

— Пойду.

Теперь Харитон пас скот вместе с Гетой. Первые дни речь о комиссаре не заходила между ними. Но в конце недели Харитон сказал:

— Надо думать, что у комиссара еда кончается, а принести некому. Я тебя не спрашиваю, где он скрывается. Только думаю, что завтра приготовлю хурджины со съестным, а ты уж отнесешь, куда знаешь.

Гета молча кивнул.

И уже под вечер спросил у него Харитон, как у старшего:

— Как ты считаешь, Гета, на какое пастбище мы завтра погоним отару?

— В Зеленую долину. Там сейчас трава высокая, — отвечал Гета.

Назавтра Харитон не пожалел припасов — Гета с трудом взвалил хурджины на плечо.

— Смотри, будь осторожен. Не дай бог тебя выселят — и себя погубишь, и другого человека, — сказал Харитон на прощанье.

Кивнув Харитону, мальчик зашагал прочь по узкой тропке. Ущелье начинало сужаться, склоны круто поднимались вверх. Мальчик шел, глядя лишь на тропу перед собою. Суконная рубашка его пропотела, сердце сильно билось — тяжелый мешок давил на спину. Наконец Гета почувствовал, что он не сможет больше сделать ни шагу, остановился около высокого камня и, положив на него хурджин, выпрямился, чтобы передохнуть. Потер себе поясницу, как это делал отец, когда приходилось таскать тяжести, потянулся, закинул голову — и почти над собой, на гребне горы, увидел фигуру

человека в длинной черкеске. Человек тут же нырнул за камень.

«Кто это мог быть? — испуганно подумал мальчик. — Не иначе как Тупчан меня выслеживает». Ноги у Геты подкосились от страха, он совсем растерялся.

«Не зря Харитон говорил, что он кружит по горам, как коршун. Увидел меня и сразу обо всем догадался. Что же делать? Главное, не подавать виду, что я его заметил». И, взвалив на плечо хурджины, Гета снова тронулся в путь. Но вскоре он уклонился с тропинки и стал карабкаться вверх по склону, рассчитывая сбить преследователя с толку. Камни скатывались у него из-под ног, часто ему приходилось плашмя падать на крутоя нагретый солнцем каменистый откос, чтобы не покатиться вниз. «Ничего, еще немного! Главное не оглядываться», — твердил он себе, сдувая с верхней губы капли пота. Преодолев подъем, он зашагал по пологому склону, рассчитывая сделать петлю и вернуться к пастбищу, где оставался со стадом Харитон. Перед глазами у него снова поплыли разноцветные круги, пришлось остановиться. Он тяжело уронил хурджин и сам едва не свалился в колючий кустарник. «Это у меня от голода, — подумал Гета. — Я с утра ничего не ел, потому и слабость одолела». Он достал из кармана кусочек черствого чурека и принялся жевать его. Вдруг, словно из-под земли, перед ним вырос Тупчан.

— Здравствуй, лаппу, — тяжело дыша, прохрипел преследователь. Видно, не легко ему было гнаться за Гетой по горным кряжам. — Много ли еды донесешь, если половину съешь дорогой?

Гета хотел ответить, но в горле его пересохло, так что он не мог вымолвить ни слова. Вот он, человек, выдавший белым его отца! Гета хотел подняться, но сильная рука Тупчана сжала его плечо.

— Отвечай, где прячется раненый комиссар?

Железные пальцы Тупчана с такой силой сжали плечо мальчика, что он застонал.

— Говори!

— Пусти меня! Я ничего не знаю!

Тупчан выпрямился, лицо его побагровело. Он сунул руку в карман и вытащил пистолет.

— Если хочешь жить — показывай дорогу!

— Да что ты, что ты, Тупчан, — запричитал Гета. —

Я не знаю никакой дороги, никакого комиссара! Я же еще маленький, откуда мне знать!

Тупчан убрал пистолет.

— Эх ты, маленький да глупенький! А ведь счастье свое упускаешь! За поимку комиссара дадут большую награду. Овец купиши, матери шелк на платье... И отца твоего выпустят, я уж об этом позабочусь... — Словно медом намазал себе язык Тупчан, так льстиво звучала его речь.

Гета решил схитрить. Пусть Тупчан думает, что он поддался на уговоры.

— Хорошо, я согласен, только бы отца отпустили. А денег много дадут?

— В мешке не унесешь!

— Ну, тогда пошли!

Взвалив мешок, он зашагал вперед. Впереди раскинулась Зеленая долина. Вот за этой скалой — пастбище, где пасет овец Харитон.

— Э, постой, — раздался вдруг голос сзади. — Да мы, никак, обратно вернулись! Ты что, дурачить меня вздумал?

Гета бросил хурджин и кинулся бежать. Но очень он сегодня устал, и все ближе раздавалось хриплое дыхание его преследователя.

— Харитон! Харито-он! Помоги! — закричал Гета. Тут Тупчан схватил его, свалил с ног, цепкими руками охватил его шею.

«Харито-он!» — перекликалось в горах эхо. Но Гета уже ничего не слышал. В глазах мальчика почернело, в ушах гремел непереносимый звон...

И вдруг сознание возвратилось к нему. Он вздохнул раз, потом другой, онемевшей рукой потер горло... Открылись глаза, и мальчик словно впервые увидел синеву неба и могучие горы, поросшие зеленым кустарником.

— Гета, Гета! — тряс его за плечо Харитон. — Очнись, сынок!

Мальчик с трудом приподнялся. Рядом с ним неподвижно лежал Тупчан.

— Он душил меня... — с трудом прошептал Гета.

— Ничего, — сказал Харитон, помогая мальчику подняться. — Эта собака больше ни на кого не залает. А пистолет нам пригодится. — В огромной его руке сужиеказалось игрушкой.

— Харитон, мне надо идти, — спохватился Гета. —
Ведь еду комиссару я так и не донес...

— Куда тебе, ты и на ногах-то еле стоишь... Я снесу, — сказал Харитон.

— Нет, я сам. Так наказал отец...

Через полчаса Гета был возле пещеры.

Улица
его сына
Быль

Теперь она зовется улицей Кудзи Колоева. Одна из лучших улиц нового осетинского города Дигора.

А тогда здесь было село Христиановское. И бушевала на Кавказе гражданская война.

...Габуди Колоев прислушался: перестрелка затихала. В чем дело? Может быть, генерал Шкуро, «волчий сотни» которого третий день осаждали Христиановское, наконец понял, что нет предела отваге его защитников, и повернул вспять? Или, может, кончились патроны у джигитов и сейчас они сойдутся в рукопашную с неприятелем? Или уже все кончено и некому больше защищать село?

Старик почувствовал, как ослабели у него ноги, он опустился на сложенные у плетня бревна.

Но вот снова разразился винтовочный треск, частая дробь пулеметов. Бой продолжается, а пока идет борьба, есть и надежда. Не может быть, чтобы уступили врагу славные джигиты, ведь среди них все три его храбрых сына — Георгий, Кудзи и Борис. С ними сейчас его сердце.

Сердцем старый Габуди всегда был с сыновьями, однако никогда он не показывал детям нежной своей любви. Что делать — обычай требует, чтобы отец скрывал свои чувства к детям. «Мужчина должен быть мужчиной, а не слезливой бабой», — не раз повторял Габуди. Суровый с виду, скончен он был и на слова, разговаривал с сыновьями твердо и жестко. Но чего стоило ему быть твердокаменным — кто мог это знать?

Трех сыновей подарила ему судьба. Быстро, как ор-

лята, подросли они — статный, горячий Георгий, мужественный Кудзи и добродушный Борис. Каждый по-своему радовал сердце отца.

Бывало, жена упрекала его за излишнюю суровость к детям. Габуди лишь вздыхал в ответ.

Разве существо на земле родитель, который не любит своих детей? А нашелся бы такой — разве имел бы он право носить священное имя отца? Недаром говорят, что тот, кто не любит своих родных, тот никого и ничего никогда полюбить не сможет. Такому грех ходить по нашей земле, дышать нашим воздухом, есть наш хлеб. Но ведь люди разные, и характеры у всех не одинаковы. Как заглянешь в чужую душу, как расскажешь, что там есть? Никто не знал, как гордится Габуди своими джигитами, сколько надежды связывает с ними. Радости сыновей были его праздником, их горести втройне отзывались в его душе.

И все-таки ни разу не обнял он ни Георгия, ни Кудзи, ни Бориса, все-таки редко слышали они от него ласковые слова: показывая пример своим детям, Габуди ревностно соблюдал все заветы старины.

Однажды в доме его сидели гости — почтеннейшие люди села собирались за столом у Габуди Колоева. Вдруг сквозь открытую дверь Габуди увидел, что маленький Кудзи, игравший во дворе, заполз под ноги коню. Каждую секунду он мог быть раздавлен.

Габуди побледнел, холодный пот каплями пополз на густые брови. Но, собрав всю свою выдержку, он не встал с места, не нарушил обычая. Недаром говорят: учтивый человек и в своем доме гость. Зато и досталось же от него домашним, когда гости наконец разошлись!

Да, коротка, слишком быстротечна жизнь человека. Незаметно постарел старый Габуди, незаметно подросли его сыновья. На старости лет человек хочет отдохнуть, но умерла жена Габуди, да и время наступило такое, что о тишине давно забыли в горах Осетии. Горный ветер от селенья к селенью доносил пламенные речи, крики ненависти, треск пожаров, грохот перестрелки. На тяжелые годы, на невиданные годы пришла старость Габуди, и на это же суровое время пришла пора возмужания его сыновей.

...Габуди с трудом поднялся с беревен. Зачем он вы-

шел из дома? Ах, да, он хотел задать корму боевым коням Кудзи, стоявшим оседланными в конюшне. Старики медленно двинулся через двор. В селе не раздавалось ни звука. Старики, женщины, дети — сидели все по домам, прислушивались к перестрелке на окраине. Неужели вновь их село будет отдано в руки палачей? Габуди засыпал лошадям овса, встретив взгляд горящих глаз вороного. Это конь Кудзи. Вот и снова у его сына боевой конь, снова Кудзи стал джигитом. Это после многолетних-то скитаний по огромной стране...

Всему началом была беспространная бедность, годы неурожая. Молодежь разъезжалась из родного села — кто подавался в крупные города Закавказья, кто отправлялся искать счастья на север, в центр России, кто уезжал на далекий и заманчивый Дальний Восток. Далеко-далеко, в неведомые края, на реку Амур поманила надежда юного Кудзи. Много мытарств пришлось ему перенести в дальних места, но, как и другие его земляки, свято хранил он в сердце память о родном — среди зеленых гор — ауле, покосившемся от старости отчим доме. Как и другие, не много денег привез он домой защищими в полу обтрепанного бешмета.

Вокруг каждого из возвратившихся в село собирались и молодежь, и старики, слушали рассказы, просили совета. Как ласточки — предвестники весны, приносили такие люди новые мысли, вести о революционных событиях.

Старики частенько хмурились, слушая горячие речи молодежи — как бы не довели до беды длинные языки. Но Габуди уже тогда сказал себе: «Пока были они малыми детьми — учил я их уму-разуму. А теперь они выросли, возмужали — и поздно уже с ними спорить. Я учил их только хорошему, и они выросли хорошими людьми. А теперь сыновья видят в жизни своими молодыми глазами дальше меня, и должен я держать их сторону». Потому-то чаще всего собирались молодые люди в доме Колоевых. Много удивительного услышал Габуди от своего среднего сына.

— Там, в Сибири, познакомился я с замечательным человеком. Имя его — Адам Каменский, он выходец из дальнего края. Большой ученый, мог бы жить спокойно, не зная забот. Но он посвятил себя борьбе против белого царя, за права простых тружеников. Почему же

он избрал такой тяжкий, опасный путь? Почему положил свою жизнь на защиту прав угнетенных? — Кудзи обводил собравшихся своими большими темными глазами, будто ждал ответа. Все молчали, и тогда он сам отвечал на вопрос: — Умные и честные люди всегда борются за правду и справедливость. В этом для них — главная цель жизни. А что такое — правда, что значит — справедливость? Мы это понимаем так: если человек трудится, то за труд свой он должен получать сполна. Кто не работает — пусть не ест. Бездельникам и захребетникам не должно быть места в жизни. А что мы сейчас видим вокруг себя? Все богатства, все блага жизни принадлежат тем, кто сам ничего не делает, а присваивает плоды чужого труда. Так дальше продолжаться не может.

Загорались глаза молодежи, согласно кивал и Габуди. Сын его говорит слова, достойные настоящего мужчины, недаром все так внимательно слушают его!

Однажды разговор зашел о сельском старосте Дрице Бадманове. Старший сын Габуди, Григорий, взволнованно, чуть ли не после каждой фразы, рубил воздух рукой:

— Он во всем заодно с богатеями. Народ стоном стонет от его произвола. Над теми, кто ему не угодил, издевается как хочет. Сколько же нам терпеть его на своей шее? Пора избавиться от кровопийцы!

— Гнать его с должности старосты! — поддерживали Георгия собравшиеся. — Выберем на его место человека, который будет защищать права народа!

Было решено назавтра же требовать от Бадманова, чтобы он ушел с должности старосты. А будет упираться — гнать его в шею! Давно пора показать, что в селении живут настоящие мужчины!

Габуди хорошо помнит тот день, жаркий, душный день в разгаре лета. Отстояв заутреню, Бадманов первым вышел из церкви. На паперти его остановили трое: сын Габуди Георгий, почтенный Аслан, сосед и старинный приятель Габуди, и молодой, горячий Резо.

— Народ требует, чтобы ты оставил пост старшины, — заговорил Аслан. — Тебя избрали, чтобы ты был народным заступником, а ты стоишь за богатеев. Отдай свою старшинскую бляху и иди на все четыре стороны. Иначе — пожалеешь.

Бадманов набычился. Он давно уже ловил толки за спиной, перехватывал косые взгляды односельчан, давно ожидал чего-нибудь подобного — и вот дождался.

— Передай своему... народу, что он сам еще пожалеет об этих словах, — процедил сквозь зубы старшина.

Габуди стоял неподалеку. Он был полон глухой ненависти к этой самодовольной обрюзгшей скотине со старшинской цепью на шее. «Что же они стоят как вкопанные? — думал он. — Нельзя терпеть, когда весь народ оскорбляют. Или в их жилах течет не кровь, а вода?»

Словно услышав его слова, Резо протянул руку и схватил Бадманова за цепь с болтающейся на ней бляхой. Тот, недолго думая, выхватил револьвер и выстрелил. Смельчак упал. Все замерли от неожиданности. Растолкав толпу, Бадманов бросился бежать. «Держите его!» — раздался крик Кудзи. Сыновья Габуди первыми кинулись в погоню. Они схватили старшину, когда тот перелезал через плетенье, думая уйти огородами. Подбежали еще люди, Бадманова обезоружили. Горячие головы хотели было тут же расправиться с ним, но старики предотвратили самосуд, сняли с Бадманова старшинскую цепь и заперли его в хлеву.

В тот же день Амурхан Собиев был избран новым старшиною. Выполняя решения тайных сходок, революционеры подняли горцев на восстание. Вооруженные, с красными знаменами, они прошли по имениям окрестных богатеев, мстя за годы обид и притеснений. Но недолго длились дни свободы. Против народного восстания были брошены царские войска во главе с полковником Ляховым. Первой операцией карателей было прочесывание дигорского леса, принадлежавшего местной знати. Все, кто попался на глаза солдатам, были схвачены — будь то пеший или конный. Весть о произошедшем дошла до селения. Удалили в набат, народ мигом собрался на площади.

Селение гудело, как растревоженный улей. В толпе мужчин раздавались несвязные выкрики. Но все замолкли, когда начал говорить Кудзи Колоев. До сих пор в ушах Габуди звучат гневные слова его сына: «Позор всем нам, если мы не освободим односельчан!»

На рассвете следующего дня из селения выехал вооруженный отряд. Впереди на горячем коне скакал Кудзи. Стычка с карательями была короткой, но яростной. Каратели были разбиты, все задержанные вернулись домой.

Но полковник Ляхов не мог простить этого поражения. Царские войска вошли в село. На жителей была наложена большая контрибуция. Зачинщики восстания были приговорены полевым судом к каторге.

Кудзи знал, что ждет его, если он попадет в руки врагов: не видать ему ни родины, ни близких. Он вынужден был скрываться в горном лесу.

Однажды ночью Габуди проснулся оттого, что кто-то постучал в дверь его сакли. В темноте стариk не узнал возникшего перед ним молодого джигита.

— Твой сын Кудзи ждет тебя на берегу Урсдона, у большого валуна. Иди сейчас. И Георгия возьми с собой. Пусть он сберется в дальнюю дорогу.

Посланец исчез в ночи. Габуди разбудил старшего сына, они спешно собрали дорожную суму. Спустились сельской улицей к реке, дальше осторожно прошли вдоль берега узкой тропинкой. Возле большого валуна из черных, густых зарослей орешника показался Кудзи.

— Прости, дада, что заставил тебя прийти в поздний час. Но другого выхода нет. Ты сам знаешь, что в селе мне показываться нельзя. А мне надо посоветоваться с тобой. Вот и пришлось тебе, почитаемому в селе человеку, красться тайком в полночный час.

«Посоветоваться!» У старика слезы стояли в глазах, он боялся промолвить слово, как бы не выдать своего волнения дрожью в голосе. Крепко любил своих сыновей Габуди Колоев, но он уважал старые обычай и потому скрывал свои чувства.

— Думаю я снова податься в дальний край, на реку Амур. Уж лучше я по своей воле уеду в Сибирь, чем пошлют меня туда в кандалах. Вернусь в знакомые места, наложу связи, продолжу свою работу. Не каторги я боюсь, но сердцем верю, что главные бои еще впереди. Ты обо мне не беспокойся.

Отец и брат молча слушали Кудзи. Луна вот-вот должна была показаться над горами. Плескал волнами неугомонный Урсдон.

— Боюсь я за Георгия, — продолжал Кудзи. — Вре-

мя сейчас жестокое, его могут арестовать вместо меня. Тебя не тронут, Бориса — тоже, он еще мальчишка. А вот Георгий должен скрыться на время.

Гулко забилось сердце Габуди: два его сына уходят из родного дома, изгнанниками будут таиться! Стариk почувствовал, что его знобит, он даже незаметно сунул руки под мышки.

— Не волнуйся, отец, — заговорил Георгий. — Я буду скрываться поблизости, пока не уйдут каратели.

«А мне Георгий не говорит, где найдет убежище, — пришло в голову Габуди. — Неужели не доверяет? Видно, они с Кудзи все без меня решили».

Он почувствовал себя старым и дряхлым, обойденным жизнью. Умчались его годы, как безвозвратно уносится вода по руслу неудержимого Урсдона. Трое мужчин стояли, прислушиваясь к ночи. И наконец сказал Габуди те слова, которых ждали от него Кудзи и Георгий:

— Ну, в добрый путь, сыны мои!

Габуди не помнит случая, чтобы он когда-нибудь обнял своего сына. Но на этот раз, когда предстояла долгая разлука — кто может сказать, сколь долгой будет она, — отец не смог перебороть себя. Он неуклюже припал к широкой груди Кудзи. Несколько крупных слезинок соскользнули по щекам старика. И, отстранившись, справившись с собой, он забормотал, будто извиняясь за вспышку отцовского чувства:

— О нас не беспокойся, мы дома как-нибудь проживем. И Георгий скоро вернется под родной кров. Тебе будет трудно на чужбине. Не забывай нас! Ну, в добрый путь!

Коротка летняя ночь. Луна еще только прошла половину пути, как уже светлеет, в чистом небе меркнут мириады звезд, заря разгорается на востоке. Спешит к Тереку быстрый Урсдон, по пути напевая прибрежным валунам одну и ту же песню.

Стоит на берегу старый Габуди, устремив взгляд в поросшее кустарником ущелье, куда исчезли два его сына. Бежит светлая тропинка, потом теряется в тени кустов. Когда-то покажутся они снова?..

Десять лет не видел Габуди своего среднего сына. Обзавелся своим хозяйством старший и ушел на войну белого царя. Возмужал младший, свято храня память

о Кудзи. А сам Кудзи появился в отчим краю вместе с вестями о великих переменах. Появился, показался отцу и снова исчез из-под родного крова.

В те дни в Осетии была создана революционная партия «Кермен», названная так в честь осетинского народного героя, борца за счастье обездоленных. Керменисты — верные помощники партии большевиков — вели борьбу против богачей и их прихвостней за то, чтобы вольно жилось на земле людям труда. Кудзи — один из активных керменистов — носился на лихом коне по всему краю, помогал людям устраивать жизнь по-новому, уговаривал колеблющихся, вступал в бой с врагами революции. Все ярче полыхало пламя борьбы, и, словно отсвет этого пламени, разгоралась молва об удалом джигите Кудзи Колоеве.

Говорят: злые вести бегают быстро, зато добрые — далеко разносятся. С новым чувством относились теперь к Габуди земляки. Раньше знали его как почтенногого человека, доброго соседа, который за всю жизнь никого и пальцем не тронул. А теперь оказалось, что из дома его выпорхнул молодой орел Кудзи.

Вернулся в селение и Георгий. Рассказал отцу о том, как в корниловской армии вошел в состав подпольной группы, вел агитацию среди горцев.

— Кто-то предал нас. Начали хватать поодиночке, двенадцать человек было расстреляно перед строем без суда и следствия. Эта расправа вызвала еще большую ненависть солдат к начальству. Эскадрон наш попросту разбежался. Офицеры пытались преградить нам дорогу домой — но не тут-то было! Нельзя остановить человека, если он вооружен и отведал свободы!

Когда Кудзи снова появился в селении, братья крепко обнялись и младший сказал старшему:

— В такие дни недостойно мужчины отсиживаться дома и ждать, на чьей стороне будет победа. Царя свергли, но прислужники его все хотят повернуть по-старому. Однако недаром говорится: кто срубил дерево, тот и корни должен выкорчевать. Надо бороться, чтобы приблизить светлые дни.

Слова Кудзи глубоко запали в душу Георгия, и он твердо решил идти дорогой брата. Природа не отказалася ни тому, ни другому в мужестве, смелости и силе, и было где их приложить. Братья окунулись в самую гу-

шь событий. Ни днем, ни ночью не расставались они с оружием.

Не до хозяйственных дел было обоим. Кудзи и Георгий уговаривали младшего, Бориса, следить за домом, за небольшим наделом земли:

— Придет и тебе пора вступить в общую борьбу. А сейчас мы поручаем тебе заботы о доме, об отце, о семьях наших, чтоб у нас не болело за них сердце.

Трудно было согласиться с этим Борису. Еще бы! Даже отец сказал однажды Кудзи:

— Сынок, не много ли тебе будет оружия? Ты им с головы до ног обвешался. Дал бы и мне, старику, винтовку — не ровен час, придется постоять за себя.

— Мы тебя защитим, дада, — улыбнулся Кудзи. — Да ты и не знаешь, как с винтовкой обращаться. Это ведь не старое кремневое ружье. Еще, чего доброго, выпалишь когда не надо... Нет уж, ты лучше сиди дома.

Старик. В первый раз кажется неожиданным, когда отзовутся о тебе, как о старике. Немало лет прожил на свете почтенный Габуди, давно уже он привык, что считают его стариком. Но в дни боев и волнений, когда каждый день приносил что-то новое, он словно снова помолодел. Внешне это было незаметно. Наоборот, тревога о сыновьях добавила ему морщин, под глазами от бессонных ночей появились синие круги. Но молодость, вернувшаяся молодость сияла в его глазах, и многое можно было в них прочесть — радость и горе, надежду и ненависть.

...Снова участилась стрельба на окраине селения. Над крышами свистели шальные пули. Но старик пересекал двор, стараясь держаться как можно прямее. Внезапно его окликнул знакомый голос. Габуди обернулся — у калитки стоял Георгий. Он тяжело дышал, лицо его потемнело от порохового дыма, одежда перепачкана. Что случилось? Почему его сын покинул линию огня?

— Отец, мы уходим, — торопясь, заговорил Георгий. — Нас осталось мало, а враг наседает. Патроны на исходе. Решено отступать в горы. Мы еще покажем этим негодяям, кто настоящий хозяин в нашем kraю. Выводи коней — моего и Бориса. Я пойду возьму в доме кое-что на дорогу.

Страшная мысль мелькнула в голове старика. В глазах его потемнело.

— А Кудзи?! — едва слышно спросил он.

— Кудзи и еще несколько человек будут прикрывать отступление. Они держат позицию на нижней окраине села. У них там пулемет. Так что смотри, чтоб и его конь был наготове. Им надо продержаться хотя бы час, а потом отступать вслед за нами...

«Жив! Жив! Мой Кудзи жив!» — вот и все, что понял Габуди. Руки его дрожали, по щекам текли старческие неудержимые слезы. Он даже не смог проститься как следует с Георгием — старший сын взлетел в седло и, держа в поводу коня Бориса, умчался прочь.

И снова старик опустился на обрубок дерева, прислушиваясь к коротким пулеметным очередям, доносившимся с нижнего конца селения, к хлопкам винтовочных выстрелов, к далеким крикам. Невестки, укрывшиеся в доме, то и дело высовывались из-за двери, пугливо звали его спрятаться, но Габуди сидел неподвижно.

Но что это? Выстрелы затрещали совсем близко. Белые ворвались в село, обойдя заслон Кудзи и его друзей. Вот, стягивая кольцо, пригнувшись, как воры, перебегают они от плетня к плетню по улицам села. Раздались отчаянные крики, потянуло дымом. А как же Кудзи? Ведь его пулемет еще подает голос! Старик вспомнил слова Георгия: «Смотри, чтоб и его конь был наготове!» Вот что мог он сделать для сына — привести ему боевого коня, чтобы птицей вылетел Кудзи из захваченного села! Старик устремился к конюшне. Вороной конь встревоженно переступал с ноги на ногу, по телу его волнами пробегала дрожь, он косил на старика огненным глазом.

Габуди вывел коня во двор, хотел сесть в седло. Но конь не давался, он привык лишь к одному хозяину. Да и Габуди уже несколько лет не отваживался проехаться верхом. Он всунул ногу в стремя и беспомощно прыгал на одной ноге рядом со скакуном.

— Эй, старик, не тебе ездить на таком красавце! — услышал он голос. Габуди обернулся: по-хозяйски распахнув калитку, во двор входил белогвардеец.

— Ну-ка давай уздечку, — требовательно протянул он руку.

— Не смей трогать! — надтреснутым голосом выкрикнул Габуди.

Но тот с силой толкнул его прикладом винтовки, и старик упал на землю. Теперь уже белогвардец вертелся вокруг строптивого коня. Конь тревожно ржал, поднимался на дыбы, пытался лягнуть и укусить солдата. Тем временем старик пришел в себя. Он увидел, что уводят со двора вороного коня — единственную надежду Кудзи на спасение. Старик поднялся — и тут взгляд его упал на железные вилы, прислоненные к стене конюшни. Не успел оглянуться солдат, как упал под ударами Габуди.

Но и сам Габуди рухнул, заливаясь кровью, — продвигавшийся по улице разъезд белых изрешетил его из винтовок.

А вороной конь помчался, не сдерживаемый никем, по забросанным гильзами, залитым кровью улицам селения туда, где давал свой последний бой Кудзи.

Откуда вороному было знать, что ни на каком скакуне не вырваться уже его хозяину из окруженного села.

По мере продвижения к центру селения белогвардейцы выталкивали жителей из домов, гнали их на главную площадь. Понурив головы, шли люди под ударами прикладов. Они знали: черное время у них впереди, в отместку за стойкость защитников, захватчики зальют село кровью невинных.

Полковник Гайдашев на разгоряченном коне в сопровождении нескольких офицеров приблизился к молчаливой толпе.

— Ну что, негодяи, дождались вы своей свободы? — заорал он. В это время один из приближенных показал направо, на узкую тенистую улочку.

Неторопливым шагом, к площади приближался всадник на вороном коне. Он не спешил и не скрывался. Одетый как бравый джигит, вооруженный карабином, револьвером и шашкой, медленно ехал он меж плетней, будто и не видел впереди толпу народа, солдат и офицеров. Постепенно глаза всех людей на площади обратились к нему.

Не спеша въехал Кудзи на главную площадь, придержал коня в трех шагах от полковника Гайдашева. И сразу над площадью повисла тишина.

— Вы керменист? — спросил полковник.

— Да.

— Сдаешься в плен?

— Да.

Ропот прошел среди сельчан: неужели Кудзи стру-
сил?

— Кому сдать оружие?

— Мне самому.

— Ну так получай! — Кудзи рванул с плеча ка-
бин и в упор выстрелили в полковника. Тот замерто-
свалился с седла.

Хладнокровно, пользуясь замешательством, Кудзи
стрелял по врагам. Быстро израсходовал он обойму ка-
рабина, отбросил его в сторону и схватился за револь-
вер. Но тут шкуровцы кинулись к нему уже целой тол-
пой и один из них пронзил его штыком. Кудзи скло-
нился, обнимая шею своего вороного, потом медленно
сокользнул с седла...

Ныне именем Кудзи Колоева названа одна из улиц
города Дигора. Не длинна эта улица, как не длинна
была жизнь героя. Но там, где кончается она, начина-
ется большая, широкая улица — Свободы.

Карабаш

Еще и сегодня помнят в Дигории старого Карабаша. Не забывались его песни и истории, рассказанные у костра, не забылась жизнь его, долгая и трудная, и геройская смерть. И верю я, что останется он в памяти людской еще долгие, долгие годы, потому что был он настоящим мужчиной, честным и храбрым, и отдал жизнь свою за счастье людей.

Как сейчас его вижу...

Стоит Карабаш на вершине скалы, дымит изогнутой трубочкой, следя за стадом, что пасется на лугу возле бурного Ирафа. А солнце клонится к вечеру, лучи его алыми сполохами играют на снежных вершинах. От легкого дуновения ветерка пестрые волны пробегают по луговому многоцветью. И кажется тогда, что цветы и травы о чем-то перешептываются, передают вести из края в край. Шумят высокие травы, первые желтые листья — предвестники осени, — кружась, слетают на землю. И, еле слышная, доносится сверху протяжная песня.

Поет Карабаш...

Быются на ветру полы его короткой черной бурки. Плеск и клокотанье быстрого шумного Ирафа — словно музыка к его песне. Вот кружит, снижаясь над ним, горный орел — ищет поживу. Карабаш грозит ему посохом — и орел, расправив крылья, скользит прочь и исчезает за лесом.

Поет пастух...

О чём она, его песня? Послушать Карабаша приходят молодые парни и подпаски, которые вместе с ним при колхозном стаде. И когда наступает час

отдыха, когда сытые коровы внизу разноцветными пятнами разлягутся по лугу, Карабаш вонзает в землю свой посох, вешает на него мохнатую пастушескую бурку и развязывает мешок с едою. Молодежь кружком устраивается в тени дерева и начинаются расспросы.

— Карабаш, расскажи, как жили здесь люди в давние времена.

— Карабаш, а правда, что ты участвовал в обороне Владикавказа?

— Карабаш, а Серго Орджоникидзе тебе доводилось видеть?

— Карабаш, а с чего началась эта борьба за новую жизнь?

— Расскажи нам о своей молодости, Карабаш!

Карабаш не торопится. Достает из мешка чурек, плоский сыр, соль в тряпице.

— Эх, дети мои! Не зря говорят — пустой мешок стоймя не поставишь. Сначала перекусим, а там и до разговоров дело дойдет. Мои сказки и истории, не в пример резвым телятам, никуда от нас не убегут.

Тут, отделившись от стада, подходит бычок рыжей масти, любимец Карабаша. Старый пастух делает вид, что не замечает его. Тогда бычок требовательно мычит и, заигрывая с хозяином, толкает его легонько рогом. Карабаш кормит его хлебом, дает слизнуть с ладони крупинки соли. Получив угощенье, бычок глубоко вздыхает, облизывая розовые ноздри, и ложится рядом с Карабашем, старый пастух облокачивается на него, как на подушку.

Запив еду ключевой водой из черного глиняного кувшина, Карабаш начинает рассказывать — негромко, будто ведет разговор сам с собою:

— Всю свою жизнь я прожил в горах, дети мои, я, сдается мне, что всю жизнь карабкался по крутой горной тропе из глубокого мрачного ущелья к светлой вершине. Много невзгод встречалось на пути, но шел я упрямо вперед, надеясь добраться до своего счастья. И вот геперь, чудится мне, стою я на той вершине и оглядываюсь назад — мрачные скалы, теснини, глубокие пропасти — как же это я миновал все? И сердце загорается радостью, и душа полнится счастьем, и песня

сама собой срывается с губ. Почему бы мне не петь? Долгую свою жизнь прожил я в ладу с самим собою, никогда никого не обидел. Много дорог я перемерял — по одним несли меня ноги, по другим мысли. И где бы ни оказался я теперь — в далеком краю, в лесу заснеженном, под дождем и бурей или на празднике с земляками — не покидает меня мысль: сегодня живется лучше, чем вчера, а завтра будет лучше, чем сегодня.

Карабаш поглядывает на молодежь — внимательно слушают его пастухи. Кому он рассказывает о долгой жизни своей — им или самому себе? Задумчиво качает головой Карабаш.

— Время сейчас веселое, привольное, — продолжает он, выбив свою кривую трубочку. — И как не радоваться человеку, когда он добился всего, о чем мечтал?! А ведь еще совсем недавно бедняк был подобен придорожному дереву, любой прохожий мог его пощипать. Простому человеку и ступить-то нельзя было по родной земле — все принадлежало богатеям — и луга, и пашни, и леса, и воды. Только, бывало, и слышишь: «Эй, Карабаш, опять твое стадо забрело на мой луг!», «Эй, Карабаш, не смей ходить по моей земле!», «Эй, Карабаш, когда же ты наконец вернешь свой долг?» Короче говоря, жития не было от притеснений богатеев. Каждый свой шаг бедняк трижды обмозговывал, и то случалось, что нежданно-негаданно попадал в беду. Видите, как зеленеют наши поля? А если бы простили пот и слезы, которые пролили на них бедняки в былые годы, то толстой соляной коркой покрылись бы они и засияли бы под солнцем, как снежные вершины. А наши тучные луга! Если бы вышла наружу вся кровь, что была пролита из-за них в стычках с богачами, стали бы они краснее заката накануне ветреного дня.

Старик замолкает, попыхивает вновь набитой трубочкой, посматривает на слоистое, угасающее небо, трет уставшие от ходьбы колени.

— Ну, а дальше-то, дальше, Карабаш, — не выдерживает самый нетерпеливый.

— Дальше-то, — усмехается Карабаш, — что ж дальше?.. Земли своей у меня никогда не было. Только вошел я в тот возраст, когда мог сам барана поднять, как бросил отчий дом и ушел за горы, в Балкарию, батра-

чить. Думал — разбогатею в чужом краю. Денег, правда, домой не принес, зато принес новое имя — Карабаш. А как меня родители мои назвали, из вас никто, наверное, и не знает, да и сам я уже отвык. Карабаш да Карабаш. Так прозвал меня хозяин — балкарец богатый, у которого я пас скот. Карабаш — на его языке значило черноголовый. Бывало, кличет: «Эй, Карабаш, иди в лес за хворостом!», или «Эй, Карабаш, отведи коней в табун!», или «Эй, Карабаш, возьми глины, подмажь стену у коровника!» И земляки мои, работавшие у него, так стали меня звать. Теперь уже у меня, почтый, ни одного черного волоска не осталось, ни на затылке, ни в бороде. А все — Карабаш да Карабаш.

— А что же ты ушел от своего хозяина, Карабаш? — спрашивает молоденький подпасок.

— Хозяин-то рад был, чтоб я всю жизнь на него работал. Парень сильный, до работы жадный. И не боялся попусту. Хотя хозяин наш расплачивался все больше обещаниями, нежели деньгами. «В этом году, — скажет бывало, — недород, оставайтесь еще на год, тогда с вами сполна рассчитаюсь». А на следующий год урожай хороший, так цены на рынке упали — опять он от расчета увиливает, уговаривает оставаться. Послушался бы я его — так всю жизнь и промыкался бы на чужбине. Но как я понял, что добра от него не дождешься, подступил к нему твердо: давай расчет да отпускай. Он и так, и эдак. Я ему показал руки свои и говорю: «Вот эти руки год за годом копили тебе богатство. Подумай, много ли времени надо, чтоб богатство это по ветру пустить?» Отдал мне хозяин деньги. Так и возвратился я домой.

Старик повернулся, указал трубкой в сторону погрузившегося во тьму ущелья.

— Видите, вон там, вдали, на Тарадагской дороге, виднеется на повороте старый карагач? — Карагач был еще отчетливо виден на фоне безлесой скалы. — До сих пор называют его в народе «деревом Инала». А Инал этот моим соседом был. Как вернулся я в родные места, он мне говорит: «Ты сам увидел теперь, что в одиночку нужду не одолеешь. Хочу я уговорить земляков взять сообща в аренду небольшой надел у богачей Тугановых. Иди с нами в долю». Невелик был надел, а

бед из-за него вышло много. Собрались мы сообща, внесли деньги. Помогли друг другу, вспахали убогие свои клочки. Каждый в лепешке кукурузной себе отказывал, до свету в поле выходил. Только стали боронить, являются целой сворой хозяева и их приспешники.

— Почему это вы пасете своих волов в кустарнике?

Инал им отвечает:

— Это же кусты колючие, а не сенокос, не пашня. Вам они все равно ни к чему, а нашей замореной скотине и листьев горсть впрок. Не так ли, добрые люди, я говорю?

— Мы вам сдали в аренду пашню — вот ей и пользуйтесь. Хотите — пашите, хотите — волов своих пасите. Но чтоб они в наш кустарник — ни-ни! Или вносите за это отдельную плату.

Инал тогда зло так говорит им:

— Ладно, отправляйтесь своей дорогой! Волы наши сейчас на пашне, а не в кустарнике. Вот когда их там застанете, тогда и разговаривать будем. — И повел борозду дальше.

Днем мы пахали, а на ночь Инал все-таки водил волов пасти в кустарник — надо же им было чем-то питься.

Тугановы о том пронюхали, подговорили своих прихвостней напасть на нас ночью, отбить волов. А без рабской скотины как проживешь? Недаром говорили тогда: без вола и коровы горец — не горец. Без вола не вспашешь и не засеешь, дров на зиму не заготовишь, а корова — кормилица. От нее и молоко детям, и сыр к чуреку. Но вола и корову кормить надо, а сено где взять? Вот и случалось, что из-за охапки травы или веток колючих проливалась кровь. Так вот, напасть-то они напали, да в беду попали. Инал-то богатырь, да и мы ему подмога — разогнали их, кому спину наломали, кому носы разбили. Мы-то все повеселели, да только затаили на Инала Тугановы злобу. Месяц прошел — нашли Инала нашего убитым на Тарадагской дороге. Там и похоронили, холмик доселе стоит, карагач сторожит его.

— А кто же убил Инала? — спрашивает Карабаша один из нетерпеливых слушателей.

— Ясное дело кто — люди Тугановых. Да только

никто убийц не искал, не судил — такое было тогда время, что не мог бедняк доказать свою правду... — старик тяжело вздыхает, опять разминает руками колени.

Молчат молодые пастухи. Им, родившимся уже в новое время, такие рассказы кажутся легендой.

— Так что же, Карабаш, никто так и не отомстил богачам Тугановым за смерть Инала? — спрашивает один из парней.

— Отомстили, сынок, отомстили. Когда сбросили царя и богатеев — вот тогда сполна за все с ними и расквитались.

И дальше тянется рассказ о лихих сражениях, о горечи поражений и радости побед, о том, как сам Карабаш с оружием в руках боролся за великое народное дело.

— Сейчас-то жизнь пошла совсем иная. Живи да радуйся. Вот я, скажем, такой уж старик, что и не помню, сколько мне лет, а все дома не сидится. Сын и внуки уговаривают: нечего тебе, мол, по горам лазить, хватит росой умываться, тучами укрываться. А я так полагаю: отними у меня пастушеский посох, да бурку, да трубку — так мне и не жить больше на свете. Как покину я пастбища, на которых провел долгие годы? Здесь мне знакома каждая пядь земли, каждый камень, каждый родник. Сколько весен выгонял я скот на эти луга! Похоже, что здесь в горах и есть мой дом, а в село я в гости прихожу. Меня в стаде каждая корова узнает и по голосу, и по походке. Бывает, ведешь с ними беседу, а они, как люди, все понимают, со всем соглашаются. Жаль только, что ленивы — отвечать не выучились. — И, закончив разговор шуткой, старик бодро, по-молодому поднимается, кличет собак. — Давайте, ребята, на ночь готовиться, — говорит он, давая слушателям понять, что беседа — это хорошо, но пора и за работу приниматься.

А перегнав отару в лощинку и запалив костер, чабаны опять начинают разговор, и опять, как нить с клубка, разматывает Карабаш свои истории.

Так и закончил бы Карабаш свой путь на той заветной вершине, к которой шел всю свою долгую жизнь. Но нагрянули черные дни и по-своему распорядились жизнями людей.

Уже в конце июня ушел добровольцем на фронт вместе с соседской молодежью единственный сын Карабаша — Ораз. Письма от него приходили редкие: стоял в обороне Смоленска, был ранен под Можайском, из госпиталя снова вернулся на передовую. А летом сорок второго его ранило под Харьковом осколком мины. Врачи спасли ему жизнь, но не смогли вернуть здоровья. Ссохшийся, бледный, немощный, вернулся он домой.

Вести в горах разносятся подобно эху, и пока Ораз поднялся от дороги к селу, все жители от мала до велика высыпали встречать вернувшегося с фронта солдата. Только отца своего не увидел Ораз.

— Почему ты одна, нана? — спросил он плачущую мать. — Где отец?

— Он теперь совсем не появляется дома. Почти все мужчины, годные к работе, ушли на фронт, он управляется на ферме за семерых. Не может оставить скотину без присмотра.

На следующий день Ораз отправился к отцу на ферму. Они крепко обнялись, и сын стал рассказывать о пережитом, о тяжких боях, о гибели товарищей... Молча слушал старый Карабаш, голова его клонилась все ниже, будто принимал он на свои плечи груз этих бед.

— Вот, значит, как выходит, — заговорил он наконец, — трудились мы, себя не щадили, а когда нажили наконец достаток, начали жить по-человечески, являются эти бандиты и, как саранча, все пожирают... Жгут огнем наши города и села, лютят рекой невинную кровь!

— Мало того, отец, — заговорил Ораз. — Мало им грабить нашу землю и отбирать все, заработанное потом и кровью. Они хотят лишить нас гордости и чести, хотят, чтобы, как бессловесная скотина, повиновались им!

— А вот это никогда им не удастся! — горячо вскинулся Карабаш. — Можно силой отобрать у человека то, чем он владеет, да нет на земле такого оружия, которое могло бы превратить свободного человека в раба. За каждую каплю пролитой крови придется им рассчитываться. Дорого мы заплатили за нашу прекрасную мирную жизнь, и если человек отведал свободы,

как отведали мы за годы нашей народной власти, — нет таких сил, которые бы смогли заставить его склонить шею под ярмо чужеземца.

Как-то особенно близкими стали друг другу в эти тревожные дни Ораз и Карабаш. Сын каждый день бывал на ферме, хотя нелегко ему было преодолевать глубокое ущелье, через которое вилась тропка от села. Поднявшись в гору, он садился передохнуть на плоский придорожный камень и долго сидел неподвижно, ожидая, когда вернутся силы. Наконец поднимался и, экономя шаг и дыхание, шел дальше к ферме. А там работы край непочатый. Если у отца были вилы в руках — Ораз тут же брал вилы и себе и принимался помогать. Отец и не замечал, как ему тяжело. Иначе не подгонял бы его:

— А ну-ка пошевеливайся! Что тебе, свинца налили за голенища, что ли? Здесь у нас как на фронте — раз-два!

Между тем фронт приближался к Осетии. Тревога охватила село. Собирая вещи, люди замирали, прислушиваясь: не грохот ли канонады донес ветер из-за гор? Или, чего доброго, раздастся за ущельем треск вражеских мотоциклеток. Угоняли с фермы скот, жители уходили в горы, где в неприступном лесистом ущелье создавалась база партизанского отряда.

Только Карабаш в эти дни хранил спокойствие. Отправив семью в лес, он тут же вернулся на ферму и, осмотрев коров и молодняк, разбил стадо на две части.

— Всех здоровых коров и телят угоняйте поскорее, чтобы не достались врагу, — командовал он колхозникам, пришедшим угонять скотину. — А молодняк да больных оставим на ферме.

— Как оставим? На кого оставим?

— Я буду за ними ухаживать. Вам и со здоровым скотом будет хлопот достаточно, нечего брать на себя лишнюю обузу. Да и времени нет перегонять больных да слабых коров — они замедлят отход, не дай бог, фашисты вас нагонят.

— Тогда надо их всех забить!

— Еще чего! — взъярился Карабаш. — Сколько

труда вложено в каждого теленка, а теперь вы хотите выбросить их стервятникам! Ведь мясо вам все равно не унести!

— Подумай о завтрашнем дне, Карабаш! А если придут немцы?..

— А вы подумайте о дне послезавтрашнем. Может, немцы и не доберутся сюда. Прогонит их наша Красная Армия, и тогда каждая корова, каждый теленок ой как пригодится.

Карабаш был непреклонен. И добился своего — большое стадо колхозники угнали в лес, навьючив на коров кое-какой скарб. Оставили лишь с десяток слабых и стельных коров да часть молодняка. Все свои нехитрые пожитки Карабаш перенес в глинобитную хибарку рядом с хлевом, там и поселился.

Теперь уже явственно доносились артиллерийские залпы, ветерок доносил из-за гор горький запах дыма. Смолкли птицы в лесу, притаились звери. Вечерами Карабаш смотрел на запад — небо вспыхивало красными зарницами. И порой старику казалось, что наступает конец света.

На третий день фашисты заняли село, фронт прокатился дальше. Пока не зашло солнце, Карабаш вздрагивал от малейшего шороха, ждал, что немцы вот-вот нагрянут на ферму. И вдруг в вечернем синеющем небе увидел он близкое зарево. Языки пламени взлетали высоко в небо, запах гари разносился вокруг. Горело их село. От горестных дум совсем сник Карабаш, голова его отяжелела, и он забился в свою мазанку и, прижавшись к стене, как в бреду, сидел и смотрел на нестихающие сполохи. Глубокой ночью на пороге появился Ораз.

Старик испуганно глянул на сына — и словно вышел из забытья.

— Что с тобой, сынок? — проговорил он, поднимаясь.

Ораз был бледен, суконные самодельные чувяки и ноговицы — в комьях грязи, полы черкески изорваны, будто Оразу пришлось отбиваться от собак.

— Что с тобой, сынок? — повторил он в отчаянии. — Раньше и нищие так не ходили!

— Беднее нищих мы с тобой, отец! — заговорил Ораз. — Еще вчера до нас дошел слух, что немцы гро-

зятся скрять дома ушедших в лес. Сегодня я не выдержал, пробрался взглянуть — и лучше бы не ходил! — застонал он. — Камня на камне не осталось от родного дома!

Старик хотел что-то сказать, но у него пересохло во рту, язык не слушался его, он привалился к стене, чтобы не упасть.

Двое мужчин стояли молча в темноте, пораженные горем. И только протяжное, как стон, мычание, вдруг раздавшееся из хлева, вернуло их к жизни. Старик засуетился, радостно замахав руками, и неуклюже полез через плетенья.

— Пеструха, кажется, отелилась. Неси-ка соли скрее! — крикнул он Оразу.

Из-за заструхи он выдернул клок соломы, посветил в хлеву.

— Ого, бычка принесла! Посыпь-ка его солью, тогда мать лучше оближет. Вот так...

— Потуши свет! — испуганно сказал сын. Отец затоптал солому. В темноте было слышно тяжелое дыхание коровы и причмокивание теленка. Только родившись, он принялся сосать — хороший знак!

Через час двое мужчин вышли из хлева. Осенняя ночь была на исходе. Ветер разогнал туман и теперь над их маленьким пастбищем в бледнеющем небе, как огоньки, мерцали бесчисленные звезды.

Старый пастух глянул в сторону села. Пожар затихал. Он горько вздохнул. Прежде в той стороне был его дом, а теперь за ущельем, за черным ночным лесом таилась смертельная опасность.

— Как ты думаешь, сынок, доберутся они сюда?

— Кто может сказать? — ответил Ораз. — Может, они и не знают, что здесь ферма. Может, не решатся идти через лес — партизан побоятся...

Они вошли в хибарку и прилегли на соломенные тюфяки, но не успели заснуть, как в дверь постучали.

— Кто там? — дрожащим голосом спросил Карабаш, никто не отозвался.

— Кто там? — спросил Ораз, поднявшись с постели и обнажив кинжал. Ответа снова не было. Ораз отворил дверь. На пороге в предутренней мгле стояли двое. Оба путника были в рваной осетинской одежде, изможденные и усталые.

Хозяева пытались заговорить с незнакомцами по-осетински, но они не отвечали. Жестом Карабаш пригласил их войти.

Зайдя в хибарку, гости устроились на соломе. Карабаш поделился с пришельцами едою.

— Были в пленау немцев, удалось бежать. Ищем партизан, — сказал на ломаном русском языке один.

Пастухи с трудом понимали его речь.

— Мы не партизаны. Мы не знаем, где партизаны, — втолковывал гостям Ораз. — Кто их знает, что за люди, — вполголоса сказал он по-осетински отцу. — Время сейчас такое, что никому нельзя доверять.

Поев, пришельцы собирались уходить. Днем им опасно здесь оставаться, объяснили они. Будут прятаться в лесу, искать партизан. Они вышли и словно растворились в предутренних сумерках. Старик долго глядел им вслед, и казалось ему, что они вовсе не ушли, а лишь притаились и теперь высматривают что-то, укравшись за деревьями. Карабаш долго стоял возле хлева, не слышно было ни шороха, только скот жевал жвачку. Осторожно ступая, будто боясь нарушить тишину, старик заглянул в коровник. Пеструха замычала, узнав хозяина. По звукам Карабаш определил, что она все еще вылизывает своего теленка. Медленно вернувшись в хибарку, сказал:

— Недолго осталось до света. Надо бы поспать, сынов.

И они забылись в тревожном сне.

Разбудили их незнакомые лающие голоса. На площадке перед фермой стоял большой грузовик защитного цвета. Солдаты в темно-зеленых шинелях, в сапогах с короткими и широкими голенищами сутились в хлебу. Ораза и Карабаша вытолкали из мазанки прикладами. Карабаш приготовился к самому худшему. Он старался высоко держать голову и сохранять достоинство. Вид его показался, видимо, комичным веселым немецким солдатам. Они щутили, говорили ему что-то, смеясь. С громкими криками загоняли скотину в кузов грузовика. Наконец скот был погружен, немцы столпились возле машины. Офицер отдал команду — двое подошли к Озеру и, подталкивая, заставили влезть в

кузов. Машина тронулась. И едва она, тяжело переваливаясь на ухабах, исчезла из виду, силы покинули одряхлевшего разом Карабаша. Он опустился в изнеможении на землю, и сколько времени пролежал он так, не помнил.

Из хлева доносились слабое мычание теленка, но он его слышал как во сне. Наконец, будто очнувшись, он поднял голову. Как пьяный, шатаясь, поднялся и побрел к распахнутым дверям. Видно, немцы не заметили теленка в соломе, и теперь он жалобно мычал, призываая мать. Старик подошел к нему — теленок тянулся розовыми губами и что-то искал своим маленьким ртом. Карабаш сунул ему в рот краешек полы своей старой шубы, и тот усердно зачмокал.

Не раз доводилось Карабашу обманывать телят, когда на руках переносил их с пастбища на ферму. Ни одному живому комочку не дал погибнуть Карабаш, хоть порой и выбивался из сил и промокал до нитки. А что же теперь?.. Телята и коровы, которых думал сохранить старый пастух до лучшей поры, достались врагу. Ферма разорена, скот угнан, сын его уведен неведомо куда. Так до новорожденного ли этого теленка Карабашу? До него ли ему, если жизнь пошла прахом?

Когда ум бессилен, когда чувства оглушены горечью утрат, сердце подсказывает человеку, как быть ему дальше. И вот теперь, разбитый бедами и несчастьями, старик задумчиво сидел и прислушивался к голосу своего сердца. Перед глазами проходили картины всей его долгой жизни. Ничего плохого не сделал он людям, и совесть его в этот печальный час чиста. Прямой была его дорога, как борозда, проведенная верной рукой пахаря...

Старик озабоченно сунул палец в рот теленку: «Рот остывает, похоже, что умрет он». Ему и самому-то есть теперь нечего... Но все-таки Карабаш направился к ближнему дереву — набрать листьев, для теплой подстилки. Он торопливо ломал желтеющие ветки, как вдруг до слуха его донеслось далекое мычание. «Почудилось», — подумал старик. Но вот снова раздался рев, ближе и явственней. Глаза старика заволокло слезой — он узнал голос своей коровы. И вот из кустов показалась Пеструха с обрывком веревки на шее. Как

убежала она от немцев? Карабаш поднес к ней уже вялого теленка, выдавил ему в рот молока, и тут, почувствовав знакомую теплую влагу, теленок начал жадно сосать, причмокивая и захлебываясь. Карабаш обнял Пеструху за шею, и гладил ее, и говорил ей всякие ласковые слова. И слезы неудержимо лились из глаз и скатывались по его седой бороде.

Вечером снова появились те двое. Стариk рассказал им, как сумел, о том, что произошло. Но показалось ему, что чужаков это мало взволновало. Они снова просяли его указать им дорогу к партизанам.

— Вдруг устроят облаву в лесу, тогда мы пропали, — говорили они.

Стариk не знал, что и ответить. Недоверчиво наступившись, глядел он на них, а гости с аппетитом подбирали его скучные запасы.

— Дада! — позвал детский голосок, и послышались близкие шаги.

Карабаш распахнул дверь — перед ним стоял соседский мальчик Гета. Обрадовался Карабаш, очень любил он этого веселого мальчишку, а весной, когда ребят принимали в пионеры, он с особым старанием повязал на груди у Геты красный галстук. Но Гета ушел за старшими в партизанский отряд. Что же привело его на ферму? Терялся в догадках Карабаш.

Увидев незнакомцев, Гета нахмурился. Едва поздоровавшись, сказал Карабашу:

— Меня дедушка послал к тебе, попросить табаку.

Дед Геты давно скончался, ясно было, что мальчик не хочет разговаривать при посторонних.

— Нам пора, — сказал, поднимаясь, старший. — Спасибо за хлеб-соль. Мы еще придем. Узнай, что мы просили.

И незнакомцы ушли.

— Не верь им, дада, — взволнованно зашептал Гета. — Отец сказал, что немцы засылают предателей, чтобы найти след партизан.

— Да и сам я заметил что-то неладное, — отвечал стариk. — Веришь ли, когда ты подходил, они даже не шевельнулись. А вдруг это были бы немцы?

Он рассказал мальчику о том, что случилось.

— Дада! Не надо тебе здесь оставаться! Пойдем от-

сюда немедленно! В лес, к партизанам! Иначе не миновать беды!

— У меня на руках корова с теленком. Сам теленок не дойдет, а я слишком слаб, чтоб его донести. Ну, а бросить их я никак не могу. Иди к отцу, скажи: пусть пришлет кого-нибудь мне на помощь, тогда Карабаш придет в отряд.

Старик отворил дверь, неловко обнял на прощание мальчика. Еще долго чутким пастушьим ухом слышал он торопливые шаги Геты, а ночная мгла поглотила его. Карабаш вернулся в хибарку, закурил трубку и стал готовиться ко сну. Внезапно из лесу донесся выстрел, потом эхо принесло второй и третий. Превозмогая страх, Карабаш выбежал во двор.

Глухо шумел лес, было так темно, словно сама осенняя ночь положила ему на глаза свои холодные черные ладони.

— Гета! — закричал старик. Но шум леса заглушал голос. Никто не ответил.

Тогда он приложил ладони ко рту и снова закричал, громко, как кричат в горах пастухи:

— Ге-та!

Ответа не было.

Утром пришел Ораз. Будто не один день, а долгие годы провел он в жестокой неволе. Синяки и кровоподтеки от побоев, изорванная одежда — видя все это, Карабаш не мог сдержать слез. Мокрой тряпкой обтер он лицо сына, приложил настой из трав.

— Гета убит, — придя в себя, сказал Ораз. — Я сам видел, как его принесли в село.

— Кто принес?

— Кто?! Гости твои дорогие, вот кто! Неужели ты сразу не догадался, что это предатели! Вынюхивают след партизан! Они и немцев навели на ферму! Они и меня допрашивали — посмотри, что они сделали со мной! Надо было сразу убираться в лес. И Гета был бы жив!

Никогда еще не слышал от сына Карабаш таких обидных слов.

— Даже маленький мальчишка понял, что это врачи — потому они и погнались за ним и застрелили.

А ты, седобородый, столько повидавший — и попался на их удочку!

Старик молча кивал — что ж мог он ответить. Сын был кругом прав. Да, он и сам сознавал, что вина в смерти мальчика лежит на нем одном. Много горьких слов сказал отцу Ораз, и тот лишь молча кивал в ответ.

— Надо поджечь ферму и уходить в лес, — остывая, проговорил сын. — Прочь, прочь с этого проклятого места!

Отец хотел что-то сказать, но младший — неслыханное дело! — и рта ему не дал раскрыть.

— Собирайся! Нечего рассуждать, надо трогаться.

— Хорошо, тронемся, — согласился Карабаш. — Надо только забрать с собой Пеструху и теленка.

Ораз готов был и на это возразить, но вовремя спомнился: что же он так непочтительно разговаривает с отцом, такого бы и последний негодяй себе не позволил. Ему стало стыдно за свою грубость. «Не буду перечить. Видно, в этой корове с теленком для отца действительно вся жизнь», — решил он.

— Хорошо. Ты погонишь корову, а теленка я понесу, пока сил хватит, — согласился Ораз.

Ободренный его согласием, Карабаш продолжал:

— И еще. Кто знает, что случится с нами, пока мы будем скрываться в лесах. Не могу я уйти, не глянув на пепелище своего дома. Ты видел — хочу увидеть и я.

Ораз принялся отговаривать отца, но старик был непреклонен. Договорились, что Ораз потихоньку, сберегая силы, понесет теленка вверх по Ореховому ущелью, где должны были стоять сторожевые посты партизан. А Карабаш только дойдет до села, огородами прокрадется, посмотрит на пожарище и тут же повернет назад, нагонять Ораза. Поменялись одеждой. Шатаясь и постанывая, взвалил Ораз теленка на плечи и тронулся к ущелью. А Карабаш быстрым шагом, словно новая кровь влилась в его жилы, направился по тропинке к селу.

Однако, подойдя к окопице, старик не стал красться огородами, он открыто зашагал по главной улице села. На каждом шагу сердце его сжималось от боли. Даже курицы не увидали на опустевших улицах. Люди прятались в домах, засели по подвалам, боясь выгля-

нуть наружу. По обеим сторонам обугленные оставы домов, головешки на месте сараев и плетней, разоренные постройки. Запах гари, горький запах беды, сменил привычный, сладковатый — печеного хлеба, запах жилья. Казалось, страшный мор уничтожил все живое. Карабаш шел прямо к главной площади, где над домом сельсовета развевался ненавистный флаг с паучьим знаком посередине. Редкие немецкие солдаты с любопытством глядели на высокого старика с длинной седой бородой, который, будто не замечая их, проходил по разоренному селению.

Вот и комендатура. Часовой не пустил старика на порог. Карабаш заглянул в окно и отшатнулся. В комнате, среди нескольких солдат и офицеров, он увидел двух своих знакомцев. На этот раз не изодранная одежда была на них, а чистенькие мундиры полицаев. Один из предателей увидел Карабаша. Может, он узнал его, а может, и нет, во всяком случае, подошел к окну и спросил:

— Чего тебе надо, старик?

— Вы ищите партизан, — отвечал Карабаш. — Я пришел сказать, где партизаны.

Полицай обрадовался, тут же крикнул часовому, чтобы он пропустил Карабаша. Старик, не снимая бараньей шапки, вошел в комнату и направился к полицаю. Тот по-немецки что-то объяснял офицерам. «Партизан, партизан», — уловил старик знакомое слово.

— Партизан, да-да, партизан, — повторил он, подойдя поближе, и, выхватив кинжал, ударил предателя в грудь.

И прежде чем пришли в себя опешившие немцы, подскочил ко второму и ему нанес смертельный удар.

— Здесь партизан! — выкрикнул он.

...Окровавленный и связанный, лежал Карабаш во дворе комендатуры. Он знал, что должен умереть. Удивляло, что не убили до сих пор. А не убивали Карабаша, потому что ждали толмача.

Наконец из соседнего селения прибыл толмач, задал несколько вопросов, но Карабаш не сказал ни слова.

— Тебя повесят, — перевел он слова офицера. Карабаш промолчал.

В последний раз шел Карабаш по улицам родного

села. Голенастый офицер, четверо автоматчиков и переводчик сопровождали его к месту казни. А поодаль, молчаливой толпой шли немногочисленные односельчане — немцы выгнали их смотреть казнь врага великого рейха. На окопице солдаты свернули было вниз по склону, но Карабаш уперся на месте и сказал переводчику:

— Передай своим: орел съедает свою добычу на вершине утеса. Только трусливые шакалы расправляются со своими жертвами в темных закоулках. Я хочу, чтобы меня повесили на вершине.

Немецкий офицер с удивлением пожал плечами:

— Ну что ж, ведь вершина отсюда не дальше подножья. Пусть видят его издалека. Урок всякому, кто захочет нам воспротивиться.

Наконец процессия добралась до вершины горы. Один из немцев готовил петлю, перебросив веревку через ветвь узловатого дуба. Земляки Карабаша стояли в стороне, не сводя с него глаз. Старик окинул взглядом родной край. Далеко было видно с вершины. Поднимались к небу вечные горы, роняли лист осенние леса, широкие луга лежали по берегам бурных речушек, а внизу стремительно несся шумный Ираф.

— Переведи им, — снова обратился к переводчику Карабаш, — что когда придет их час расстаться с жизнью, то будет это не в таком прекрасном месте, а где-нибудь в мрачном углу тюремного двора. И еще переведи, что Карабаш смотрит смерти прямо в лицо, и он уходит свободным человеком, уходит с чистой душой, довольный тем, что смог совершить в своей жизни.

И не успел переводчик пересказать эти слова — холодные волны Ирафа сомкнулись над Карабашем... Тело старика прибило к берегу через несколько дней. Односельчане похоронили его на зеленом лугу, неподалеку от дороги.

У осетин есть старый обычай — помянуть покойного, прикоснувшись рукой к его могиле. И все проходившие и проезжавшие по дороге почтят своим долгом поклониться могиле Карабаша. Прошли годы, и дорога сделала крюк — новый путь проходит возле могилы.

Недавно мне довелось проходить той дорогой с друзьями. Мы возвращались летним вечером после охоты. Полная луна светила с неба, по лугам разливалась

тишина. Остановившись у могилы, мы помянули Карабаша и молча зашагали дальше к селу, туда, где призывно светились золотые огоньки. И опять как сейчас видел я его... Стоит Карабаш на вершине скалы, дымит изогнутой трубочкой... А солнце клонится к вечеру, лучи его алыми сполохами играют на снежных вершинах... И, еле слышная, доносится сверху протяжная песня. Поет Карабаш... Виделся он мне то черноголовым ясноглазым юношем, то седобородым пастухом. И образ его сливался с обликом пастуха, которого мы повстречали сегодня на вершине скалы — он стоял, опершись на посох, курил изогнутую трубочку и наблюдал за стадами. Имя этого пастуха Ораз.

Но разве только в нем повторился Карабаш, разве не будет он вечно повторяться в сынах нашего гордого края?

Кузнец, сын кузнеца

Как-то осенним вечером проходил я мимо сельской кузницы. Было уже поздно, и над трубой не вился дымок, не разносился задорный стук молота. Но из маленького окошка кузницы пробивался свет. «Неутомимый этот Сахан Сихаев, никак все не уйдет с работы», — подумал я и решил заглянуть на огонек.

Кузница — как кузница: точильный камень, лохань для закалки железа, кузнецкий мех, горн, наковальня, щипцы, большие и маленькие молотки. Сахан сидел согнувшись на табурете за верстаком. В руках его был узорчатый серебряный браслет. Впервые застал я Сахана за ювелирной работой. В огрубелых и почерневших от металла руках кузнеца браслет казался особенно хрупким и изящным. Поздоровавшись, я присел молча, чтобы не помешать.

Молчал и Сахан, посасывая давно погасшую вишневую трубку. Я пригляделся: работа над браслетом была уже закончена — и какой совершенной была эта работа! Видно, не один вечер просидел над ним мастер, покрывая поверхность затейливым узором. Закончив последний завиток, Сахан прищурил глаз, оценивая сделанное.

Непонятно, что заставило меня сказать слова, которые бы лучше и не говорить:

— Я и не знал, Сахан, что ты по серебру работаешь. Не продашь ли мне этот браслет?

— Он не продажный, — буркнул в ответ Сахан, и в голосе его прозвучала обида. — Браслет я хочу подарить.

— Кому же это ты готовишь такой богатый подарок?

Кузнец поднялся с места, сунул щипцы в горн — но угли уже остывали.

— Дай-ка огоньку, — обратился он ко мне. Я чиркнул спичкой. Взяв ее из моей руки, так что пламя почти касалось пальцев, он раскурил трубку, попыхал, пуская клубы дыма, и наконец ответил — спокойно и так тихо, будто сказал это самому себе:

— Кому подарок? Женщине, конечно. Той, что всех дороже.

Занятый человек много говорить не любит. Сахана Сихаева, несмотря на его молодость, тоже никто бы разговорчивым не назвал. Но в тот вечер, полируя только что сделанный браслет кусочком оленьей кожи, кузнец рассказал мне историю, которую я не могу забыть.

Отец его, Сихай, тоже был кузнецом. Никто во всей округе не мог так, как он, закалить нож или косу. В каждом доме люди пользовались вещами, которые сделали его руки.

Ранним утром он уходил в кузню и работал до темноты. Главное у него в жизни — была его любимая работа. И когда он возвращался из кузницы, обед, приготовленный его женой Мурион, казался ему вкуснее вкусного. Знай себе уплетал за обе щеки да нахваливал свою хозяйку.

Три сына было у кузнеца, Сахан — младший. Сихай любил своих сыновей, но частенько доводилось им слышать от него попреки. Особенно, когда ему казалось, что сыновья ленятся. Горячая кровь была у Сихая, не любил нерасторопных.

— Поворачивайтесь живее, — покрикивал Сихай. — Без труда жизни нет. Солнце не ждет лежебок. Раз уж встал на ноги — берись за дело!

Такие попреки вызывали недовольство жены.

— Что ты к ним придираешься? Пусть погуляют вволю, пока еще молоды, говорила она ему. Они же еще столько воды не выпили, сколько ты выглотал араки и пива! Работа от них не убежит, пусть пока гуляют...

— Работа молодости им не убавит. А твоя жалость может их лишь испортить. Мне ведь они тоже не чу-

жие. Если бы бог сказал: пусть умрет тот, кто не любит своих детей,— никто бы не умер. Разве не так я говорю, жена?

Конечно — Сихай понимал — в защиту сыновей говорило любящее материнское сердце Мурион. Но ему все больше становилось не по душе, что сыновья радовались этому заступничеству. «Смотри, не избалуй мне их, — говорил он жене. — А то вырастут гибкими да хлипкими, и когда в старости нам понадобятся подпорки, опереться будет не на кого».

Запали эти слова в душу Мурион, и решила она проверить, кто прав — муж или она сама. И вот, в один прекрасный день, напекла она вкусные пироги с сыром, сварила самую жирную курицу, но поставила все это на блюде в угол комнаты и накрыла блюдо не белой тряпичкой, а темной и мятой... Сама же легла в постель и застонала, как больная.

Пришел в дом старший сын — он с приятелями ловил рыбу на реке.

— Эй, мать, дай поесть!

— Захворала я, солнышко мое! Взялась с утра за уборку, подмела, а мусор вынести уже сил не хватило. Нехорошо, что лежит он в углу. Вынес бы ты его, сын мой!

— Не мужское это дело — мусор выносить. Пойду я у соседей чего-нибудь поесть попрошу, раз ты меня накормить не можешь.

Средний сын вернулся из лесу, где он бродил с ребятишками.

— Ух, как я проголодался! Покорми меня!

— Да я, радость моя, еще и не бралась готовить. С утра мне неможется, даже мусор вынести из дому не могла. Сделай это за меня!

— Ничего, отдохнешь — сама вынесешь. А пока пусть лежит.

Вот пришел младший, любимый сын Мурион — Сахан. Но и он не побеспокоился о здоровье матери. Еще и обиделся:

— Что же, ты будешь лежать, а мне весь день оставаться голодным?

— Потерпи, светик мой ясный! Видишь, я приболела... Помоги мне, вынеси мусор — а то вдруг гость придет, неудобно будет.

— Да ну, кто еще к нам придет? — пробурчал младший сын, повернулся и пошел прочь.

Потрясенная равнодушием сыновей, Мурион так и осталась в постели, почувствовав себя больной уже по-настоящему. Как вдруг послышались тяжелые шаги — вошел муж. Хотела было она подняться, накормить хозяина дома — а Сихай, как увидел, что жена лежит, поспешил к постели, приложил к ее лбу натруженную руку.

— Что с тобой, свет моих очей? Что болит у тебя, Мурион?

— Сердце, сердце у меня болит. Встать не могу, даже мусор не вынесла... Но сейчас мне полегчало, я поднимусь...

— И не думай, жена, лежи, пожалуйста! Я сам мусор вынесу!

— Осторожно, осторожно, не рассыпь!

Кузнец наклонился и взял блюдо, в нос ударили приятный запах пирогов и курицы. Он обернулся к жене с превеликим удивлением. А она, сразу почувствовав себя лучше, вскочила с постели, обняла мужа, украдкой утерла слезы.

— Теперь-то я знаю, что ты был прав, когда приучал сыновей к труду. А я только портила их своими глупыми ласками.

...Сахан закончил свой рассказ, снял прожженный холщовый фартук и, завернув браслет в белую тряпичку, опустил его в карман штанов.

— Наверное, после этого вас только отец и учил, а мать ему ни в чем не перечила, — сказал я.

Сахан отвернулся, задумчиво покачал головой; голос его прозвучал глухо.

— Отец нас научил-таки любить труд. Слишком рано ушел он из жизни, однако умер спокойным за нас. Но самый главный урок жизни преподала нам мать, и я запомнил его накрепко. Любить надо близких своих, жалеть их и заботиться.

Сахан снова обернулся ко мне.

— Знаешь что, друг, сегодня у меня особый день — годовщина со дня смерти отца. И в этот же день исполняется двадцать пять лет со дня их с матерью свадьбы. Был бы жив отец — справили бы их серебряную свадьбу, но все равно — мать обязательно приго-

товорит что-нибудь особенное — уж я ее знаю... Пойдем к нам — гостем будешь!

Тогда понял я, для кого трудился над браслетом Сахан Сихаев, кузнец, сын кузнеца.

И это уже совсем другой рассказ, как вскоре праздновали мы всем селом свадьбу самого Сахана и как Мурион подарила этот изготовленный для нее сыном браслет своей невестке.

Кала и Кабо

В осетинских селах не принято справлять дни рождения, тем более у стариков. Люди всю жизнь прожили бок о бок, каждый знает, кто старше его, кто младше и кому по заслугам надлежит первым говорить и поднимать бокал на празднике. Стоит ли считать дни, когда жизнь измеряется годами и десятилетиями, стоит ли каждый раз напоминать человеку, что он еще на год стал старше? Нет, это не повод для застолья.

Но случилось так, что кто-то в правлении колхоза, разбирая старые бумаги, обнаружил, что в первый день весны старому Кабо исполнится ровно семьдесят пять лет. И, конечно, сказал об этом нашему председателю Касбулату. Тот обрадовался: устроим, говорит, праздник на весь колхоз! Еще бы, красный партизан, бывший фронтовик, ветеран колхоза — как же не отметить такого человека!

Первым, к кому обратился председатель Касбулат за помощью, был Кала — старинный друг Кабо. Всю жизнь прожили они с Кала бок о бок. Как неразлучные братья, прошли через все испытания судьбы, и если в селе говорили о дружбе, то в пример всегда приводили Кала и Кабо. Хотя и внешне и по характеру худой, длинноногий Кала — полная противоположность плотному, приземистому Кабо.

Кала был человеком широкой натуры, и эта широта натуры сказывалась даже тогда, когда Кала произносил тост. Если, допустим, он говорил баркад¹, то начинал так: «Ну, Кабо, да здравствуют те, кто строит новую жизнь! Пусть в нашей советской стране будет

¹ Баркад — тост за изобилие.

всего столько, сколько нужно всему народу! Чтобы в каждой республике, в каждом городе, в каждом районе, в каждом селе, в каждом доме, и в этом доме тоже, рог с вином всегда был полным и чтобы люди пили из него на веселых праздниках!»

А Кабо свой тост всегда начинал с того, чем кончал Кала, и заканчивал тем, с чего друг его начал.

«А я так скажу, — говорил Кабо, — кто нас с тобой, Кала, не любит и завидует нашей дружбе, пусть не увидит счастья, умрет в муках и провалится в ад! Ты сказал про изобилие, так пусть оно будет в этом доме, а когда выйдешь из него — у соседей, а выйдешь от них — во всем селе, потом в нашем районе, потом во всей республике».

При этом Кала улыбался и, подмигивая другу, говорил:

— Ничего ты не понимаешь, Кала. Государство — это же и мы с тобой.

Несмотря на эти различия, жизнь одного, как в зеркале, повторяла жизнь другого.

Дружба их началась еще в ту пору, когда они вместе играли в альчики, не давая друг друга в обиду. Когда же вошли в возраст, согласно обычаяу, бросили серебряную монету в стакан араки и выпили его вдвое. С тех пор они стали побратимами. Вместе думали о будущем, мечтали о счастье, вместе вздыхали: счастье дает человеку земля, а земли у обоих не было. Небо над их ущельем — не больше бычьей шкуры, горы теснились вокруг. Пахотной земли и лугов обоим не досталось, и ждала их жизнь батраков — лить пот на чужих полях, на чужих сенокосах, пасти чужой скот. Друзья было сговорились отправиться в дальние края на поиски счастья. Но не в чужом краю, а в родном — пришло оно к ним вместе с вестью о революции. Но только расправили горцы плечи, только вздохнули свободно, как тревога облетела аулы: белые банды рвутся к горам, хотят повернуть жизнь вспять. Кала взял ружье и позвал соседа:

— Настал час, Кабо, жить или умереть. Идешь со мной к партизанам, помогать Красной Армии?

— Жить или умереть! — воскликнул Кабо. — Тот, кто не борется за свое счастье, не достоин называться мужчиной!

Взяли отцовские кремневки, распрошались с семьями и, не зная устали, насмерть бились с белыми бандитами. И враг был побежден. Привольно потекла жизнь в их родном селении. Кала и Кабо построили просторные дома бок о бок — хорошо быть в дружбе с соседом, но еще лучше жить в соседстве с другом. Отпраздновали свадьбы, детский смех зазвучал под их кровлями. А тут пришла весть о невиданной колхозной жизни.

— Как нам быть, Кала? — спросил Кабо. — Идем в колхоз или нет? Насильно никого не гонят, только боячей не пускают.

— Эх, Кабо, солнце мое, и как у тебя повернулся язык спросить такое? Ведь колхозы строит Советская власть. Неужели мы с тобой пойдем против той власти, которая освободила нас от кровопийц-алдаров и царя? Неужели мы сами откажемся от того, что завоевали в смертельной борьбе? Тут и разговора быть не может — идем записываться в колхоз! — твердо сказал Кала.

Быстро летит время в мирные дни. И словно замирает в годины бедствий. В тот злопамятный июньский день было тихо на аульной площади, хотя собрался весь аул от мала до велика. Слушали черную весть, молчали. А потом тихо разошлись по домам. Каждый мужчина должен был остаться наедине с собою, чтобы решить, как поступить в этот грозный час. И когда Кабо задумавшись сидел у потухшего очага — в дверь постучали, вошел Кала.

— От грустных мыслей только шея гнется, — сказал он другу. — Слово мужчины — это его дело. Собирайся, идем записываться добровольцами на фронт.

По-братски разделили Кала и Кабо и беды отступления, и тяжесть боев, и боль от ран, и радость победы. Отмеченные шрамами и орденами, вернулись друзья в родной колхоз и сразу взялись за дело — ведь нет конца крестьянской работе.

Обо всем этом, о жизненных радостях и невзгодах, о дружбе, которая множила радости и делила невзгоды, говорили приглашенные на торжество. Сам председатель колхоза Касбулат пожелал имениннику, чтобы всегда был полным рог в его доме, чтобы радость не покидала его стен. А когда веселье было в разгаре, когда красное вино и черное пиво словно смыли налет годов с души, поднялся с бокалом в руке Кала.

— Дорогой мой друг, — сказал он. — Семьдесят пять лет — срок немалый. Пролетело детство, прошла юность, миновали годы зрелости. Жизнь клонится к закату. И это печально. Но взгляни вокруг себя — насколько краше стало жить людям за эти годы! Мы трудимся на своей земле, в домах наших — достаток и веселье, дети выросли и работают с нами бок о бок, внуки радуют нас. За время нашей жизни неизвестно изменился весь наш край, вся наша страна. И мы с тобой, дорогой Кабо, были не наблюдателями, но, я бы сказал, творцами этих перемен. И теперь мы видим — кровь наша и пот пролиты не даром. Жизнь прожита хорошо, нам есть что вспомнить и есть чем гордиться!

Гости дружно поддержали Кала. Хороший тост он сказал, и тут бы ему остановиться, осушить бокал до дна и сесть. Но, видно, самому ему показались слишком торжественными эти слова, и решил он закончить шуткой.

— Бок о бок прошли мы с тобой по жизни Кабо. И вот сегодня вспомнилось мне, что мой-то праздник, мое семидесятипятилетие, еще впереди. Да, друг мой Кабо, ты старше меня на полгода. А на сколько дел звал тебя твой младший за долгие эти годы! И страшно мне становится, не почитал я старшинства. Ведь по обычаю я, как младший, не должен был с тобой первым заговаривать, должен молча ждать, пока ты сам ко мне обратишься. А я — видишь, какой был нетерпеливый... Может быть, благодаря моему нетерпению ты и сидишь сейчас на почетном месте, окруженный уважением и славой!

Посмеялись гости — надо же, в его-то годы взялся Кала считать месяцы, вспоминать обычаи, ушедшие в прошлое. Но вышло так, что запали эти слова в душу Кабо, крепко он их запомнил и закручинился, затаил обиду на друга. «Неужто я и впрямь без его подсказки не пошел бы биться за Советы, не вступил бы в колхоз? — досадовал Кабо. — Надо же ему было так меня опозорить перед всем народом!»

На следующий день после праздника созвал председатель Касбулат на собрание старых колхозников. «Сами видите, — сказал он, — какой почет оказываем мы старикам. Но негоже вам, дорогие, сидеть по домам, палочки строгать. Есть у вас и силы, и знания, и лю-

бовь к земле. А потому возьмитесь да и соберите бригаду стариков, поработайте еще для родного колхоза. Труд, конечно, определим вам посильный, но надо думать, вы еще покажете кое-кому из молодых, как надо работать». И первым поддержал председателя Кала:

— Правильно сказал Касбулат, мы, старики, еще можем потягаться с молодыми. Конечно, силы уже не те, зато больше опыта и умения больше. А умелый человек воткнет в землю посох — и он у него деревом станет. Земля наша такая — она на заботу добром отвечает. Так что будь уверен, председатель, урожай соберем не меньше других. Верно я говорю, Кабо?

Горько стало Кабо — снова за него все решает этот Кала. И Кабо, кипя весь в душе, сказал:

— Нет, неверно, Кала. Не к лицу пожилому человеку пускаться наперегонки с юнцами. У нас у всех есть сыновья и дочери, внуки подрастают. Мы отдали им все силы сердца, чтобы они в старости позаботились о нас, заменили нас с тобой. Такой порядок заведен самой жизнью. Неужели тебе не стыдно, Кала, тягаться со своими детьми? Или ты на старости лет за славой погнался?

Глубоко вздохнул Кала.

— Не таких слов ожидал я от тебя, друг. В чем ты меня упрекаешь? Разве труд позорит? Земля сама зовет, тоскует она без рук человека. Да и человеку тяжело без настоящего дела. Вот увидишь, мы добьемся своего.

— Выдумки это! — разгорячившись, выкрикнул Кабо. — Из снега башню строите! Ничего у вас не получится!

— Ну смотри, Кабо, — укоризненно покачал головой Кала. — Мы не на тебя надеемся, не за тебя слово даем.

Вот так оно и случилось — будто черная туча прошла меж домами Кала и Кабо. В прежнее время у них, как говорится, было два очага, а стол один. Забежит, бывало, Кабо к Кала: приходи, мол, ко мне ужинать, а то дети уехали на сенокос, а в одиночку и кусок в горло не лезет. Или Кала заглянет к другу, принесет домашнего вина — вместе и разопьют. Теперь же Кабо не только сам за версту обходит дом Кала, но и жене своей Госаде запретил там показываться:

— Не ходи к ним, ничего не носи и не проси. От таких людей надо быть подальше — им слава дороже дружбы. Только теперь открылись мои глаза, сгори его дом со всеми мышами!

— Ты что, сдурел на старости лет? — упрекала мужа Госада. — Столько лет дружили, и вот на тебе — врозь разошлись. Вижу я, что ты сам во всем виноват. Такой уж ты человек: любишь, чтобы тебя на руках носили, молились на тебя. А теперь другие времена пошли — люди даже богу перестали молиться...

Тогда, на празднике, подарил Кала имениннику ягненка. И выдумал теперь старик себе занятие — возился с ним, как с младенцем, а как только проросла трава, стал выводить пастьись. Поначалу он уходил с ягненком подальше от села. «Отдохнуть от шума, от суеты людской», — объяснял он жене. А та догадывалась — стыдно ее мужу бездельничать на глазах у своих однолеток.

Вставал он, по старицкой привычке, с рассветом, наскоро завтракал, будто ждала его гора дел, и выводил своего ягненка. А тут каждый раз, как нарочно, проходит мимо Кала, направляется на участок. Сутулится, землю чуть шляпой не задевает, но шагает споро. Слышал Кабо, как смеялись ребятишки:

— Эй, Кала, мы уже раньше на этой дороге искали — но ничего не нашли.

А Кала совсем не рассердился и ответил им, смеясь:

— Вот вырастете, тогда большое счастье найдете на этой дороге. А пока что глаза ваши еще плохо видят.

«Вот так звеневой, — злорадствовал Кабо, — с мальчишками перешучивается! Будто и впрямь они его ровесники».

А жизнь тем временем бежала своим чередом. Кончился март. Теплые ветры слизали с земли остатки снега. Зазеленели поля. Кала проводил теперь в поле все дни от восхода до заката. Издалека глядел Кабо, как размеренно, не торопясь, но и не мешкая, идут старики вдоль молодых всходов. Так увлечены работой, что и слова никто не проронит. Только иногда Кала, видать, не удержится, отпустит какую-нибудь шутку — тогда с поля доносится громкий смех. Слышит этот смех Кабо — и каждый раз ему кажется, что глотает он холодный камень.

Иногда в сумерках, когда старики уходили домой, Кабо, как вор, пробирался на поле. Он дивился на высокие темно-зеленые стебли кукурузы, торчавшие как копья, осторожно щупал завязи початков. Было ясно — урожай можно ждать хороший. Медленно, словно отсчитывая шаги, возвращался Кабо в село. Эх, если бы Кала попросил у него прощения да пригласил в звено, вот тогда бы показал Кабо, как надо работать... Да только за что же должен просить прощения Кала?..

Однажды в дом Кала прибежала Госада, пошушкалась с женой Кала Залихан, потом позвала самого хозяина.

— Помоги ради бога, хозяин мой сам не свой. Есть ничего не хочет, с детьми ругается, ходит все время хмурый.

— Так чем я тебе могу помочь? Ведь я не доктор!

— Известно чем! Это он после того собрания... Не спит ночами, все охает да стонет. А днем места себе не находит, все ему не по нраву.

— Ай-ай-ай, — вмешалась Залихан. — А еще мужчинами называетесь! Жизнь вместе прожили, а теперь и поговорить по душам не можете? Сколько раз оба твердили, что, мол, только по вине жен может рухнуть ваше согласие. А на деле сами рассорились по пустякам, как женщины у источника. Мы, что ли, виноваты в вашей ссоре? Мы с Госадой душа в душу живем, вот, погляди.

И Залихан обняла Госаду. Кала в смущении развел руками:

— Но я же ни в чем не виноват...

Но Госада не дала ему даже договорить:

— Ты только о кукурузе своей думаешь, а о человеке забыл. Тебе урожай дороже здоровья друга. Расхвастался тогда за столом: я, мол, моложе да поумнее буду! Раз ты умнее, так и придумай, как вам помириться!

Никогда Кала за всю свою жизнь ни от кого не слышал подобных слов и решительно направился к соседу.

— Ты дома, Кабо? — крикнул он. Но ответа не последовало. — Нет его, что ли? — спросил он у женщин.

— Наверное, опять ушел со своим ягненком на луг, — ответила Госада.

— Не горюй, Госада. Я с ним обязательно сегодня поговорю, — сказал Кала и пошел на свой участок.

Неподалеку, на опушке, он увидел Кабо, обламывающего ветки кустарника для ягненка. Кала зашагал прямо к соседу. Увидев его, Кабо отвернулся. Кала подошел к ягненку, взял его за холку и потащил прочь. Ягненок жалобно заблеял.

— Эй, стой, — раздалось за спиной Кала. — Ты куда его потащил?

Кала отпустил ягненка и обернулся.

— Если ты, почтенный Кабо, спрашиваешь меня, то я, как младший по возрасту, конечно, тебе отвечу. Веду я ягненка к своему семилетнему внуку, пусть он впредь его пасет.

— Постой, постой, как же это так?

— А вот так, досточтимый Кабо. А у тебя, раз уж вышел у нас разговор, я хотел бы, как младший по возрасту, попросить совета.

Кала поднял комок земли из борозды и показал Кабо.

— Как ты думаешь, глубокоуважаемый Кабо, не слишком ли суха земля?

Кабо сжал комок, и между пальцев посыпалась белесая пыль.

— Да, земля сухая. Я уж третьего дня видел — трескаться начала. А дождей все нет и нет. Если так дело пойдет, засохнет кукуруза.

— Что же ты посоветуешь, мудрейший Кабо? — проговорил Кала все так же с почтением. Кабо не мог понять, шутит тот над ним или всерьез спрашивает совета.

— Тут долго думать нечего — надо рыть канаву, подводить воду от реки.

— Это и мне приходило в голову, проницательный Кабо. Да только вот какая загвоздка — боюсь, сил у нас не хватит, в звене-то ведь у меня старички, люди почтенные, им за молодежью не у gnаться. А в колхозе сейчас горячая пора, каждый человек на счету, подмоги просить не у кого. Не знаешь ли ты, всеведущий Кабо, где бы мне взять хотя бы еще пару рук в помощь?

— Где взять? А я что — тебе не подхожу?

— Подходишь, еще как подходишь, дружище! Я давным-давно хотел тебя попросить, чтоб ты шел в

наше звено, да ты все со мной не заговариваешь, а мне, как младшему по возрасту, не к лицу заводить беседу...

На следующий день Кабо был уже на поле. Он работал за двоих, лопата словно намертво срослась с его узловатыми руками. Остальные старики старались не отставать от Кабо, тем более что солнце подгоняло их: палило нещадно, и кончики листьев кукурузы уже начинали желтеть. Распрямили старики спины только тогда, когда вода хлынула на поле.

И, раз мы уже рассказали о тосте, который на юбилее друга произнес Кала, скажем еще о тосте Кабо на празднике урожая.

— Птица без крыльев не птица. Так и человек — не человек без друзей и близких. Они отогреют его в час невзгоды и помогут взлететь над горестями и неурядицами. А одинокий человек — он и самому себе не нужен. — Кабо высоко поднял бокал с молодым вином. — Я хочу, чтобы все мы выпили за дружбу, которая помогает человеку и в труде, и в беде. Выпили и закусили шашлыком из того ягненка, которого подарил мне весною Кала. И был я не умнее этого ягненка, когда решил на старости лет жить один, без друга, без общего дела. Спасибо тебе, Кала, что ты помог мне одолеть этот старческий недуг. — Тут он хитро улыбнулся и добавил: — И вот еще что, почтенный. Я нарочно узнавал в правлении и вот что выяснил. Послезавтра нашему уважаемому звеньевому исполняется ровно семьдесят пять лет. Поздравляю тебя, дорогой Кала, и помни, что с послезавтрашнего дня и на полгода — ты мой ровесник!

Серебряная уздечка

Осень в горах — золотая, с нежгучим ласковым солнцем и ярким ночным небом, то и дело, будто серебряными монетами, осыпающим землю звездным дождем.

Дни все короче, но людям не до грусти об увядющем золоте осени. И свое счастье они уже давно ожидают не с неба, не вымаливают ни у кого. Хотя дни сейчас и на самом деле золотые: такой в этом году богатый убирают они урожай. Торопятся всюду: на токах заканчивают молотьбу пшеницы, ячменя и гороха, с лугов связывают душистое сено, перегоняют тучные отары овец.

Он, Ахсар, видит: дел в колхозе столько, что взрослым не до ребят, — даже не во всех домах успевают приготовить обед. А если кто и успеет — разве докличешься мальчишке? Почуяв волю, радуясь последним, перед занятиями в школе, дням, ребята ошалело носятся ватагами, выдумывая все новые игры.

И вместе со всеми бегает по аулу, кричит и звонко смеется «Маленький Ахсар» — так его называют даже девчонки. Хотя Ахсар вовсе не маленький — на днях переступит порог уже третьего класса. Разве что ростом он поменьше сверстников, но совсем на чуточку... Зато верхом ездит он получше других школьных джигитов. Еще бы! Обучал его старший брат, Моше. Моше — зоотехник колхоза, у него самый лучший в колхозе конь, потому что быстрее всех надо ему объехать все стада и отары. А еще у Моше есть самая красивая уздечка, ее по заказу колхоза сделал искусный мастер — уздечка серебряная и такая звонкая и блестящая! Правление

колхоза подарило Мосе эту уздечку за хорошую работу, и теперь он вешает ее на стене, рядом с кинжалом покойного отца — самым дорогим, что есть в их доме.

Два года назад отец оступился в расщелину, его нашли уже мертвым. С тех пор мать отпускает «Маленького Ахсара» в горы только со взрослыми. Стоит их ребячье ватаге направиться из аула к реке или в лес, как она тут же поднимается на плоскую крышу сакли и кричит так, будто он бежит прямо к той самой расщелине...

Вот и сегодня, задержанный ее криком, Ахсар еще долго с завистью смотрел вслед своим товарищам, весело опылившим уже в самом конце улицы. День, такой звонкий и радостный и уже было устремившийся к вечеру, теперь словно остановился... Ахсар поплелся обратно.

Как вдруг он увидел, что с другого конца улицы едет Мосе. Ахсар прибавил шагу, но Мосе его опередил. Когда он вошел во двор, старший брат уже спешился и снял седло, оставив на лошади только потник.

— Ну и устал же я за день, — сказал он матери, спешившей из дома с кувшином воды. Потом посмотрел на Ахсара, улыбнулся ему и еще сказал: — Нана, что, если Ахсар отгонит коня на пастбище, пустит его в табун. Мне сейчас на собрание, а утром рано — снова к отарам... А я очень устал.

Ахсар едва не подпрыгнул от радости. Поняв молчание матери как согласие, мигом вскочил он на коня и понесся по улицам, словно заправский джигит, понукая коня.

Когда он отпустил коня в табун, возвращаться домой не хотелось. Поблизости на приволье играли в альчики его товарищи.

Ахсар присоединился к ним.

Допоздна играл он с приятелями, в сумерках вернулись они в село. Наскоро проглотив ужин, Ахсар юркнул в кровать.

Время шло к полуночи, но неугомонная Хуре не ложилась. Она поджидала старшего сына, задержавшегося на собрании, а чтобы скратить время, затянула на ночь стряпню. Завтра, отправляясь на дальние пастби-

ща, увезет Моце пироги со свежим сыром. Пусть они напоминают ему о доме.

Придя с собрания, Моце спросил:

— Нана, Ахсар вернулся?

— Только что поел. Так устал, бедняга, что сразу же заснул.

Но Ахсар уже не спал — очнулся от скрипа входной двери. Лежал неподвижно, закрыв глаза. Открыл он их только один раз: увидел, как одиноко висит на стене отцовский кинжал, и теперь закрывал их все сильнее, будто желая укрыться от холодящей тревоги: уздечку с пастбища он не принес.

Мать и старший брат поужинали и улеглись. В доме стало тихо. Даже собаки в селении присмирили. Только доносилось дремотное бормотание реки, протекавшей неподалеку, да иной раз ветер, пролетая мимо, шуршал сухой травой на сеновалах.

Спать бы сейчас и спать! Но Ахсар заснуть не мог. Сердце его сжималось от досады. Как же могло такое случиться? Ахсар вспомнил, как, доскакав до табуна, спрыгнул с коня и снял серебряную уздечку. Чтоб не потерять, обмотал ее вокруг пояса. Серебряные бляшки и язычки мелодично позвякивали. А потом? Потом он стал играть с ребятами, и чтобы уздечка не мешала, он ее и положил рядом с большим черным камнем. Ну и, конечно же, забыл о ней.

«Сейчас, ночью, ее, конечно, никто не тронет. А вдруг утром кто-нибудь увидит, позарится на нее? Что тогда?»

Ахсар повернулся на другой бок. О сне не было и речи. Тут вспомнил он, как табунщик рассказывал ребятам, что на пастбище часто забегают лисицы, ловят полевых мышей. Долго ли им утащить уздечку — ремень изгрызут, а серебряная оправа рассыпется сама собой.

От волнения Ахсар сжал кулаки. «Надо идти на пастбище немедленно!»

Никогда раньше не выходил Ахсар ночью на улицу. Но сейчас он не мог дождаться рассвета. Надо спешить на пастбище, разыскать уздечку и принести ее домой!

Мальчик осторожно слез с кровати и на ощупь оделся. На беленой стене темнел отцовский кинжал. Не раз-

думывая, Ахсар снял его и прикрепил к поясу. Теперь можно идти...

Темно на улице, но все же светлее, чем в доме. И немного холоднее. Он постоял на пороге, оглядываясь по сторонам. После теплой постели Ахсару казалось, что ночной холодок пробирает его до костей. Он зябко передернул плечами.

Над склоном горы показалось бледное сияние. «Скоро взойдет луна, будет светлее», — приободрил себя Ахсар. За аулом, там, где дорога спускалась к ущелью, белесым облаком поднимался туман. Ахсар оглянулся... Аул будто вымер, ни одного огня. И петухи спали на насестах — не пришла еще пора для их ночной переклички. Налаявшись за день, дремали возле домов собаки. Вот если бы разбудить Кесора...

— Кесор, Кесор! На-на-на! — позвал Ахсар. Кесор — большая кавказская овчарка. Ни одна собака в селении не смогла бы победить ее в драке. Кесор частенько бегал и играл с Ахсаром. Куда же он запропастился? Где же он?

— Кесор!

Пес не показывался. Спит, наверное, и не слышит Ахсара. Ну ничего, ему и одному не страшно! Мальчик ступил за ограду и тут же отшатнулся. Сбоку зашевелился кто-то черный и длинный. Сердце, казалось, подступило к самому горлу. Ахсар замер на мгновение — но тут же успокоился. Ничего себе, мужчина! Тени собственной испугался. Зря, видно, назвали его «Ахсаром» — бесстрашным. Чтобы приободрить себя, мальчик начал вполголоса напевать песню об отважных героях — нартах. Они бесстрашно встречали опасность и побеждали всех врагов, а трусы погибали с позором. Нет, он не трус.

Мальчик решительно зашагал вперед. Он достал из ножен кинжал отца. Лезвие светлело в темноте. И будто отгоняло страх. Ахсар шел по дороге к пастбищу. Дорога была избита овечьими копытами, и один раз он даже упал, споткнувшись. Но поднялся спокойно и продолжал рассуждать: «Ясно, что волков поблизости нет. Иначе собаки в селе давно бы подняли лай. И дурного человека я не могу встретить. Что ему делать в такой поздний час? Так что мне вовсе некого бояться. Я уже не маленький — вон какая длинная тень тянет-

ся от меня к обочине. Иду по своему делу, как настоящий мужчина, не прошу ничьей подмоги. Хотя жалко, что Кесор не пошел со мной».

— Кесор, Кесор, на-на-на! — снова позвал он, верно для того, чтобы просто услышать свой голос. Несколько собак в селении отзывались громким лаем. И снова повисла тишина.

«Ничего, я и один справлюсь. Храбрый человек и в сдиночку храбрый, это трусу нужна поддержка, чтобы не показать свою трусость. Будто так уж надо мне кричать и свистеть! Настоящий мужчина давно бы уже дошел до пастбища, нашел уздечку и назад воротился, а я все еще ползу как улитка. А ну-ка, смелее, вперед!» — И, взмахнув кинжалом, он зашагал дальше. Позади остались гумно и огороды. В лунном свете дорога была видна хорошо, и Ахсар шел уверенно.

Но как ни спешил, туман опередил его. Поднимаясь из ущелья, влажным покрывалом окутал и пашни, и луга, и пастбища.

Ахсару показалось, что он попал в молоко. И какое холодное было это молоко!

• Да, попробуй теперь найди тот высокий черный камень! Ахсар спрятал кинжал в ножны, вытянул руки перед собой и как слепой пошел на ощупь. Вскоре он потерял направление. Куда идти? То ли он удаляется от селения, то ли свернул обратно. А может, несут его ноги в сторону, туда, где ровное пастбище вдруг обрывается крутым откосом. Вспомнил Ахсар, что по дальнему краю поляны тянутся заросли дикой смородины. Вчера, когда они играли на пастбище, вдоволь наелись сладкой ягоды. Но что, если ночью в ягодник забрел полакомиться медведь? Мальчик замер, прислушался. Ни звука. В какую сторону идти? Направо? Налево? Ахсар теперь стал продвигаться вперед еще медленнее, шурша по холодной траве. Вот большой камень — но, кажется, тот черный был выше. Вот несколько плоских камешков — не ими ли швырялись сегодня ребята.

Эх, если бы сквозь туман показалась луна, он бы давно нашел свою серебряную уздечку. Мальчик опустился на колени и теперь ползал по земле, ощупывая каждый бугорок. Все время ему казалось, что заветный камень где-то поблизости, что пальцы его вот-вот кос-

нутся уздечки, она радостно зазвенит в холодной темноте.

Время шло медленно, минуты тянулись как часы. Иногда ему казалось, что он незаметно для себя забрел куда-то далеко-далеко и никогда уже не вернется домой.

Постепенно туман редел. Бледный диск луны все яснее прорисовывался в небе. Становилось светлее. Ахсар выпрямился и огляделся по сторонам. Надо же! В десяти шагах от него — тот самый камень.

Мальчик подбежал и стал судорожно ощупывать землю вокруг. Есть! Он так закричал, что сам испугался своего голоса:

— Уздачка!

И тут же замер — за спиной слышалось чье-то прерывистое дыхание. Пересилив страх, Ахсар, оглянулся.

— Кесор!

Вот радость! Мальчик обнял собаку.

— Ах ты, Кесор, Кесор! Все-то думали, что ты храбрец, а ты побоялся выйти из села в туманную ночь! Ну ничего, не тот настоящий мужчина, кто ничего не боится, а тот, кто сумеет побороть свой страх. Ведь ты все-таки пошел меня искать! Я и сам, по секрету тебе признаюсь, немного испугался. Но теперь, когда мы вдвоем, мы ничего не боимся! Правда, Кесор? Ничего не боимся!

Последние слова он громко выкрикнул, и ночное эхо издалека ответило ему: «Ничего!.. Не боимся...»

В ответ Кесор негромко залаял, словно звал мальчика домой.

— Пойдем, пойдем, — согласился Ахсар.

Небо над селением уже совсем прояснилось, ясноглазые звезды перемигивались в вышине. Безмятежно сияла луна, похожая на большое серебристое колесо.

Ахсар шел с гордо поднятой головой, в руке его позякивали серебряные бляшки.

— Это, Кесор, не простая уздечка, — объяснил он, покровительственно поглаживая мохнатую голову своего четвероногого друга. — Это награда брату за хорошую работу. Он зоотехник, лечит животных. Сколько коров, овец и лошадей вылечил, столько бляшек на уздечке.

Хотя нет, гораздо больше. Я, когда подрасту немного, тоже стану зоотехником, тоже буду лечить животных. Если ты заболеешь, Кесор, я тебя обязательно вылечу...

В селении все спали. Ахсар на цыпочках вошел в дом, повесил на гвоздь рядом с кинжалом уздечку и счастливо вздохнул. Никто не узнает, что уздечка была потеряна и найдена вновь. Утром Мосе снимет ее и выйдет к своему коню.

Но до утра было еще далеко. Ахсар залез под одеяло, свернулся клубочком и сразу встретился с хорошим, веселым сном.

Каждый раз, бывая по служебным делам в Москве, Алибек раздумывал: возвращаться ему домой поездом или самолетом? Самолетом быстрее и как-то современнее. С другой стороны, поездом вроде бы спокойнее, да и не очень-то хорошо переносил Алибек эти воздушные перелеты.

На этот раз в пользу самолета был главный довод: он прилетал в Орджоникидзе в субботу вечером, и впереди было целое воскресенье, которое можно провести с женой и внуком. Алибек взял билет на самолет — и прогадал.

Рейс откладывался с часу на час, и пришлось ему весь вечер и полночи провести на жесткой скамье в душном здании аэровокзала, то засыпая, то вздрагивая от рева взлетавших и опускавшихся самолетов. А потом, в полете, так его растрясло, что пришлось Алибеку собрать в комок всю свою волю и мужское достоинство, чтобы не воспользоваться серо-зеленым бумажным пакетом.

Побледневший, осунувшийся, добрался он наконец до дома в середине дня — и никого не застал.

Он поставил чемодан в передней, снял пиджак, скинул тесные туфли, прошел в комнату. Все сияло чистотой, видно, что жена генерально убрались к его приезду. На застланном свежей скатертью столе лежала записка:

«Милый! Не знаю, когда ты приедешь. Без нас ничего не ешь. Мы с Борисом пошли на республиканский смотр художественной самодеятельности».

Алибек с недоумением перевернул бумажку — на

обороте ничего не было. «С каким таким Борисом?» — спросил сам себя Алибек. Он прошел на кухню — все было готово к праздничному обеду, красиво разложено и накрыто тарелками. Алибек рассеянно отщипнул кусочек пышного, еще теплого пирога, потом, вспомнив слова жены, смущенно огляделся, вышел прочь, подальше от соблазна. Он открыл дверь в спальню — и остановился на пороге. На вешалке висела огромная черная бурка, мохнатая папаха взгромоздилась на шифоньер. На стуле лежал богато украшенный кинжал в ножнах и продолговатый кожаный футляр на ремешке.

«Вот как! У нас, оказывается, гость! Да не простой, а с кинжалом!» Алибек удивленно покачал головой. Он подошел к окну, распахнул створки. Свежий весенний воздух ворвался в комнату. Алибек потянулся, вздохнул всей грудью. Потер опухшие веки — все-таки он здорово устал! «То ли переодеваясь с дороги, то ли оставаться в городском костюме. То ли прилечь отдохнуть, то ли дождаться возвращения своих. Вот незадача...» Он снова глянул на бурку и папаху — и улыбнулся. Сколько раз доводилось ему слышать в шуточных песнях про незадачливого мужа, вернувшегося из поездки и обнаружившего чужого скакуна в конюшне, бурку на вешалке и усатую голову на жениной подушке, и в анекдотах, которыми потчевали его приятели: «Возвращается один командированный к себе домой, открывает дверь...» Да, сколько раз ему приходилось слышать про такое... А теперь, когда на старости лет въяве столкнулся, в душе его, конечно, нет ни ревности, ни злости, а только любопытство да досада на негаданное неудобство!

Прозвенел телефонный звонок. Продолжая улыбаться, Алибек снял трубку — раздался тонкий голосок:

— Дедушка, дедушка! Ты уже приехал?

— Приехал, Владик, приехал! Откуда ты звонишь?

— Из парка культуры, из автомата! Дедушка, дедушка, скорей включай радио, дядя Борис петь будет!

— Постой, какой это дядя Борис?

— Какой? — озадаченно переспросил Владик. — Твой... Дядя Борис с тремя сыновьями и двумя дочками... Он выступает в летнем театре, а ты услышишь по радио. А потом он к нам приедет. И бабушка просяла передать, чтобы ты ничего на кухне не трогал...

— А больше она ничего не просила?..

Но в трубке послышались гудки — внук его, нетерпеливый мальчишка, видно, повесил трубку, чтобы не опоздать к началу.

«Что же это за Борис с тремя сыновьями и двумя дочками? Чей это дядя? Мой? Но у меня такого сроду не было, я вообще никакого Бориса не знаю...» Размышая так, Алибек включил радио и — протяжная горская песня поплыла по комнате. Казалось, стены были тесны ей, и она рвалась на простор, к синему весеннему небу... Алибек с детства помнил эту песню и невольно принялся подпевать, а потом ноги сами прошлись, приплясывая, по комнате...

Да, давненько не доводилось ему плясать, а было, было время...

Когда-то, еще подростком, пришлось немало Алибеку истрепать бурок, вроде той, что таинственным образом оказалась сейчас в его спальне. Батрачил он тогда на сельских богатеев, пас скот. И единственным богатством Алибека была пастушеская свирель, сделанная из ствола старого ружья. Давным-давно дед Алибека купил кремневку у какого-то кабардинца, долгие годы охотился с ней и, умирая, завещал сыну. Когда ствол ружья истончился от времени, отец Алибека отнес его к мастеру и сказал:

— Хорошее было ружье, достойное даже такого великого охотника и воина, как нарт Батрадз. Да видно, срок ему вышел. Сделай-ка, мастер, из ствола свирель для моего мальчика, да такую, чтобы нарт Азамаз, самый искусный музыкант, позавидовал.

Так ружье превратилось в свирель. Алибек любил, наигрывая, бродить по горам со стадом. Ветер подхватывал переливы мелодии и уносил далеко-далеко.

А когда подрос Алибек, стали приглашать его на аульские свадьбы. Похвала стариков, одобрительные крики парней, ласковые взгляды девушек были ему наградой. Пришлось ему как-то играть и на свадьбе у алдаров Тугановых. Играли он самозабвенно, забыв обо всем, выводил то трели горной индейки, то щелканье соловья. И хозяева оказали ему особую честь — попросили станцевать. А где вы видели пастуха, которого бог обошел этим даром!

Лихо носился Алибек на носках под звуки гармоши.

ки и мерное хлопанье в ладоши. А когда закончился танец, снял с головы шапку и низко поклонился. Долго хвалили его и хозяева, и гости, да, видно, не всем пришелся по душе веселый пастух. Подошел к Алибеку один из богатеев, стареющий щеголь в туго стянутом бешмете, и, презрительно кривя тонкие сухие губы, спросил:

— Скажи, пастух, сколько тебе платят?

Алибек, ничего не подозревая, ответил.

— Я положу тебе вдвое больше — иди ко мне пугалом на пашню! Клянусь, ни одна птица не решится сесть на мое поле!

Он сунул палец в одну из дыр истрапанной черкески Алибека и потянул. Старая ткань с треском порвалась.

Что мог ответить на это Алибек? Он только сжал кулаки, повернулся и пошел прочь.

Человек не может забыть лица своего обидчика. И сейчас, столько лет спустя, видел Алибек эту кривую усмешку, и сердце снова сжималось от гнева.

Будто в беспамятстве возвратился тогда Алибек домой. Мать, как могла, пыталась его утешить.

— Не горюй, сынок, что тебя обидел этот безмозглый негодяй. Хороший человек не станет смеяться над бедностью, а на дурного не стоит и смотреть...

Но не успел Алибек прийти в себя, как распахнулась дверь, и в дом ввалились приятели, а с ними Беро — лучший его друг. Всегда веселый, всегда задорный, Беро и на этот раз шутливо ушипнул Алибека и сказал:

— Отвечай, может ли тот называться мужчиной, кто бежит с поля боя и бросает свое оружие врагу? — и показал Алибеку его свирель. Только тут вспомнил Алибек, что, выходя танцевать в круг, он отдал свирель кому-то подержать и забыл о ней. Но до свистульки ли какой-то было теперь его уязвленной душе?

— Тоже мне, оружие! Пока я играл, мне казалось, что сердца всех вторят моему. Как люди хвалили мои песни! А оказывается, все это показное. Тот бездельник оскорбил меня перед всем селением, и никто не подумал за меня заступиться, потому что он — богач, а я — бедный пастух, хоть и умею дуть в эту дудку! Нет, вижу я, ни к чему мое искусство. А потому зарекаюсь: впредь больше в руки не возьму свирель. Хочешь — забирай ее себе.

Беро поднес свирель к губам — жалобная мелодия, как стон раненого сердца, заполнила убогую саклю, заглушая звуки гармошки, доносящейся со свадьбы...

Давно это было. Много лет не видел Алибек ни родного села, ни друзей детства. Каждый из них пошел по жизни своей дорогой. Алибек уехал в город, долго учился, стал инженером. Уже лет двадцать не бывал он в отчём крае. И вот теперь мохнатая бурка и протяжная песня напомнили ему молодость.

Алибеку захотелось примерить когда-то такие удобные и необходимые для пастуха вещи. Он накинул на плечи бурку, надвинул папаху на лоб, прицепил кинжал к поясу брюк и, гордо подбоченившись, глянул на себя в зеркало. Ничего не скажешь, вид внушительный, даже грозный. Увидела бы его сейчас Нина. И этот неизвестный «дядя Борис». Уж ему-то круто бы пришлось! Издав воинственный клич, Алибек выхватил кинжал из ножен и взмахнул им в воздухе. Бурка неуклюже свалилась с плеч, жалобно зазвенели рюмки в буфете. Да, поосторожнее надо — это все-таки квартира! Алибек опустил кинжал в ножны. Взгляд его упал на продолговатый кожаный футляр. Что там может быть? Расстегнул застежку и достал позолоченную свирель. Что ж, со свирелью он, пожалуй, смотрится в зеркале лучше, чем с кинжалом. Алибек поднес ее к губам и попробовал заиграть. Но пальцы скользили бесполково, и свирель лишь жалобно мяукала.

— Ну вот, так я и знал — ты все позабыл! — раздался сзади мужской голос.

Алибек вздрогнул, кровь бросилась ему в лицо. Он обернулся — в открытое окно со двора смотрел на него высокий широкоплечий мужчина с пышными седеющими усами на загорелом лице. По веселым глазам, в которых будто бы прыгали два бесенка, узнал Алибек своего старинного друга.

— Беро! Здравствуй! Заходи!

— Как — в окошко, или ты мне дверь откроешь? — улыбнулся Беро.

— Сейчас, сейчас, я мигом! — Алибек в смущении принял скидывать бурку, папаху, отцеплять кинжал... В это время щелкнул замок входной двери — это открыла Нина, и квартира сразу заполнилась разноголосым гомоном. Нина, Владик, Беро, дети Беро, которых

оказалось неисчислимое множество, разом обступили Алибека, обнимали, целовали.

— А я-то думал, — что за дядя Борис, — бормотал вконец растерявшийся Алибек. — Тебя ведь в детстве все звали Беро. Так это о тебе звонил Владик из театра? Значит, у тебя действительно пять душ детей?

— Почему пять? Здесь еще не все! Поднимай выше — девять! Шесть сыновей и три дочери. Младший только недавно в школу пошел. А у старшего сына сын — институт кончает, второй мой сын — чабан. Бурку я у него напрокат взял. Она и в дороге пригодится — в горах сейчас еще холодно. А потом, думал, буду со сцены выступать, так что же это за горец без бурки!

— Постой, постой, что ты все про бурку! Ты про село наше расскажи! Как там дела, как друзья и товарищи!

Беро укоризненно посмотрел на приятеля:

— Давно не бывал ты в родных краях. Много воды утекло за это время. У одних прибавилось радости, у других — горя. Молодые в селе тебя не знают, старики не помнят. — Беро окинул взглядом городское убранство комнаты. — Я уж заметил — все, кто переселился на равнину, нос воротят от родных гор. Вот и ты — горожанином стал, в родное село — ни ногой. Гляжу я на тебя — ты вроде как котелок закопченный. Посмотри в зеркало и скажи честно: кто из нас выглядит старше? То-то же. Приезжай к нам, подыши чистым воздухом! Посидим с тобой на поляне Орскена, вспомним детство...

— Приеду, Беро, обязательно приеду... У меня скоро отпуск... — словно оправдываясь, говорил Алибек.

— А не обманешь, в Ялту не укатишь?

— На этот раз не обману. Я уже давно собирался, да вот, понимаешь, все дела... Работа такая — не продохнуть. Да ты ведь знаешь — я только сейчас из Москвы вернулся.

— Из Москвы... А я тоже туда собрался. В Колонный зал.

Алибек недоверчиво взглянул на друга:

— В Колонный зал?

— Да, выступать буду... И знаешь, что меня при-

вело туда? Твой подарок, — он указал на позолоченную свирель.

— Что ты говоришь, Беро! — изумился Алибек. — То был ржавый кусок ружейного дула, а это...

— Это уж я позаботился — отнес твой подарок к ювелиру и попросил позолотить. И вот теперь я еду с ней в Москву, на всесоюзный смотр народных талантов.

— Ну что ж, Беро, выходит, ты стал лучшим хозяином свирели, чем я, — смущенно покачал головой Алибек.

— Помнишь, когда ты уезжал в город, мы тебя всем селом провожали. Каждый принес тебе что-нибудь на дорогу! Платок, кусок мяса, зажаренного по-домашнему, свежий пирог. Я тогда хотел вернуть тебе свирель. Все-таки она от отца тебе досталась, подумал, что в запале ее отдал, а теперь сам жалеешь. Но мне ты что в тот раз сказал: «На этой свирели только перед стадом играть, а в городе ни коров, ни овец нету!» И я оставил ее себе. А теперь вот буду не то что перед нашим колхозным стадом — перед столичными слушателями на ней играть. — Беро с нежностью посмотрел на свирель, вытер ее рукавом черкески. — Наверное, и москвичам приятно будет услышать ее голосок.

Быстрым движением он поднес свирель к губам и зазвучали негромкие нежные звуки...

Зауров родник

Для чабана нет лучшей поры, чем ранняя осень, — жара уже не мучает, а зимняя стужа еще в пути. И для глаз радость, и ногам отдых. Мутной пеной стекают тогда с открытых северных склонов в предгорные леса сытые отары. А в тех лесах раскидистые орешники и могучие чинары уже огрузли от плодов. Медленно бродят овцы, подбирая семечки чинар и орехи, нагуливают жир — вторую шубу на зимние холода. И чабаны, после целого лета под солнцем, радуются благодатной тени:

Легкий ветерок кружит в воздухе первые пожелтевшие листья, с тихим звоном они опускаются на еще сочную в солнечных росчерках траву, пугая укрывшуюся там малую птаху. И та, затрепетав крыльями, взмывает в скрытую ветвями безоблачную высь.

В ту далекую осень мой дядя по отцу, Тоти, впервые взял меня с собой почабанить. Из Ахсамарского ущелья мы перенесли отару к Заурову роднику. Сложив вещи в старом шалаше, приютившемся на небольшой поляне, товарищи оставили меня на стоянке, а сами погнали отару пастись.

Дел мне досталось немало. Надо было укрепить обветшавшую кровлю шалаша, чтобы не промокнуть в случае непогоды. Наломать кучу хвороста — ведь чабаны поддерживают огонь всю ночь. Принести воды и приготовить ужин, сварить болтушку овчаркам.

Осенний день короток — пока я брался то за одно, то за другое, солнце незаметно скользнуло за щер-

батые горные гребни. Сумерки наступили быстро. Издали послышались крики и пронзительный свист чабанов, лай собак, блеяние овец, а у меня и костер-то еще не разгорелся. Первыми прибежали собаки, виляя хвостами, с лаем бросились ко мне, но, не почуяв запаха еды, обиженно разлеглись вокруг шалаша и косились на меня голодными глазами.

Я стоял на коленях перед костром, с пригоршней щепок в руках, пытаясь раздуть пламя. А из глаз у меня катились слезы, то ли от дыма, то ли от досады на самого себя. Но костер так и не разгорелся.

Старший чабан Гадо, увидев мою беспомощность, не стал укорять, лишь усмехнулся в рыжие от табака усы. Но усмешка его была хуже браны.

— Ладно, Гино, — сказал он, — костер я уж сам как-нибудь разведу. Ты только дай мне напиться, а то в горле пересохло от ходьбы.

Я стремглав кинулся в шалаш, зачерпнул воды из деревянного ведра и подал ему. Но, сделав глоток, Гадо выплюнул воду из кружки.

— Разве это вода? Видать, поленился ты сходить к Заурову роднику?

Я виновато кивнул. Тропа к Заурову роднику была крутой и узкой, и я, поленившись спуститься, наскоро набрал воды из бочажка под скалой.

— Эй, Тоти, — кликнул старый чабан моего дядю. — Гино не знает дороги, так что берите-ка с ним ведра и отправляйтесь к Заурову роднику, пока еще не совсем стемнело.

Я вылил воду в корыто для собак — овчарки полакали немного и отошли недовольные прочь. А мы направились к роднику.

В лесу уже было совсем темно, и я лишь по звуку шагов и по скрипу дужки ведра угадывал идущего впереди Тоти. «И как это он различает тропинку?» — недоумевал я и корил себя за то, что не справился с поручениями и теперь заставил чабанов после трудного дня самих готовить ужин и еще тащиться со мной в темноте за водой.

Тоти остановился неожиданно, и я, не рассчитав, ткнулся ему в спину.

— Прислушайся, Гино, — прошептал Тоти, обняв меня за плечи. — Слышишь песню?

Мы стояли на краю обрыва. Оттуда веяло глубиной и влагой. Я вслушался в тишину примолкшего ночного леса, но никакой песни не услышал.

— Неужели ты не слышишь, как поет родник? — удивился Тоти.

Я всмотрелся. Глубоко под нами из теснинды выбирался родничок. Мне даже показалось, что я увидел, как поблескивает его мелкая рябь, отражая скучный свет, струившийся с ночного неба. И вдруг я действительно услышал, будто кто-то тихонько наигрывает на фандыре¹.

— Вот он, родник Заура, — по-прежнему шепотом сказал мне Тоти. — Днем он, как расплавленное серебро, а ночью ветры ущелья перебирают его серебряные струны. Ты слышал легенду о Зауре?

— Нет.

— Гадо обязательно расскажет ее сегодня вечером. Он каждый раз рассказывает, когда мы приходим на это место.

Золотой отблеск озарил листву. Я оглянулся. На нашей поляне вздымался костер. Стена леса скрывала пламя, лишь отдельные блики проскальзывали между стволов. Но тропа стала хорошо видна. Мы с Тоти осторожно спустились по склону...

Ужин был съеден, испеченные на завтра чуреки источали сытный запах. Овцы смирно лежали на поляне и, словно нехотя, жевали жвачку. Возле них растянулись разомлевшие от еды овчарки. Мы молча сидели кружком у костра, лишь временами кто-то поднимался, чтобы подбросить в огонь сухих веток. Гадо расположился у самого огня на чурбачке, грел свои старые кости. Вот он выкурил трубку, выбил ее и первый нарушил молчание.

— Ну-ка, парень, подай мне еще воды. После ужина меня всегда одолевает жажда, — попросил он меня.

Я поспешил вскочил и подал ему воду в деревянном черпаке. Старик с удовольствием выпил.

¹ Фандыр — осетинская скрипка.

— Заур, Заур, — медленно проговорил старый Гадо, обращаясь не к нам, а, казалось, к потемневшему от времени черпаку, к пляшущему костру, к горной ночи, в тишине которой пела свою песню серебряная струйка. — Имя твое сохранила нам легенда, а родник твой и по сей день служит людям. Чиста его вода, как чиста была душа твоя. И пока бьет этот родник, будет жить твое имя.

Старик передал мне черпак, поерзал на чурбачке, усаживаясь поудобнее, и снова стал набивать трубку. Все молча ждали, когда начнет он свой рассказ.

— Вы, дети, люди грамотные, ученые. Знаете, что у всякой истории есть сто начал. Легенду о Зауре, сыне Сая, народ тоже рассказывает по-разному. Я поведаю ее вам так, как сам когда-то услышал от наших отцов.

Гадо задумчиво посмотрел на костер и начал неторопливо и слегка нараспев:

— Давным-давно это было. Явился к чабанам на самое дальнее пастбище сын алдара — помещика. Бедные люди уже заранее знали, что всякий приход алдара или кого из его родни ничего хорошего не сулит. Так оно и вышло. Весь тот день с утра по небу ползли тяжелые тучи, словно сама природа предупреждала людей о беде, — тревожно блеяли овцы, беспокойно бегали собаки, то и дело вытягивая морды в сторону леса. И действительно, когда подступил вечер, вдруг послышался конский топот и на поляну выскочил нарядно одетый всадник. То ли он заблудился в лесу, возвращаясь с хмельной пирушки, то ли отстал от друзей на охоте, то ли отец ему наказал нагрянуть к чабанам нежданно-негаданно, проверить, хорошо ли они пасут хозяйствский скот, — теперь неизвестно. Известно только, что приняли его чабаны с почетом, провели в шалаши, усадили на кучу сухих ветвей, прикрытую бешметом старшего из пастухов, старика Алхаза. Один из младших чабанов выводил на поляне разгоряченного коня, другой подал сыну алдара воды из родника. Развели на поляне огонь пожарче, зарезали барашка, а когда костер прогорел, испекли чурек и зажарили жирный шашлык. Чабаны после сытной еды да трудного дня готовились спать, но алдарскому сыну спать не хоте-

лось. Он проведал отдохнувшего коня, погладил по холке и поставил ему ведро с питьевой водой. Конь нехотя цедил воду, а чабаны хмуро переглядывались. Обидело их не только то, что сын алдара поит своего коня из ведра, из которого они сами пьют, знали они, что воды больше нет, а до родника идти далеко. Однако никто не посмел прекословить гостю.

Черная ненастная ночь, как кошмой, окутала солнечные горы.

Чуреки и жирный шашлык вызвали у всех жажду. Но никто не говорил ни слова, никому не хотелось спускаться в ущелье по крутой, скользкой от вечерней росы тропе, да еще потом подниматься с полным ведром. Стоит оступиться — и полетишь в пропасть.

На беду захотел пить и сын алдара. Он потребовал воды. И тогда старый Алхаз обратился к пастуху Долату:

— Ты единственный мужчина среди этого молодняка. Сходи, Долат, принеси воды.

Воля старшего — закон для младшего. Но Долат сделал вид, будто не слыхал слов Алхаза, даже не пошевелился.

— Я схожу, почтенный Алхаз, — вызвался идти Заур, сын Сая. Он был самым молодым из чабанов, место его в пастушьем шалаше было с краю, у входа. Очень любил Алхаз Заура. Был он единственным сыном бедных родителей. Что, если случиться с ним несчастье? Но пока Алхаз раздумывал, Заур взял в одну руку деревянное ведро, в другую — свой пастуший посох, и вот уже он скрылся в темноте.

Долго не было Заура, а когда он вернулся наконец, старый Алхаз крепко прижал его к груди, как родного сына. Но немного воды донес Заур — не больше, чем полведра, остальное расплескалось, пока в темноте он спотыкался о камни да корни деревьев. Поэтому воды на всех не хватило. Заур снова взял ведро и посох и направился к роднику.

А повеселевший сын алдара начал тем временем подтрунивать над чабанами. Вот, мол, оказывается, у вас самый старший — самый трусливый, а самый меньший никого не боится. Тут бы и промолчать Долату, но нечистая совесть не давала ему покоя. К тому же, видно, хотел он и подольститься к сыну алдара.

— Да он сейчас дрожит, как лист чинары! Стоит крикнуть ему «ой» — и ведро выронит, — сказал Долат и, засмеявшись, выскоцил из шалаша, решил напугать Заура, когда тот будет подходить к стоянке, и отомстить за насмешки алдара.

Кто знает, какая мысль мелькнула у Заура, когда из темноты прямо на него выпрыгнула с диким воплем черная фигура. Но только взмахнул Заур со всей силы своим пастушьим посохом, и удар тот пришелся на голову Долата. «Убил», — только и простонал Долат и испустил дух. И понял Заур, какая стряслась беда...

Рассказчик умолк, глубоко вздохнул. Оглядел притихшую отару, помешал палкой в костре угли, достал обгоревшую ветку, стал раскуривать трубку. И, затянувшись несколько раз, продолжил:

— В те времена крепок был в горах закон кровной мести. Страшной была плата за пролитую кровь. Тогда не разбирались — прав ты или виноват. Нередко из поколения в поколение передавался завет о кровавой расплате. Чтобы примирить враждующие роды, самые достойные люди аула на коленях молили пощадить виновного. До сих пор у нас говорят в горах: «Дорогой, как кровь».

Огромную плату запросили родственники Долата за кровь убитого. Но чем мог расплатиться Заур? Семья его была бедной, в их дворе никогда и жеребец-то не всхрапывал. Даже продав все, чем владели его родные, он остался бы в долгу у кровников. К тому же отец Долата не соглашался на примирение. Он требовал мести.

Пришлось Зауру снять со стены отцовскую кремневку и уйти из родного дома в горные леса. Жил он среди зверей, сам как зверь гонимый. Как говорится, не боялся ни волков, ни чертей. Стрелял он метко, и сердце его не знало страха.

Прячась от людей, Заур исходил все окрестные горы и ущелья. Но часто возвращался он в те места, где совершил некогда нечаянное убийство.

Вы сами видите, места здесь, в Тараконе, глухие. Лишь чабаны приходят с отарой осенней порой, да раз в несколько лет забредет какой-нибудь отчаянный охотник. А в прежние времена еще меньше людей здесь

ки и мерное хлопанье в ладоши. А когда закончился танец, снял с головы шапку и низко поклонился. Долго хвалили его и хозяева, и гости, да, видно, не всем пришелся по душе веселый пастух. Подошел к Алибеку один из богатеев, стареющий щеголь в туго стянутом бешмете, и, презрительно кривя тонкие сухие губы, спросил:

— Скажи, пастух, сколько тебе платят?

Алибек, ничего не подозревая, ответил.

— Я положу тебе вдвое больше — иди ко мне пугалом на пашню! Клянусь, ни одна птица не решится сесть на мое поле!

Он сунул палец в одну из дыр истрепанной черкески Алибека и потянул. Старая ткань с треском порвалась.

Что мог ответить на это Алибек? Он только сжал кулаки, повернулся и пошел прочь.

Человек не может забыть лица своего обидчика. И сейчас, столько лет спустя, видел Алибек эту кривую усмешку, и сердце снова сжималось от гнева.

Будто в беспамятстве возвратился тогда Алибек домой. Мать, как могла, пыталась его утешить.

— Не горюй, сынок, что тебя обидел этот безмозглый негодяй. Хороший человек не станет смеяться над бедностью, а на дурного не стоит и смотреть...

Но не успел Алибек прийти в себя, как распахнулась дверь, и в дом ввалились приятели, а с ними Беро — лучший его друг. Всегда веселый, всегда задорный, Беро и на этот раз шутливо ушипнул Алибека и сказал:

— Отвечаю, может ли тот называться мужчиной, кто бежит с поля боя и бросает свое оружие врагу? — и показал Алибеку его свирель. Только тут вспомнил Алибек, что, выходя танцевать в круг, он отдал свирель кому-то подержать и забыл о ней. Но до свистульки ли какой-то было теперь его уязвленной душе?

— Тоже мне, оружие! Пока я играл, мне казалось, что сердца всех вторят моему. Как люди хвалили мои песни! А оказывается, все это показное. Тот бездельник оскорбил меня перед всем селением, и никто не подумал за меня заступиться, потому что он — богач, а я — бедный пастух, хоть и умею дуть в эту дудку! Нет, вижу я, ни к чему мое искусство. А потому зарекаюсь: впредь больше в руки не возьму свирель. Хочешь — забирай ее себе.

рят, у дурака сто рук. Обойди его подальше, чтобы он не зацепил тебя ненароком. А мудрому сам первым руку протяни. Что мы знаем о Зауре? Годы изменили его — но в худшую сторону или в лучшую? Чего он достоин — пули или доброго слова? Чтобы понять это, я отправляюсь на его поиски, и пока не повстречаю — не вернусь. Если Заур достоин смерти, я убью его. А если он достоин пощады, то беру его вину на себя.

Темболат слыл мудрым человеком не только среди сородичей, но и во всем селении. В трудную минуту любой человек мог у него получить добрый совет, сочувствие и поддержку. И народ платил ему любовью и уважением. А потому никто ему не посмел возразить.

И вот, взяв ружье и запас еды, Темболат отправился на поиски Заура.

Но где искать его? Следы кровника затерялись в непролазных лесах, в глубоких ущельях, средь безмолвных скал и грохочущих потоков. И Темболат, подумав, направился на то место, где некогда был убит брат его Долат.

Было уже за полдень, когда Темболат добрался до этого ущелья, его мучила жажда. Первым делом он спустился по тропке и напился из быстрого родника. Перекусив, Темболат растянулся на траве в тени и не заметил, как уснул. Проснувшись, он вздрогнул и схватился за ружье — не подстерег ли его кровник, не взял ли на мушку? Но все было спокойно; солнце, близясь к закату, освещало одну из стен ущелья, да вел свою немолчную песню родник. Темболат закинул за плечи мешок с едой, взял в руку ружье и стал подниматься вверх по склону к заброшенному чабанскому шалашу. Он уже добрался до гребня, когда вдруг услышал человеческий голос. Сердце Темболата замерло. Голос доносился с той самой поляны, где простился с жизнью его брат. Он взял ружье на изготовку и осторожно двинулся вперед. И когда подкрался к тому самому месту, где мы сейчас сидим, то удивленно замер.

Заур сидел на старой кошме, скрестив ноги, как степенный судья-кади, и разговаривал сам с собою. Неподалеку лежала его бурка, и юноша называл ее именем Долата. Пустой глиняный горшок был сыном алдара. Черкеска — старым Алхазом, охапка хвороста —

чабанами, а к шапке он обращался как к самому себе.

И тут, глядя на своего кровника поверх взведенного ружья, понял Темболат, что присутствует он на суде. Не шелохнувшись, лежал он в густой траве, стараясь не упустить ни единого слова. А Заур говорил, обращаясь к потрепавшейся бурке:

— Долат! Ты был старше других чабанов. Это ты должен был спуститься за водою, не дожидаясь просьбы старика. Но ты не нашел в себе смелости пройти по неверной тропе. Зачем же ты решил вымстить недовольство собой на другом, на мальчишке-чабане? Или ты хотел доказать, что другие еще трусливее тебя? В беде, которая с тобой приключилась, ты и сам виноват. Поэтому нам расплачиваться вместе.

Затем Заур повернулся к черкеске и промолвил:

— А ты, Алхаз, как мог ты, мудрый старик, отправить за водой мальчика? Или ты был так стар, что не надеялся на послушание чабанов! Как видишь, есть в том и твоя доля вины. И ты должен расплачиваться за кровь вместе со мною.

— А вы, чабаны, — обратился к лежавшим перед ним веткам Заур. — Каждый из вас был старше и крепче Заура. И уж если вы побоялись спуститься в ущелье, то почему вы не удержали Долата, когда он вздумал напугать Заура? На каждом из вас лежит часть вины за пролитую кровь, каждому расплачиваться вместе со мною.

После этого Заур встал и подошел к пустому горшку.

— Ты, сын алдара, больше всех виноват в случившемся. Ты принес нам несчастье. Это ты споил воду своему коню. Если бы не ты, чабанам не пришлось бы в темень спускаться к роднику, и никакой бы беды не произошло. Это ты своими насмешками распалил в Долате зло, и он вздумал посмеяться над Зауром. Ты должен расплачиваться за пролитую кровь! Велико твое богатство, и растет оно благодаря нашему труду. Ты бы мог заплатить родственникам Долата за меня, да тебе такое и в голову не придет. Но знай, ты — кровник всех своих батраков! И придет день, когда они потребуют от тебя расплаты.

Заур глубоко вздохнул и, повернувшись к своей шапке, долго глядел на нее.

— Ты, Заур, хорошо поступил, что не испугался принести воды для товарищей и для гостя в эту ненастную ночь. Это говорит о твоем мужестве. Но как могло случиться, что ты, ничего не испугавшийся на всем долгом пути, так испугался возле самой стоянки? Трудно понять, почему ты ударил Долата: из трусости или от храбрости? Но как бы то ни было, человек пал от твоей руки. И я не могу снять с тебя ту вину.

Долго стоял, склонив голову, Заур, сын Сая. А потом обратился к деревьям и травам, к скалам и горам:

— Будьте вы все моими судьями, ответьте, правильно я рассудил или нет?

Молчали древние скалы, ветерок не шевелил ветви деревьев... Но случилось чудо: в ответ Зауру раздался человеческий голос:

— Да, правильно! Правильно ты рассудил, мудрый Заур!

То были слова Темболата. Он отбросил ружье и сколом ринулся к Зауру. Как родной отец, как старший брат, обнял он юношу. И сказал ему так:

— Твоя мудрость помогла и мне разобраться во всем. И я, как старший брат убитого, прощаю тебя, прощаю и других виновных — всех, кроме одного. Вот кому от меня не будет прощения! — И с этими словами Темболат одним ударом кинжала разбил пустой горшок на мелкие черепки.

Здесь же Темболат и Заур поклялись в вечной дружбе и стали названными братьями. Они подстрелили кабана, изжарили мясо и разделили трапезу, согласно старому обычанию. А потом возвратились в село.

Вот так на этом самом месте человеческая мудрость победила глупость и чванство. Народ запомнил имя и честного Заура и мудрого Темболата.

Окончив свой рассказ, старый Гадо медленно поднялся, подбросил в костер несколько сухих веток. Пламя взметнулось ввысь, лизнув темноту. Все молча сидели вокруг огня, будто на золотом острове, среди тишины и немоты ночи. Луна еще не взошла, и редкие звезды лили жидкий неверный свет, от которого лес вокруг из черного становился серым, но еще более неяс-

ным и призрачным. Было так тихо, что хлопанье крыльев где-то сорвавшейся с ветки уснувшей птицы разнеслось по всему ущелью. А далеко внизу играл на серебряном фандыре родник Заура.

— А ну-ка, молодцы, кто из вас принесет старику еще немного воды? — раздался голос Гадо.

Я вздрогнул и, первым схватив черпак, набрал воды и подал нашему старшему. Выпив до дна, он вернулся к черпаку, поблагодарил, глаза его лукаво сощурились. И мне на миг подумалось — а не маленький ли это Заур успел так постареть?

Содержание

Как трудно орлу. Повесть. Авторизованный перевод Вал. Аксенова

Глава первая	
Набат гремит над Осетией	5
Глава вторая	
Не заезжай, всадник, в аул Камат!	19
Глава третья	
Цепью железной нам тело сковали	32
Глава четвертая	
Дорога черных дней	43
Глава пятая	
Язык без костей, но ломает кости	56
Глава шестая	
Глубоки воды Куры	81
Глава седьмая	
Как ты дорога, свобода!	98
Глава восьмая	
В туруханском «рае»	126
Глава девятая	
Декабрьский гром над тайгой	140
Глава десятая	
Тайга в огне	159
Глава одиннадцатая	
Тяжело орлу в неволе	198

Поступь времени. Рассказы. Авторизованный перевод Л. Асанова

Хетаг	217
-----------------	-----

Наказ отца	224
Улица его сына. Быль	232
Карабаш	244
Кузнец, сын кузисца	262
Кала и Кабо	267
Серебряная уздечка	276
Свирель	283
Зяуров родник	290

**Тазрет Урусланович
Бесаев**

**КАК ТРУДНО ОРЛУ
Повесть и рассказы**

Редактор В. Серганова

Художественный редактор В. Покусаев

Технический редактор Е. Румянцева

Корректор Н. Попикова

Сдано в набор 5/VII-1977 г. Подписано к печати
14/XI-1977 г. А 06785. Формат изд. 84x108¹/32. Бумага
тип. № 1. Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 15,96.
Уч.-изд. л. 15,65. Тираж 30 000 экз. Заказ № 4871
Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли и Союза писателей
РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Рязанская областная типография
390012, Рязань, Новая, 69/12

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге, ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении, направлять по адресу:

*121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник».*

1 p. 20 K.